

16+

Иван и Петр Киреевские Материалы к биографиям

Д. И. Писарев

**Иван и Петр Киреевские.
Материалы к биографиям**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Писарев Д. И.

Иван и Петр Киреевские. Материалы к биографиям /
Д. И. Писарев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98673-2

А. С. Хомяков (1856 г.), Д. И. Писарев (1862 г.), Г. М. Князев (1898 г.), В. Н. Лясковский (1899 г.), М. О. Гершензон (1910 г.) о жизни и творчестве Ивана и Петра Киреевских — двух выдающихся деятелей русской культуры первой половины XIX века. И. В. Киреевский (1806—1856) положил начало самобытной отечественной философии, основанной на живой православной вере и опыте восточно-христианской аскетики. П. В. Киреевский (1808—1856) прославился как фольклорист и собиратель русских народных песен. Материалы к биографиям, собранные современниками. Издание подготовлено доктором философских наук, профессором А. Ф. Малышевским.

ISBN 978-5-532-98673-2

© Писарев Д. И., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава I. Материалы к биографиям И. В. и П. В. Киреевских	5
§ 1. Документы и свидетельства современников	5
I. Первый биографический свод[1]	5
II. Рассказы и анекдоты[17]	14
III. Черты старинного дворянского рода[35]	20
IV. Официальные документы[38]	22
1	22
2	23
V. Письма	24
1. Письмо В. И. Даля П. В. Киреевскому[43]	24
2. Письма Е. А. Баратынского И. В. Киреевскому[44]	24
3. Письма А. С. Пушкина И. В. Киреевскому[103]	47
4. Письма оптинского старца иеромонаха Макария И. В. и Н. П. Киреевским[110]	48
§ 2. А. П. Елагина	69
I. Биографический очерк[200]	69
II. Заветные воспоминания[227]	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Д. Писарев, А. Хомяков, В. Лясковский, Г. Князев, М. Гершензон Иван и Петр Киреевские. Материалы к биографиям

Глава I. Материалы к биографиям И. В. и П. В. Киреевских

§ 1. Документы и свидетельства современников

I. Первый биографический свод¹

Род Киреевских принадлежит к числу самых старинных и значительных родов белевских и козельских дворян. В старину Киреевские служили по Белёву, владели в Белёвском уезде многими вотчинами и поместьями, и им исстари принадлежало село Долбино, в 7 верстах от г. Белёва. Замечательное красотою местоположения Долбино знаменито в округе своею старинною церковью, в которой находится чудотворный образ Успения Пресвятой Богородицы, усердно чтимый местными жителями. В продолжение летних месяцев почти ежедневно являются из г. Белёва благочестивые горожане отслужить молебен и поклониться святой иконе. В августе, во время Успенской ярмарки, несколько тысяч народа стекается в село Долбино из всех окружных городов и уездов.

В Долбине прошли первые детские годы И. В. Киреевского. Его отец, Василий Иванович Киреевский, был человек замечательно просвещенный. Он знал пять языков; библиотека, им собранная, свидетельствует о его любви к чтению; в молодости сам переводил и даже печатал романы и другие мелкие литературные произведения того времени, но по преимуществу он занимался естественными науками, физикой, химией и медициной, охотно и много работал в своей лаборатории, с успехом лечил всех требовавших его помощи. Он служил в гвардии и вышел в отставку секунд-майором, в 1805 году женился на Авдотье Петровне Юшковой. Во время первой милиции был он выбран в дружинные начальники. В 1812 году перевез всю свою семью в Орел. Здесь и в орловской деревне своей (Киреевской Слободке), в 3-х верстах от Орла, он дал приют многим семействам, бежавшим из Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взял на себя лечение, содержание и продовольствие 90 человек раненых русских, с христианским самоотвержением ухаживал за больными брошенными французами – и, на подвиг христианского сердоболия заразившись тифозною горячкою, скончался в Орле 1-го ноября 1812 года. Тело его было перевезено в село Долбино и похоронено в церкви. После него остались два сына – Иван (родился в Москве 1806 года 22 марта) и Петр (родился в Долбине 1808 года 11 февраля) и еще дочь Мария (родилась 1811 года 8 августа) на руках своей матери, овдовевшей на 23-м году жизни.

Авдотья Петровна Киреевская возвратилась с детьми в Долбино. Сюда в начале 1813 года переехал Василий Андреевич Жуковский, ее близкий родственник, воспитанный с нею вместе

---

¹ Елагин Н. А. Материал для биографии И. В. Киреевского. Подготовлен для первого собрания сочинений И. В. Киреевского (М., 1861), изданного А. И. Кошелевым. – *Сост.*

и с детства с нею дружный. Жуковский прожил здесь почти два года. В конце 1815 года он оставил свою белевскую родину: поехал в Петербург для издания своих стихотворений, надеясь возвратиться скоро и думая посвятить себя воспитанию маленьких Киреевских и принять на себя опекунские заботы.

<...> Жуковскому не суждено было возвратиться на житье в Долбино. Жуковский остался в Петербурге, вступил в службу и только изредка и на короткое время мог приезжать в свою белевскую родину. Но несколько лет, проведенных вблизи такого человека, каков Жуковский, не могли пройти без следа для молодой души Киреевского. Киреевский развился весьма рано. Еще в 1813 году он так хорошо владел шахматною игрою, что пленный генерал Бонами не решался играть с ним, боясь проиграть семилетнему мальчику, с любопытством и по несколько часов следил за игрою ребенка, легко обыгрывавшего других французских офицеров. Десяти лет Киреевский был коротко знаком со всеми лучшими произведениями русской словесности и так называемой классической французской литературы; двенадцати лет он хорошо знал немецкий язык. Конечно, тихие долбинские вечера, когда Жуковский почти каждый раз прочитывал что-нибудь только что им написанное, должны были иметь сильное влияние на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть может, его решительная склонность к литературным занятиям, идеально-поэтическое настроение его мыслей. Для Киреевского Жуковский всегда оставался любимым поэтом. Излишне, кажется, говорить об их дружеских отношениях, не изменявшихся во все продолжение их жизни. Жуковский горячо любил Киреевского, вполне ценя и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всех литературных предприятиях Киреевского Жуковский спешил являться первым и ревностным сотрудником и, если обстоятельства того требовали, энергическим заступником. Зная Киреевского, он всегда смело мог ручаться за благородство его стремлений, за искренность его желаний блага.

<...> До пятнадцатилетнего возраста Киреевские оставались безвыездно в Долбине; у них не было ни учителей, ни гувернеров²; они росли и воспитывались под непосредственным руководством матери и отчима³. В 1817 году А. П. Киреевская вышла замуж за своего внучатого брата Алексея Андреевича Елагина. Елагин, горячо и нежно любивший Киреевских, был их единственным учителем до 1822 года, и молодой Ваня Киреевский привязался к своему второму отцу всеми силами своей любящей души. Киреевский развился быстро; не говоря уже о том, что он еще в деревне прекрасно выучился по-французски и по-немецки, коротко познакомился с литературами этих языков, перечел множество исторических книг и основательно выучился математике. Еще в Долбине начал он читать философические сочинения, и первые писатели, которые случайно попались ему под руки, были Локк и Гельвеций, но они не оставили вредного впечатления на его отроческой душе. А. А. Елагин, вначале усердный почитатель Канта, которого «Критику чистого разума» он вывез с собою из заграничных походов, в 1819 году через Веланского познакомился с сочинениями Шеллинга, сделался его ревностным поклонником и в деревне переводил его письма о догматизме и критицизме. Светлый

² Для упражнения в немецком языке при маленьких Киреевских с 1815 до 1818 года был немец К. И. Вагнер. Обязанность его также была одевать детей, гулять с ними, однако при этом он никогда не был ни гувернером, ни преподавателем. — *Н. Е.*

³ О домашнем образовании Киреевских дает представление листок с заданием на три месяца, сохранившийся в дневнике М. В. Киреевской, младшей сестры Ивана в Петра. Запись на этом листке относится к 1820-м годам, но она, конечно, характеризует систему и метод обучения не одной только Маши: источники, по которым М. В. Киреевская изучала основы наук, несомненно, были знакомы и ее старшим братьям. Обращает на себя внимание объем задания и круг чтения пятнадцатилетней девочки. «Французский: Перевести Сократа, грамматику и прочесть трагедию Вольтера. Немецкий: Грамматика, прочесть 1 том истории Нидерландов, перевести «Ундину». Английский: Прочесть «Лалла Рук». Русский: Перевести Фенелона «Educ des Fillis», выучить 100 страниц стихов, всякий день по 3 страницы. Прочесть 5 томов Карамзина хорошенько и 4 тома Сисмонди. Кроме других пиес, выучить концерт Риса наизусть. Французский 1 раз в неделю в понедельник по 6 страниц переводить от 11 до 1. Немецкий 3 раза в неделю: вторник, четверг, суббота. Каждый раз 10 страниц перевести и 25 прочесть, утро до 1 часа. Английский 1 раз в понедельник вечером. Русский 2 раза в неделю: среда, пятница по 15 страниц за раз; каждый раз по 9 страниц стихов. 3 раза в неделю читать Карамзина от 5 до 7 после обеда. 2 раза в неделю Сисмонди от 9 до 11» (ЦГАЛИ, ф. 236, оп.1, ед. хр. 495). — *Сост.*

ум и врожденные философические способности И. В. Киреевского были ярки в этом почти что отроческом возрасте; прежние литературные разговоры во время длинных деревенских вечеров нередко стали заменяться беседами и спорами о предметах чисто философических, и, когда Елагины, для дальнейшего воспитания детей, переселились в Москву, молодой Киреевский явился (1822 г.) в кругу своих сверстников знакомым со многими положениями тогдашней германской философии.

В Москве (1822 г.) Иван Васильевич начал учиться по-латыни и по-гречески, и выучился сколько требовалось тогда для экзамена⁴, брал уроки у Снегирева, Мерзлякова, Цветаева, Чумакова и других профессоров Московского университета, слушал публичные лекции профессора Павлова и выучился по-английски. Некоторые уроки он брал вместе с Аллександром Ивановичем Кошелевым, и с этих пор начинается дружба Киреевского и Кошелева, крепкая на всю жизнь. Они вместе выдержали так называемый комитетский экзамен и в одно время вступили на службу в 1824 году в Московский главный архив Иностранной коллегии. В это время в архиве, под просвещенным начальством Алексея Федоровича Малиновского, служил цвет тогдашней московской молодежи – архивные юноши, как называл их Пушкин. Товарищами Киреевского были Веневитиновы (Д. В. и А. В.), В. П. Титов, С. П. Шевырев, И. С. Мальцев, И. А. Мельгунов, С. А. Соболевский и многие другие. Из них составилась первый круг друзей Киреевского, и к нему примкнули питомцы Московского университета: Н. М. Рожалин, М. А. Максимович и М. П. Погодин. Это было цветущее время русской словесности, ознаменованное яркими успехами Пушкина; вокруг него начинала светиться блестящая плеяда первоклассных поэтических талантов; имена Баратынского, Языкова, барона Дельвига, Веневитинова, Хомякова начали нередко мелькать в альманахах и журналах того времени. Они навсегда останутся драгоценным украшением русской словесности, но рядом с возникновением деятельности чисто литературной в Москве стала возникать в это время новая умственная, под влиянием философии Шеллинга. В 1821 году профессор М. Г. Павлов, по возвращении из-за границы, читал в университете и в университетском Благородном пансионе лекции о природе. Впечатление его лекций было сильное и плодоносное, возбуждавшее в тогдашнем поколении москвичей сочувствие к философии германской. Одним из первых ее поборников явился тогда питомец Московского университета, князь В. Ф. Одоевский, собиравший у себя небольшой круг молодых литераторов во имя любознания и с 1824 года издавший свою четырехкнижную «Мнемозину», в начале которой была помещена прекрасная статья его учителя Павлова о способах исследования природы. К этому кругу принадлежал Киреевский с своими архивскими сослуживцами, между которыми самую блестящую и любимую надеждою был Д. Веневитинов, «рожденный для философии еще более, чем для поэзии»⁵, но, по несчастью, у той и другой отнятый преждевременною неожиданною смертью. Еще в исход 1826 года⁶, когда,

⁴ Недостаточность своих сведений в древних языках И. В. Киреевский почувствовал гораздо позднее и только в 1840-х гг. снова (через 20 лет) стал учиться латыни и греческому. Впоследствии он мог в подлиннике читать классиков и Святых Отцов. – *Сост.*

⁵ Слова И. В. Киреевского. – *Н. Е.*

⁶ О московском периоде жизни Ивана и Петра Киреевских в какой-то мере могут свидетельствовать «Ежедневные записки» М. В. Киреевской. Дневник М. В. Киреевской велся с 1825 г., когда ей было 15 лет. И хотя она не была еще участницей литературных собраний у Елагиных, все же в ее «Записках» встречаются некоторые факты и имена, а также зарисовки жизни семьи: «1825 год. Января 4. <...> Я заметила, что мне надобно стараться убежать шутки, потому что сегодня за обедом Батеньков у меня спрашивал, какой я нации, и я отвечала в шутку – никакой, он принял это за серьезное и подумал, что я не знаю, какой я нации. 1826 год. 4 марта. <...> Ванюша уговаривал Петрушу не идти в военную службу, подобно Сократу, очень умно. 17 марта. <...> У нас сегодня обедал Одоевский, он прекрасно играет на фортепиано и кажется довольно любезным. Мне он очень жалок. У него имение очень расстроено, а старый и богатый его дядя ничего ему не дает. 22 марта. <...> В вечеру <...> пришли Яниш и Соболевский. 27 марта. <...> В 7 часов пришел Максимович в приехали Арбены П. А. и А. П. <...> Во весь вечер у нас был один Максимович. 28 марта. В 7 часов Петенька и Ванюша уехали к Полевому. К нам приехали Яниш и Гагарина <...>, говорили об истории, которую до смерти бы хотелось, чтобы поскорее кончили, т. е. всех освободили и простили. 5 апреля. <...> Вечером были Яниши. 4 мая. <...> Часу в восьмом вечера приехал Ляпунов с женой, я сидела до конца и долго вслушивалась в ее разговор с маменькой, все говорили о нарядах. Таков почти всегда дамский

приехавши в Москву, Пушкин так дружно сошелся с Веневитиновым и сблизился с его товарищами, у них состоялся новый литературный журнал «Московский вестник», под редакцией М. П. Погодина. Киреевский не вступал еще на литературное поприще, к которому готовился и на котором начинали действовать его товарищи.

В начале 1827 года, когда в Москве возобновились литературные вечера у княгини З. А. Волконской, на которых бывал Киреевский, князь Вяземский успел взять с него слово написать что-нибудь для прочтения, и он написал «Царицынскую ночь». Это был первый литературный опыт Киреевского, сделавшийся известным многочисленному кругу слушателей и ныне впервые напечатанный. Весною 1828 г., когда московские литераторы провожали уезжавшего в Петербург Мицкевича, за ужином, при поднесении ему серебряного кубка, И. Киреевскому первому пришлось произнести свои стихи в честь польского поэта. В том же году он написал для «Московского вестника», издаваемого его друзьями, Погодиным и Шевыревым, «Нечто о характере поэзии Пушкина». Статья была напечатана без подписи его имени и только с цифрами 9 и 11. Тогда же и Петр Киреевский напечатал в «Вестнике» отрывок из Кальдерона, переведенный им с испанского, и издал особою книжкою перевод байроновской повести «Вампир». Таким образом в 1828 г. оба брата вместе выступили на литературном поприще.

<...> В конце 1829 года М. А. Максимович, собираясь издать альманах «Денница» на 1830 год, убедил Кировского написать для нее обозрение русской словесности за 1829 год. И он охотно занялся этою второю статьею, написанною им для печати, и решился под нею, в первый раз, подписать свое имя.

В июле 1829 года Петр Васильевич Киреевский отправился за границу для слушания лекций в германских университетах. Иван Васильевич остался в Москве; он желал ехать в чужие края, прежде чем приступить к исполнению своих заветных предположений об издании журнала и заведении типографии. Его приковывали к Москве другие сердечные заботы. Иван Васильевич полюбил ту⁷, которой впоследствии суждено было сделаться подругой его жизни, и в августе 1829 года искал ее руки, но предложение его, по некоторым недоразумениям, не было принято. Со стороны Киреевского это не была минутная страсть, скоропреходящее увлечение молодости: он полюбил всею душою, на всю жизнь, и отказ глубоко потряс всю его нравственную и физическую природу. Его и без того слабое здоровье видимо расстроилось, за него стали бояться чахотки – и путешествие было уже предписано медиками как лучшее средство

разговор, и у меня нету другого. Надо больше учиться. Потом приехали Норов и Титов. Норов читал свое сочинение «Очарованный узник», мне оно очень понравилось. **1827 год. 1 января.** <...> До 9 часов вечера играла на фортепиано. Остальной вечер сидела у маменьки, у нас были Погодин и Яниш. **7 марта.** <...> Переводила с русского на немецкий с Петрушей, потом записала то, что перевела. Тут было уже три часа. Вечером читала с Петрушей. **8 марта.** <...> До часу перевела 8 страниц с французского на русский. Потом читала и переводила с Петрушей до 4 часов. **21 сентября.** <...> Приехал Мельгунов, весь день рисовала, и вечером играли на фортепианах. **1828 год. 11 января.** <...> За обедом было очень скучно. Разговор Азбукина и Воейкова совсем не занимателен. После обеда, в то время как они играли в карты, я все говорила с Петрушей. Он научил меня, что такое ямбы и хорей. Потом приехали Кошелев и Офросимов с женами. **3 февраля.** <...> После чаю Ванюша хвалил Тика, а маменька и Рожалин нашли его странным. **19 февраля.** <...> Вечером мне было весело. У нас были Мицкевич и Матюшкин. Они оба интересно и хорошо говорят. Мицкевич много говорил о Польше, как это должно быть ему тяжело, бедный изгнанный. **1 марта.** <...> Вечером танцевали. Каролина Яниш выдумывала смешные фигуры. Шевырев был очень любезен. **5 марта.** <...> После ужина говорили о Geisteserher, что это человек, в котором все страсти перекипели и следы только оставили на лице. Он покорил все страсти. Вокруг него какое-то тихое величие, и он для всех непостижим, потому что выше всех. **10 марта.** Сегодня все, что делала, было прилежно. Вечером приехали Погодин и Шевырев. **6 августа.** <...> У нас был Шевырев, Фонвизин, Погодин, Максимович. Очень было весело. **18 августа.** <...> Возвратясь, нашли дома Погодина, и Ванюша читал свою сказку. **1829 год. 25 июня.** <...> Боже мой, как трудно иметь над собой власть! Провожаем Языкова, как жаль, что он едет! Братьям и Петерсону так с ним было весело! Что будет, когда поедет Петруша, мне даже подумать об этом горько. Как я люблю этого доброго Пьера, он совсем не кажется таким чувствительным, каким он есть в самом деле. **26 июня.** Весь день работала, а вечером ничего не делала. Опять не перевела этих трех страниц. Чем больше откладывать, тем хуже. Ах, как мне хочется учиться и образовать себя как только можно лучше. Когда все кончу для Пьера, примусь за ученье. Сильная воля наконец возьмет верх над ленью <...>» (ЦГАЛИ, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 495). – *Сост.*

⁷ И. В. Киреевский был влюблен в свою троюродную сестру Наталью Петровну Арбеневу. – *Сост.*

для рассеяния и поправления расстроенного здоровья. Иван Васильевич выехал из Москвы в начале января 1830 г. – и 11-го января был уже в Петербурге.

<...> Иван Васильевич Киреевский воротился в Москву 16 ноября, через неделю приехал Петр Васильевич, промедливший поневоле несколько дней в Киеве⁸. На этот раз холера, слава Богу, не коснулась их семьи, и оба брата нашли здоровыми всех своих близких и друзей.

В продолжение 1831 года И. В. Киреевский написал несколько водевилей и комедий, которые были разыграны на домашнем театре. Вместе с Языковым написал он «Вавилонскую принцессу», драматический фарс в прозе, перемешанный стихами, и осенью приступил к исполнению давно задуманного плана: изданию журнала. Название «Европеец» достаточно указывает на тогдашний образ мыслей Киреевского. Ревностными сотрудниками «Европейца» в Москве были Языков, Баратынский и Хомяков; в Петербурге Жуковский, кн. Вяземский, А. И. Тургенев и кн. Одоевский. В конце этого года Жуковский приехал в Москву и отдал для первого номера свою сказку «О спящей царевне» и тотчас после выхода первой книжки прислал «Войну мышей и лягушек», «Суд Божий», «Царя Берендея» и несколько мелких пьес, почти что целый том стихотворений. Пушкин, довольный разбором «Бориса Годунова», написал Языкову, что пришлет для «Европейца» все, что будет им окончено, радовался новому журналу и обещал свое полное и деятельное сотрудничество. «Европейцу» предстояла блестящая будущность: все, что было знаменитого тогда в литературе, блестящие таланты того времени, которыми, по справедливости, всегда будет гордиться русская словесность, люди эти бескорыстно соединились для дружной деятельности. Но «Европейца» вышло только две книжки; все, что было в этих книжках самого Киреевского, ныне перепечатано вполне. Читатель может ясно видеть, что в статьях сих нет ничего возмутительного, ничего такого, что мог бы вычеркнуть самый подозрительный цензор нашего времени. Но у Киреевского было много врагов литературных, которым не нравился успех нового журнала и которые не могли забыть его прежних критических разборов. Статья его «XIX век» была перетолкована, и 22 февраля 1832 года журнал был запрещен. В запретительной бумаге было сказано, что «хотя сочинитель и говорит, что он говорит не о политике, а о литературе, но понимает совсем иное: под словом просвещение он понимает свободу, деятельность разума означает у него революцию, а искусно отысканная середина не что иное, как конституция: статья сия не должна была быть дозволена в журнале литературном, в каковом запрещается помещать что-либо о политике, и вся статья, невзирая на ее нелепость, написана в духе самом неблагонамеренном». Далее разбор представления «Горе от ума» признан за самую непристойную выходку против находящихся в России иностранцев. Посему цензор был подвергнут законному взысканию, продолжение журнала воспрещено, и Киреевский официально признан человеком неблагомыслящим и неблагонадежным. Цензор Сергей Тимофеевич Аксаков, пропустивший в то же время шуточную поэму «12 спящих будочников», вскоре был отставлен. Киреевскому, кроме запрещения журнала, угрожало удаление из столицы, и он спасен был только горячим и энергическим заступничеством В. А. Жуковского.

Счастливы мы, что живем в такие времена, когда не только возможно рассказать о тогдашней цензурной придирчивости, но когда подобные цензурные дела перешли уже в область предания, которому верится с трудом, стали делами давно минувших дней, глубокою стариною, которой, слава Богу, конечно, не суждено уже возродиться.

---

⁸ П. В. Киреевский проехал через Варшаву накануне Польского восстания (в ноябре 1830 – октябре 1831 гг. в Королевстве Польском, а также на территориях Литвы, Западной Белоруссии и Правобережной Украины проходили выступления против России). Курьер, привезший известие о вспыхнувшем возмущении, приехал в Киев несколькими часами ранее П. В. Киреевского. В киевской полиции П. В. Киреевскому отказались дать свидетельство для получения подорожной: полиции показалось странным, что человек спешит в чумный город, из которого все старались выехать. Польское окончание фамилии на – *ский*; паспорт, в котором указано, что при г-не Киреевском имеется человек, между тем как он возвращался один (человек был отпущен несколькими месяцами ранее), – все эти обстоятельства показались подозрительными. – *Сост.*

Глубоко поразила Киреевского эта неудача на поприще журнальной деятельности, он смотрел на нее как лучшее средство быть полезным отечеству, готовился к ней как к святому подвигу жизни, и деятельность эта, поддержанная дружеским сотрудничеством людей, мнением и одобрением которых он дорожил еще более, чем блеском успеха, деятельность эта была внезапно порвана при самом начале. Киреевский перестал вовсе писать. В продолжение 11-ти лет им не было написано ни одной статьи, под которой он подписал свое имя. Маленький разбор стихотворений Языкова, помещенный в «Телескопе», был напечатан без имени. Близкие друзья его и даже сам Языков, не знали, что статья принадлежит ему. Небольшая статейка об русских писательницах была написана по просьбе Анны Петровны Зонтаг для одесского «Альманаха», изданного с благотворительною целью. Повесть «Опал» и другой отрывок из повести были написаны для «Европейца», хотя и были напечатаны впоследствии. В продолжение двенадцати лет Киреевский почти ничего не писал, и, когда он снова начал печатно высказывать свои мысли (1845 г.), они, по направлению, были во многом не согласны с теми мнениями, выражением которых служил «Европеец».

Повторим здесь слова Хомякова: «Слишком рано писать биографию Киреевского: о движении и развитии его умственной жизни говорить еще нельзя, они так много были в соприкосновении с современным и еще недавно минувшим, что невозможно говорить о них вполне искренно и свободно⁹». В этом очерке мы и не думаем писать полной его биографии... Мы вовсе не думали анализировать движение его умственной жизни; заметим одно: мог измениться его взгляд на многие исторические явления, на значение петровского преобразования, даже на все наше просвещение в отношении к просвещению западному, но в самом Киреевском не было резких противоречий... В нем самом не было этой раздвоенности; его сердечная уверенность никогда не была в разладе с его логическими выводами... Логический вывод был у Киреевского всегда завершением и оправданием его внутреннего верования и никогда не ложился в основание его убеждения.

Подле Киреевского, неразлучно с самых первых лет детства, был его брат Петр Васильевич. Они были связаны такою нежною, горячею дружбою, которая бывает редка даже между братьями. Мы видели <...> из писем Ивана Васильевича, как высоко он ценил своего меньшего брата, но в эпоху запрещения «Европейца» взгляды их во многом были несходны. Щедро одаренный от природы¹⁰, Петр Васильевич смолоду с особенной любовью сосредоточил все свои силы над изучением русской старины и выработал свой самостоятельный взгляд – глубокое убеждение в безусловном вреде насилия петровского переворота, в этом отступничестве дворянства от коренных начал русской народной жизни. Он долго оставался одинок со своими убеждениями, они казались чудачеством, непоследовательностью в человеке, который искренно был предан свободе и просвещению, и Ивану Киреевскому трудно было согласить свои европейские мнения с упорным славянством брата. Их разномыслие в таком жизненном вопросе выражалось почти что в ежедневных, горячих спорах, состояние это не могло не быть крайне тяжелым для того и другого; чтобы уцелела вполне их единодушная дружба, необходимо было, чтобы один из них пересоздал свой образ мыслей и сведений, взгляд старшего брата постепенно изменялся по мере того, как несокрушимо цельное убеждение младшего укреплялось и определялось изучением современной народности и древней, вечаевой Руси.

---

⁹ См.: Хомяков А. С. Иван Васильевич Киреевский (Наст. изд.). – *Сост.*

¹⁰ П. В. Киреевский говорил и писал на семи языках, но при этом литературное творчество было для него делом трудным. Единственная статья его была написана для журнала «Москвитянин» в 1845 г., из переводов его молодости остались в рукописи несколько трагедий Де Ла Барка Кальдерона и Уильяма Шекспира. Перевод П. В. Киреевского «Истории Магомета» Вашингтона Ирвинга был напечатан только после его смерти. Свой подвиг собирания русских песен он начал летом в 1831 г. В молодости П. В. Киреевский был крайне застенчив, однако А. С. Хомяков говорил, что не видывал человека с большими миссионерскими способностями. Уместно вспомнить и другое справедливое замечание Хомякова о том, что невозможно отдельная биография И. В. Киреевского, так же как невозможна отдельная биография П. В. Киреевского, возможна только биография братьев Киреевских. – *Сост.*

Иван Киреевский был дружен с Дмитрием Владимировичем Веневитиновым и еще с 1824 года был знаком с другом Веневитинова, Алексеем Степановичем Хомяковым; после запрещения «Европейца» короткое знакомство их перешло в дружбу. Алексей Степанович Хомяков был ревностный исполнитель обрядов православной церкви еще в то время, когда в высшем обществе, воспитанном на французский лад, неверие считалось признаком либеральности, а православие едва ли не служило синонимом невежества. Для многих, не коротко знавших Хомякова, его строгое постничество казалось одним желанием идти наперекор принятых обычаев света, для того чтобы вызвать на спор и в споре потешить свои блестящие диалектические способности. Киреевский был дружен с ним и знал, что в Хомякове все было искренно, все основывалось на твердой и сознательной вере и что эта животворящая струя проникла в нем все изгибы его бытия. Духовную высоту, нравственную чистоту его характера Киреевский ценил выше и его прекрасного поэтического таланта, и гениальных способностей его ума. Хомяков с ранней молодости был славянофилом; в этом отношении он дружно сошелся с Петром Киреевским и один из первых и вполне оценил, узнал его.

В 1834 году исполнились давнишние сердечные желания Киреевского. В марте месяце он помолвлен и 29 апреля женился на Наталье Петровне Арбеновой. Вскоре после свадьбы он познакомился с схимником Новоспасского монастыря, отцом Филаретом и, когда впоследствии короче узнал его, стал глубоко уважать и ценить его беседы. Во время предсмертной болезни старца Иван Васильевич ходил за ним со всею заботливостью преданного сына, целые ночи просиживал в его келье над постелью умирающего. Конечно, это короткое знакомство и беседы схимника не остались без влияния на его образ мыслей и содействовали утверждению его в том новом направлении, которым были проникнуты его позднейшие статьи.

С 1834 года Киреевский проводил почти всегда зимы в Москве, уезжая на лето в свое Долбино. Зимой 1839 года у него бывали еженедельные вечера для небольшого круга его друзей. По условию, каждый из посетителей должен был по очереди прочесть что-нибудь вновь написанное. Тут несколько раз читал Гоголь свои комедии и первые главы тогда еще не изданных «Мертвых душ»; для этих вечеров была написана покойным профессором Крюковым прекрасная статья о древней греческой истории и А. С. Хомяков написал статью «О старом и новом». Статья эта в некоторых частностях как будто противоречит выраженному впоследствии взгляду Алексея Степановича на русскую историю, но она никогда не предназначалась для печати. Очень может быть, что Хомяков написал ее с намерением вызвать возражение со стороны Киреевского. Ответная статья Киреевского¹¹ принадлежит уже к его позднему направлению, тому направлению, которое впоследствии он сам называл православно-славянское, «которое преследуется странными нападениями, клеветами, насмешками, но во всяком случае достойно внимания как такое событие, которому, по всей вероятности, предназначено занять не последнее место в судьбе нашего просвещения». Во главе этого нового умственного движения были братья Киреевские и Хомяков, и вокруг них собралось несколько молодых и сочувствующих людей, между которыми нельзя не вспомнить Дмитрия Александровича Валуева, племянника Языкова, выросшего вблизи Киреевских и развитием своим во многом обязанным их влиянию. Валуев скончался в первой молодости, но без отдыха до самой смерти, во вред своему здоровью, сгорая жаждою деятельности, неутомимо трудился над задуманными им изданиями. Первые томы славянского и симбирского сборников должны были быть началом обширного предприятия. Кто знал твердую волю и неутомимое трудолюбие покойного Валуева, тот смело мог бы поручиться, что наша ученая литература обогатилась бы многими и многими книгами, если бы смерть прежде времени не подкосила эту молодую, деятельную жизнь. Два сборника, изданные Валуевым, первые по времени книги, которые вполне принадлежат московскому славянскому направлению. «Москвитянин», начавшийся в сороковых

¹¹ В ответ А. С. Хомякову (Наст. изд. Т. 1). – *Сост.*

годах, несмотря на сочувствие к славянам, на уважение к древней русской истории, никогда не был вполне выражением того образа мыслей, во главе которого стояли Хомяков и Киреевские. До 1845 года Киреевские вовсе не участвовали в «Москвитяине»; участие Хомякова было отрывочно; это было переходное время, когда еще два мнения не разделились на два отдельные лагеря, когда в «Библиотеке для воспитания» (издание, выходящее под редакцией Валуева) участвовали и Грановский, и Хомяков, и Киреевский (Киреевским написана была для «Библиотеки» краткая биография Баратынского).

<...> С 1839 года Киреевский был почетным смотрителем Белевского уездного училища. Он принял это место не для того, чтобы считаться на службе и, ежегодно жертвуя небольшую сумму денег, получать чины, но добросовестно исполнял свою должность, следил за направлением и ходом преподавания и принимал живое участие в успехах учеников. В 1840 г. им была написана особая записка «О направлении и методах первоначального образования народа»¹², поданная тогдашнему попечителю учебного округа графу Сергею Григорьевичу Строганову. В 1854 г. представил он другую записку: о преподавании славянского языка совместно с русским, вследствие которой преподавание славянского языка было полезным делом просвещения в России¹³. Киреевский, сознавая свои силы, не мог удовлетвориться деятельностью смотрителя уездного училища. В сороковых годах в Московском университете кафедра философии, ограниченная тогда одною логикою, оставалась без преподавателя. Иван Васильевич искал этой кафедры; по этому случаю была им написана записка о преподавании логики, представленная им попечителю Московского университета графу Строганову. Университетская кафедра была бы, конечно, для него самым лучшим поприщем; здесь вполне могли бы раскрыться способности его, которыми так богато одарила его природа. Все, что писал Киреевский, носит в себе несомненный признак даровитости, но даровитость эта еще ярче отражалась в его разговорах. Киреевский был увлекательно красноречив и говорил гораздо лучше, нежели писал, и, конечно, силою своего таланта плодоносно и благотворно действовал бы на умы молодого поколения. К сожалению, намерение его не могло исполниться. Кажется, что память о «Европейце» и официальная неблагонадежность тяготели над ним и заграждали ему путь к кафедре, хотя мысли, высказанные в «Европейце», сделались почти что ходячими в русской литературе и давно перестали считаться опасными.

В 1844 году друзья Киреевского, зная, что по характеру его срочная работа всего более могла побуждать к деятельности, желали снова подвигнуть его на поприще журналистики. Но в те поры не было и надежды получить позволение издавать новый журнал. Михаил Петрович Погодин, подвергнувшийся в то время разным несчастиям, предложил передать Киреевскому «Москвитяинин». Киреевский в это время был в деревне, переговоры шли без него.

<...> Жажда деятельности была так сильна, что Киреевский принял участие в издании «Москвитянина», не получив официального разрешения, о котором он так много заботился. Им изданы были три первые книги «Москвитянина» на 1845 год. Они во многом напоминают книжки «Европейца». Снова Жуковский поспешил прислать все, что им было написано в стихах и несколько отрывков в прозе, с посланием, которое начиналось:

Слух до меня достиг на берег Майна,
Что ты, Киреевский, мой друг,
Задумал быть москвитянином.

Многие имена прежних сотрудников «Европейца» являются участниками обновленного «Москвитянина»: Александр Иванович Тургенев, Хомяков, Языков, князь Вяземский. Но в

---

¹² Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России (Наст. изд. Т. 1). – *Сост.*

¹³ О нуждах преподавания церковнославянского языка в уездных училищах (Наст. изд. Т. 1). – *Сост.*

статьях самого Киреевского и в прозаических статьях Хомякова светит уже другое направление, и достаточно поименовать других сотрудников Киреевского: его брата, Петра Васильевича Киреевского, Константина Сергеевича Аксакова, Дмитрия Александровича Валуева, Вас. Алекс. Панова, Михаила Александровича Стаховича, Як. Л. Липовского (страшно сосчитать, в какое короткое время и скольких уже нет!), достаточно назвать эти имена, других, слава Богу, еще живых деятелей, чтобы увидеть, что здесь начинается высказываться то убеждение, органом которого впоследствии служили «Московский сборник» и «Русская беседа». Под редакцией Киреевского были изданы только три первые книжки «Москвитянина» на 1845 год и переданы многие материалы для 4-го номера. Невозможность издавать журнал, не будучи его полным хозяином и ответственным издателем, и отчасти расстроенное здоровье заставили Киреевского отказаться от редакторства. Летом 1845 года Киреевский переехал в свое Долбино и оставался здесь до осени 1846 года. 1846 год, по словам Киреевского, был один из самых тяжелых в его жизни. В этот год он похоронил свою маленькую дочь¹⁴ и лишился многих близких друзей. Почти что в один год скончались Дмитрий Александрович Валуев, Александр Иванович Тургенев, Алексей Андреевич Елагин, Николай Михайлович Языков.

<...> В начале 1852 года Киреевский написал свое известное письмо к графу Комаровскому «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России». Статья эта была написана для «Московского сборника», издаваемого одним из молодых друзей Киреевского, Иваном Сергеевичем Аксаковым, и напечатана в первой книге. Второй том «Сборника» постигла участь «Европейца». Киреевский перестал вовсе писать для печати.

<...> В тишине своего деревенского уединения Киреевский продолжал работать для своего будущего философского сочинения, изучая писания Святых Отцов.

<...> Долбино в сорока верстах от Козельской Оптинской пустыни. Сюда нередко уезжал Киреевский и проводил здесь целые недели, душевно уважая многих старцев святой обители и особенно отца Макария, своего духовного отца, беседы которого он высоко ценил.

Оптинский монастырь, знаменитый в округе благочестием монашествующих братьев, известен почти в целой России изданием многих переводов Святых Отцов и других назидательных книг. В изданиях сих и Киреевский принимал живейшее участие¹⁵; почти все корректуры исправлялись в его доме; но не только заведование печатаньем, не одни хлопоты с типографией, цензурою и книгопродавцами, не об одной внешней стороне дела заботился Киреевский; <...> сами рукописи и переводы просматривались Киреевским.

<...> В 1856 году, после великой грозы на Руси, повеяло новой жизнью; русский ум почувствовал простор, и уста заговорили гласно. В Москве основался новый журнал «Русская беседа», под редакцией Кошелева, с участием всех друзей и единомышленников Киреевского. И дружеское отношение к издателю, и желание участвовать в предприятии, начатом с бескорыстной целью добра, и, наконец, возможность вполне высказаться без боязни, что слова его будут перетолкованы, – все это заставило Киреевского немедленно приняться за работу. В феврале он прислал в Москву свою первую статью «О необходимости и возможности новых

---

¹⁴ Речь идет о Е. И. Киреевской. – *Сост.*

¹⁵ И. В. Киреевский непосредственно участвовал в подготовке почти всех святоотеческих творений, изданных в эти годы Оптиной пустыней: «Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском» (М., 1849); «Восторгнутые класы в пищу души» (М., 1849); «Преподобных отцов Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников» (М., 1852; 1855); «Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена и пресвитера, бывшего от ограды святого Мамонта, три слова» (М., 1852); «Огласительные поучения преподобного и богоносного отца нашего Феодора Исповедника, игумена обители Студийской, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским» (м., 1853); «Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву «Отче наш» и его же слово постническое по вопросу и ответу» (М., 1853); «Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским» (М., 1854); «Преподобного отца нашего аввы Фалассияглавы о любви, воздержании и духовной жизни, переведенные с греческого на славянский старцем Паисием Величковским и изданные от Введенской Оптиной пустыни с предложением на русский язык» (М., 1855). – *Сост.*

начал для философии». По неисповедимой судьбе, статья эта, долженствовавшая быть началом большого труда, была его последнею статьею.

В конце великого поста Киреевский поехал в Петербург, чтоб видеть экзамен сына¹⁶, кончившего курс в лицее. Он пробыл в Москве несколько дней, остановился в доме у матери и повидался здесь в последний раз с братьями и друзьями. 10 июня он занемог холерою, быстро и с страшною силою развившейся, и скончался 11 июня на руках сына и двух друзей его молодости, графа Комаровского и Алексея Владимировича Веневитинова. Тело его было перевезено в Оптину пустынь и положено близ соборной церкви.

II. Рассказы и анекдоты¹⁷

Василий Иванович Киреевский жил с женой и малолетними детьми в Калужской губернии, в родовом своем селе Долбине¹⁸. Усадьба, поставленная его отцом, уцелела еще до сих пор и может служить образцом роскоши наших дедов. Огромный, на высоком фундаменте дом с мраморною внутреннею облицовкою стен, со множеством надворных строений¹⁹, и великолепный парк свидетельствуют о днях, которые сохранились еще живо в человеческой памяти, но кажутся уже так отдаленными от нас.

Василий Иванович (отец известных писателей) был человек очень умный и замечательно образованный по тому времени. Он знал несколько иностранных языков, много читал, занимался химией, медициной и устроил у себя лабораторию²⁰.

При императоре Павле вышел в отставку с чином секунд-майора, он сохранил до конца жизни деятельность, привычную военной службе, и даже некоторые мелочные привычки своей первой молодости: так, например, он не хотел изменить прическе, давно вышедшей из моды, и носил пучок на затылке.

В 1807 году Киреевский был выбран в ополчение и поставил двадцать ратников, которых обучал сам в ожидании минуты, когда придется выступить в поход. Дело было зимой, и каждое утро ратники являлись, вооруженные пиками, в большую залу долбинского дома и маршировали по команде барина. «Чур, не робеть, ребята, когда дойдет до дела, – говорил он им, – смело идти за мной, хотя б в огонь вас повел! А меня убьют, другой командир будет; точно так же и его слушаться».

– Нет, барин, – отвечал ему раз какой-то невзрачный мужичок, – где твоя голова ляжет, там и мы головушки положим.

Этот ответ полюбился Василию Ивановичу, который приказал дать мужичку четверть ржи.

По весне все ратники Калужской губернии должны были съезжаться в Мосальск. К назначенному времени поднялся и Василий Иванович с своими молодцами. Перед отъездом он приказал отпереть кладовую, где покоились под крепкими замками дедовские мундиры и наряды – с золотым шитьем, работы бабушек. Там же хранились чепрак и седло, низанные бирюзой и жемчугом. Эту богатую сбрую надели на боевую лошадь Киреевского. Когда все сборы были

---

¹⁶ Речь идет о В. И. Киреевском. – *Сост.*

¹⁷ Толычова Т. Рассказы и анекдоты // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 8. С. 361–368. Т. Толычова – псевдоним писательницы Екатерины Владимировны Новосильцевой, урожденной графини Орловой (1770–1849). Первую публикацию сопровождали примечания П. Б. «П. Б.» – аббревиатура археографа и издателя журнала «Русский архив» Петра Ивановича Бартенева. – *Сост.*

¹⁸ Лихвинского уезда, но близ Тульского города Белёва. Долбино находится в непрерывном владении Киреевских со времен Василия Шуйского. – *Т. Т.*

¹⁹ При Василии Ивановиче было в Долбине до пятидесяти дворовых изб. – *Т. Т.*

²⁰ Сын его, покойный Иван Васильевич, передавал нам, что отец его, перед смертью, говорил ему о необходимости заниматься химиею и называл ее «божественною наукою». В. И. Киреевский питал отвращение к французским философам-энциклопедистам. – *Т. Т.*

окончены, он сел в экипаж с женой, которая хотела проводить его до Мосальска, за ним вели его лошадь и шли ратники. Но вскоре караван возвратился домой: в Мосальске было получено известие о заключении Тильзитского мира.

В эти времена, когда общественная жизнь была еще так слабо развита, когда и речи не было о публичных интересах, помещики, поселившиеся в своих имениях, имели мало сообщения с остальным миром. Газет не получал почти никто в провинциях. Что касается до частных известий, то почта приходила в губернские города лишь раз в неделю, и по неакуратности почтмейстеров письма частехонько пропадали или лежали у них по целым месяцам. Но вздумается какому-нибудь тульскому, калужскому или орловскому помещику узнать, что делается в Москве, и он прикажет одному из своих крепостных встать на другой день пораньше и идти в Белокаменную, к такому-то; при сем ему вручалось письмо и от 30-ти до 50-ти копеек на дорогу «в один конец» (считалось неосторожным вверить ему слишком большую сумму). Письмо заключалось обыкновенно в просьбе сообщить какую-нибудь весточку и дать посланному денег на обратный путь.

Но лишь только известие о вторжении Наполеона в наши пределы разбудило всех от сладкой полудремоты, неведение о дальнейших судьбах России сделалось настоящей пыткой, и оказалось невозможным довольствоваться принятым до тех пор патриархальным средством сообщения.

Но как быть, однако? Каждый прислушивался жадно к толкам, ходившим в народе, а доверяться им не смел. Известно было лишь то, что после смоленского дела Наполеон идет по московской дороге, но думает ли он о занятии столицы или повернет на юг? Последнее предположение казалось вероподобным, и калужане сильно встревожились. Киреевский переговорил с свояченицами Юшковыми²¹, жившими в нескольких верстах от него, в имении своем Мишенском, и было принято следующее решение. Тетка Юшковых, Екатерина Афанасьевна Протасова, поселилась в Орловской губернии. Оставить ее одну с двумя молоденькими дочерьми²² в такое опасное время было невозможно, и Киреевские должны были собраться к ней и уговорить ее ехать дальше вместе с ними. Но куда именно? Приходилось ждать, чтоб обстоятельства решили этот вопрос. Между тем Юшковы должны были отправиться в Москву и разузнать, что там делается. Время было дорого: уже наступила вторая половина августа. Живо закипели приготовления к отъезду, и оба семейства пустились с Богом, по разным дорогам.

Добравшись до Москвы, девицы Юшковы остановились на Девичьем поле, у тетки своей Алымовой. Тут они узнали, что лишь немногие оставили Москву, но большинство жителей не верят в возможность занятия столицы неприятелем, тем более что генерал-губернатор ручается за ее безопасность. Однако умы волновались, каждый день приносил новые беспокойства, на улицах и площадях останавливали друг друга и спрашивали, какие известия. Вдруг разнесся слух, что партия французских пленнх под русским конвоем остановилась на Поклонной горе. Все московское общество собралось их посмотреть. Улицы города превратились в место гулянья, цуги катились одни за другими, в открытых колясках сидели разряженные дамы. Один из любопытных, бывши тогда одиннадцатилетним мальчиком, живо помнит свою прогулку на Поклонную гору. В детском его воображении пленные представлялись ему людьми униженными, пристыженными, но не такими оказались они в действительности. Они собрались толпой около костра, разложенного в поле: мундиры их были в лохмотьях, из дырявых сапог торчала солома; но ребенок был поражен гордым видом и молодцеватостью этих людей. Приезжие предлагали им свое посильное пособие, и они принимали деньги, приговаривая, каждый раз без малейшего смущения и с чувством достоинства: «*Merci, madame*», или «*monsieur*».

---

²¹ Он был женат на Авдотье Петровне Юшковой. После его кончины она вышла за Алексея Андреевича Елагина. У нее было три сестры: одной из них, Марьи Офросимовой, не было уже на свете в 1812 году, две другие (Анна и Екатерина) были тогда еще не замужем. – *Т. Т.*

²² А. А. Протасова (в замужестве Воейкова) и М. А. Протасова (в замужестве Мойер). – *Сост.*

Однако город постепенно пустел. Народ поглядывал с недоброжелательством на экипажи, теснившиеся у застав, и роптал против дворян, которые покидали столицу на поругание нехристей. 26 августа гул пушечных выстрелов долетал глухо до Москвы и приводил в ужас ее жителей. На другой день узнали о Бородинском сражении, и многие москвичи поняли, что за ним может легко последовать сдача города. Юшковы объявили, что едут немедленно, но ехать одним при таком усложнении обстоятельств им было страшно. Один из их родственников, О-в²³, пригласил их и тетку их Алымову в свое рязанское имение, куда собирался сам с престарелой матерью и двумя сестрами. Но отъезжающих тревожила новая забота: неудовольствие народа постоянно усиливалось, так что мужчины, покидавшие Москву, подвергались неприятностям и даже опасности. Что если О-в будет задержан? Тогда придется шести женщинам и ребенку, который был им поверен, совершить одним далекое и небезопасное путешествие. Оставалось единственное средство к устранению беды: уговорили О-ва надеть женское платье.

За ночь все было уложено, и 28-го августа поутру путешественники уселись в два экипажа и выехали благополучно за заставу, благодаря шляпке с лентами и шали, которою О-в прикрывал гладко выбритый подбородок. Но дальше они встретили толпу ратников, которые остановили их вопросом: «Куда едете?» «К себе в имение», – отвечала Анна Петровна Юшкова²⁴. «Так уж, видно, все Москву покидают, – заговорили в толпе. – Видно, не жаль выдать ее врагу на разграбление!..» «Добрые люди, – возразила Анна Петровна, – ведь вы видите, мы женщины, да ребенок с нами; мы помощи никакой принести не можем». «Да вас-то мы не держим, а этих нам оставьте». Они указывали на кучеров и лакеев. «Как же нам кучера отдать? Кто ж на козлы сядет?» «А нам что за дело? Хоть сама полезай! Мы этих молодцов не отпустим», – и все обступили коляску. «Пошел!» – крикнула Анна Петровна. Кучер ударил по лошадям, добрая четверня двинулась, толпа расступилась, и экипажи покатались по мостовой.

Путешествие совершилось сверх ожиданий без особых приключений. Поселившись около Рязани, Юшковы узнали, что Екатерина Афанасьевна Протасова отказалась наотрез покинуть село свое Муратово на основании слухов, может быть, пустых и уговорила Киреевских остаться в ее соседстве, так как у них было небольшое имение около Орла.

В первых днях сентября приехал также к О-вым один из близких их родственников, с тремя товарищами. Когда неприятельское войско вошло уже в Москву, они из нее выехали на одной лошади, в дрожках, на которые садились поочередно и погоняли лошадь носовыми платками, из которых свили бич. Но им посчастливилось найти дорогой в каком-то селе телегу и тройку, которую они наняли. Между прочими новостями они привезли забавный рассказ об одном из старых своих приятелей. В народе ходил слух, что шведы идут к нам на помощь, и когда наполеоновские солдаты показались на московских улицах, бедный старичок, обманутый народной молвой, поспешил к ним навстречу, приветствовал на ломаном французском языке офицера взвода, пошел с ним рядом, попотчевал его табаком и подивился, что швед говорил так бойко по-французски. Наш старик вернулся домой под самыми приятными впечатлениями, но каково же было его разочарование, когда он узнал, что неприятели в Москве и что он же потчевал табаком одного из них!

Юшковы прожили несколько месяцев у своих родственников и получили у них грустное известие о кончине зятя своего, Киреевского. Обе желали бы навестить овдовевшую сестру, которая переселилась к тетке своей Протасовой, но не решались покинуть старушку Алымову. Она же, с своей стороны, не могла ехать в Муратово, потому что между нею и сестрой ее Екатериной Афанасьевной возникла размолвка. Нельзя было, однако, употреблять во зло гостеприимство О-вых, и, лишь только наступила весна 1813 года, Юшковы пригласили Алымову

²³ Очевидно, Охотников. – *Сост.*

²⁴ Впоследствии известная писательница госпожа Зонтаг. В 1812 году ей было уже лет под тридцать. – *Т. Т.*

переселиться в село их Мишенское. Но недолго пришлось им там пожить: вскоре после их приезда Алымова тяжело занемогла и скончалась. Схоронивши ее, сестры уехали в Муратово.

Интересны подробности о смерти Киреевского. Поселившись в своей скромной усадьбе под Орлом, он позаботился немедленно о том, чтоб изобрести себе деятельность. Городская больница обратила на себя его внимание: он поехал ее осмотреть и нашел в ней страшный беспорядок. Страдавшие заразительными болезнями не были отделены от прочих больных; раненые, которых привозили из нашей армии, лежали вповалку на полусгнившей соломе; одна палата казалась грязней другой; воздух был везде заражен. Василий Иванович принял на себя, немедленно и совершенно самовластно, попечение над больницей, распустил всех служивших при ней, приказал все привести в порядок и распорядился, чтоб из его имения доставляли свежую солому. Он знал толк в медицине: мало того, что все предписанья медиков проходили через его контроль, он прописывал сам лекарства. Каждое утро его встречали в больнице как начальника и ожидали его приказаний. Раз аптекарь отпустил ревеню больному, которому следовало принять другое; Киреевский вышел из себя, потребовал виновного и приказал ему выпить большую склянку ревеню. Проглотивши половину, аптекарь просил помилованья, но Василий Иванович был неумолим. Мужеством и твердостью воли он подчинил себе всех, в том числе и городские власти. Число больничных кроватей он увеличил на свой счет, не жалея ни денег, ни труда. Все кипело под его руками, но дорого пришлось ему поплатиться за свою деятельность. Он вернулся раз домой в сильном лихорадочном состоянии: медики объявили, что он заразился больничным тифом, и не оказалось возможности его спасти.

Протасовская деревня Муратово населялась все более и более. Екатерина Афанасьевна была рада каждому приращению своего семейства: она привыкла жить среди многочисленного кружка и в эту тяжелую эпоху придерживалась более чем когда-нибудь поговорки, что на людях и смерть красна. Однако туман, стоявший над Россией, начинал редеть; известия о наших победах за границей разгоняли понемногу общее уныние, особенно для тех, которые не имели близких в рядах войска. Жуковский, принужденный, вследствие тяжелой болезни, оставить военную службу, приехал также в Муратово, куда его влекла, кроме родственных связей, любовь к одной из дочерей Екатерины Афанасьевны²⁵. Общество постоянно увеличивалось. Наши помещики принимали охотно к себе пленных, и несколько французов жило у Протасовых. Все старались облегчить участь этих несчастных, многие с ними сдружились; часто природная их веселость брала верх над горькими обстоятельствами, и они оживляли общество своими разговорами и остротами. Из числа тех, которых приютило Муратово, двое постоянно вели междоусобную войну. Один был Мену, племянник известного генерала того же имени, который принял в Египте начальство над армией по смерти Клебера, перешел в исламизм, чтоб угодить мусульманам, женился на мусульманке, был разбит англичанами и по возвращении во Францию принят с почетом Наполеоном и назначен губернатором в Пьемонте. Племянник гордился незавидной славой дяди и был ярым бонапартистом. Политический его враг, генерал Бонами, получивший под Бородиным двенадцать ран штыком, не скрывал, наоборот, своей ненависти к Наполеону и предсказывал, что «этот самозванец» загубит окончательно Францию. Раз за обедом, на который Екатерина Афанасьевна пригласила многих соседей, предложили тост за здоровье императора Александра. Бонами выпил молча, но Мену встал и сказал, подымая свой бокал:

«Je bois à la santé de l'empereur Napoléon»²⁶.

Эта вызывающая выходка сильно подействовала на присутствующих. Все сочли себя оскорбленными, послышались с разных сторон раздраженные голоса, мужчины окружили Мену. Дело приняло бы, вероятно, неблагоприятный оборот, если б в него не вмешался вечный

²⁵ Речь идет о М. А. Протасовой. – *Сост.*

²⁶ Пью за здоровье императора Наполеона (*фр.*). – *Сост.*

примиритель – Жуковский: он напомнил всем о снисхождении, которое заслуживало положение пленных, находившихся под русским кровом, и успокоил раздраженных.

Декабрь подходил к исходу; собирались встретить весело Новый год. Екатерина Афанасьевна разослала много приглашений по соседству, Жуковский приготовил стихи. Увеселенья начались с фокусов и жмурок. Бегая друг за дружкой, молодые люди поглядывали, в ожидании сюрприза, на таинственный занавес, прикрепленный между двух колонн, поддерживавших потолок залы. В данную минуту занавес поднялся, и перед зрителями явился Янус. На его затылке была надета маска старика; голову окружала бумага, вырезанная короной, над лбом было написано крупными буквами число истекавшего года 1813; над молодым лицом стояла цифра 1814. Обе надписи были освещены посредством огарка, прикрепленного к голове римского бога. Его роль исполнял один из крепостных людей, которому приказано было переносить, не морщась, боль от растопленного воска, если он потечет на его макушку. Старик Янус поклонился обществу и примолвил:

Друзья, мне восемьсот —
Увы! – тринадцатый,
Весельем не богатый
И очень старый год.

Потом он обернулся к публике молодым своим лицом и продолжал:

А брат, наследник мой,
Четырнадцатый родом,
Утешит вас приходом
И мир несет с собой.

В ответ на слова Януса прозвучала полночь, выпили шампанское и сели за ужин.

Наконец пришлось праздновать взятие Парижа: мир казался ненарушимым, и все вздохнули свободно. Пора было разъезжаться по углам и приниматься за покинутый образ жизни. Юшковы и молодая вдова Киреевская с семейством собрались домой, Жуковский ехал с ними. Один из муратовских соседей, Алексей Александрович Плещеев, пригласил их погостить на перепутье у него и отпраздновать день рожденья его жены.

Плещеев был человек богатый, славился хлебосольством, мастерством устраивать *parties de plaisir*²⁷ в великолепном селе своем Черни, держал музыкантов, фокусников, механиков, выстроил у себя театр, сформировал из своих крепостных труппу актеров и обладал сам замечательным сценическим искусством. Он не мог жить без пиров и забав: каждый день общество, собиравшееся в Черни, каталось, плясало и играло в *Secrétaire*²⁸. Отличившийся особенным остроумием был провозглашаем: *le roi ou la reine du Secrétaire*²⁹. Королевская роль выпадала чаще всего на долю Анны Петровны Юшковой. Лишь только ее избрание было решено общим советом, она надевала самый лучший свой наряд, и остальные члены общества обращались в ее придворных. Они принимали ее приказания, вели ее торжественно к обеду и носили на себе надписи, означавшие их должности: тут были телохранители, пажи и пр. Француз *mr. Visard*, гувернер маленьких Плещеевых, играл обыкновенно роль хранителя печатей (канцлера), и на

---

²⁷ Развлечения (*фр.*). – *Сост.*

²⁸ Игра *секретаря* состоит в следующем: все играющие садятся около стола, каждый пишет какой ему вздумается вопрос на клочке бумаги, который свертывает потом трубочкой. Эти записки кладутся в корзину или ящик; всякий берет, наудачу, которую-нибудь из них и пишет ответ на предложенный вопрос. – *Т. Т.*

²⁹ Королем или королевою секретарей (*фр.*). – *Сост.*

его груди красовалась надпись: *Garde des sots*, вместо *sceaux*; каламбур относился, к его воспитанникам³⁰, с которыми он не умел ладить.

Хозяйка дома, Анна Ивановна Плещеева, урожденная графиня Чернышева была красавица. Муж очень ей угождал, что не мешало ему ухаживать за другими. В день ее рождения он задал пир, который сохранился еще в устных преданьях и дает понятие об образе жизни богатых помещиков того времени. После обедни, на которую съехались ближние и дальние соседи, хозяин предложил прогулку. Пошли на лужайку, где, к общему удивлению, стояла выросшая за ночь роща. Когда виновница пира к ней приблизилась, роща склонилась перед ней и обнаружился жертвенник, украшенный цветами, возле него стояла богиня, которая приветствовала Анну Ивановну поздравительными стихами. Потом богиня и жертвенник исчезли, и на место их явился стол с роскошным завтраком. По выходе из-за стола Плещеев спросил у жены и гостей, расположены ли они воспользоваться хорошею погодой, и привел их к канавке, за которой возвышалась стена. Вход в ворота был загорожен огромной женской статуей, сделанной из дерева. «*Madame Gigogne, voulez-vous nous laisser entrer?*»³¹ – закричал хозяин. Но негостеприимная *madame Gigogne* размахивала руками вправо и влево и кивала грозно головой. Тогда явился монах и стал творить над ней заклинанья, разумеется, по-французски. Победенная *madame Gigogne* упала во весь рост через канаву, и спина ее образовала мост. С своей стороны монах превратился в рыцаря и приглашал гостей войти. Когда они перешагнули за ворота, целый город представился их взорам. Тут возвышались башни, палатки, беседки, качели. Между ними стояли фокусники с своими снарядами и сновали колдуньи, которые предсказывали каждому его будущность. Под звук военной музыки маневрировал полк солдат. На их знаменах и киверах стояла буква *H*, так как Плещеев звал жену свою Ниной. Лавочки приглашали посетителей взглянуть на их товары и подносили каждому подарок. Для крестьян были приготовлены лакомства всякого рода. У одной из башен стоял молодец, который зазывал к себе гостей. «*Voulez-vous entrer, mesdames et messieurs, – кричал он, – voulez-vous entrer: nous vous ferons voir de belles choses*»³². В башне была устроена *камера-обскура*: все входили и глядели поочередно сквозь стеклышко, вставленное в ящик, на портрет Анны Ивановны, вокруг которого плясали амуры³³.

Обед был, разумеется, роскошный; потом общество получило приглашение на спектакль. Давали «Филоктета», трагедию Софокла, переложенную на французский язык, потом трагедию-фарс, под заглавием: «*Le Sourd, ou l'auberge pleine*»³⁴. На этом представлении отличался сам Плещеев, который дополнил комедию своими остротами, уморил со смеху публику. За спектаклем следовали иллюминация, танцы и ужин.

Но этот день, посвященный таким блестящим забавам, чуть не навлек неприятностей на амфитриона. Из числа его гостей нашлись люди, которым показалась сомнительною буква *H*, стоявшая на знаменах и киверах солдат, маневрировавших в импровизированном городе. В этой злосчастной букве прочли не имя Нины, а Наполеона. Насчет Плещеева стали ходить такие неприятные слухи, что губернатор счел долгом пригласить его к себе. Плещеев объяснил ему дело – и обещался быть осторожнее.

³⁰ *Sceaux* и *sots* произносятся одинаково по-французски, но первое значит *печати*, а второе *дураки*, и надпись, которую француз носил на груди, значила: хранитель дураков. – Т. Т.

³¹ Мадам Жигон, позвольте ли нам войти? (фр.). – *Сост.*

³² Не угодно ли вам войти, милостивые государыни и государи, не угодно ли вам войти, мы вам покажем прекрасные вещи (фр.). – *Сост.*

³³ Этот фокус был устроен очень искусно: на отдаленном лугу был начерчен круг, и крестьянские дети, превращенные в амуры, плясали около него, а портрет был поставлен так, что занимал пространство круга. – Т. Т.

³⁴ Глухой, или наполненная гостиница (фр.). – *Сост.*

III. Черты старинного дворянского рода³⁵

В усадьбе Киреевского, в селе Долбине, при сахарном заводе, жил сахаровар Зюсбир, из Любека; полевым хозяйством управлял англичанин мистер Мастер, который, так же, как и жена его, говорил очень плохо по-русски. Шутов и шутих, дураков и дур, сказочников и сказочниц при молодом барине не было. Видно, они перевелись еще при старом, ибо Василий Иванович, из сожаления к ним и уважения к отцу, не прогнал бы их. Но у соседних старых помещиков вся эта увеселительная прислуга бар, упоминаемая в «Причуднице» Дмитриева, еще существовала. Так, у Марьи Григорьевны Буниной, в соседнем селе Мишенском³⁶, жил еще тогда дурак Варлам Акимыч, или Варлашка, – не остряк, не шут, а просто дурак совершенный, который в наше время возбуждал бы сожаление и отвращение, а тогда и священник села забавлялся исповедовать его и выслушивать грехи его: лиловые, голубые, желтые и т. п. Одет Варлашка был в кофту или камзол, оканчивающийся юбкою, наглухо сшитою, и весь испещрен петухами и разными фигурами. Но между дворовыми в Долбине оставались еще арапка и гуслист. Гуслист настраивал фортепьяны и игрывал по святочным вечерам, на которые в барскую залу собирались наряженные из дворовых (кто петухом простым или индейским, журавлем, медведем с поводырем балагурным, всадником на коне, бабой-ягой в ступе с пестом и помелом и пр.). Нарядиться журавлем было проще всего: выворачивался тулуп, в рукав продевалась длинная палка, к концу ее и рукава наворачивалась из платка голова и привязывалась другая палка, представлявшая клюв; наряженный надевал тулуп себе на голову и спину и ходил сгорбившись, держа свою шею в руках, то поклевывая по полу, то поднимая ее вверх, треща по-журавлиному, с прибаутками. Являлись и в замысловатых иногда личинах. Однажды камердинер Киреевского явился Эзопом и рассказывал наизусть басни Хемницера с своими прибаутками. Другой комнатный предстал в облачении архиерея и, поставив перед собою аналой, начал говорить проповедь, с шутивым, хотя приличным тоном и содержанием, но Василий Иванович его остановил и удалил из залы (он был очень набожен). Из 15 человек мужской комнатной прислуги 6 были грамотны и охотники до чтения (это за 70 с лишком лет до теперешнего времени), книг и времени было у них достаточно, слушателей много. Во время домовых богослужений, которые бывали очень часто (молебны, вечерни, всенощные, мефимоны и службы страстной недели), они заменяли дьячков, читали и пели стройно старым напевом: нового Василий Иванович у себя не терпел, ни даже в церкви. В летнее время двор барский оглашался хоровыми песнями, под которые многочисленная дворня девок, сенных девушек, кружевниц и швей водили хороводы и разные игры: в коршуны, в горелки, «заплетися, плетень, заплетися, ты завейся, труба золотая» или «а мы просо сеяли», «я поеду во Китай-город гуляти, привезу ли молодой жене покупку» и др., а нянюшки, мамушки, сидя на крыльце, любовались и внушали чинность и приличие. В известные праздники все бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то в роще крестить кукушек, завивать венки, пускать их на воду и пр. Вообще народу жилось весело, телесных наказаний никаких не было – ни батогах, ни розог. Главные наказания в Долбине были земные поклоны перед образом до 40 и более, смотря по вине, да стул. Стул это была тяжелая, дубовая колода, обрубок в два и более пуда, на котором можно было сидеть и носить его с собою, к нему приковывали виновного на длинную цепь одною рукою, за кисть. Крестьяне были достаточно, многие зажиточны. Доказательством тому служит следующее обстоятельство. Продавалась деревня Ретюнь, смежная с

---

³⁵ Материал был подготовлен П. И. Бартеневым для Русского архива: Рассказы и анекдоты // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 8. С. 479–482. Публикации предшествует ссылка: «За соображение этих дополнительных рассказов мы обязаны одному лицу, донныне здравствующему и находящемуся в близких отношениях к семейству Киреевских». Речь шла о сводном брате А. П. Елагиной Александре Петровиче Петерсоне. – *Сост.*

³⁶ На родине Жуковского, который впоследствии, живя во дворце, любил вспоминать и рассказывать про Варлашку. – А. П.

Долбиным. Выборные из Ретюни пришли к Василию Ивановичу: «Батюшка, купи нас, хотим быть твоими, а не иных чьих каких». «Братцы, – сказал им Киреевский, – увеличивать свои поместья я не желаю, а сделать это в удовольствие вам не могу: у меня нет столько наличных денег». Через несколько дней ретюнские выборные пришли опять: «Добрый барин, возьми нас в свои, а денег у тебя не достает – мы внесем тебе своих. Хотим быть твоими». Василий Иванович купил Ретюнь. По вводе во владение крестьяне пригласили его к себе с молодой барыней на угощение и сделали великолепное, на котором было даже мороженое, повар с посудой был нанят поблизости из г. Белева. Вожаком крестьян был крестьянин Дрыкин, который торговал пенькой. К весельям деревенской жизни надо прибавить, что церковь села Долбина, при которой было два священника (оба неученые; замечательно, что в те времена неученые предпочитались ученым; неученые были проще, обходительнее, внимательнее к крестьянам и даже поучительнее, понятнее и воздержнее, нежели тогдашние ученые, заносчивые), славилась чудотворною иконою Успения Божией Матери. К Успенъеву дню стекалось множество народу из окрестных сел и городов) и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палаток с красным и всяким товаром, длинные, густые ряды с фруктами и ягодами, не были забыты и горячие оладьи и сбитень. Но водочной продажи Василий Иванович не допускал у себя. Даже на этот ярмарочный день откупщик не мог сладить с ним и отстоять свое право по цареву кабаку. Никакая полиция не присутствовала, но все шло порядком и благополучно. Накануне праздника смоляные бочки горели по дороге, ведущей к Долбину, и освещали путь, а в самый день Успения длинные, широкие, высокие, тенистые аллеи при церкви были освещены площадками, фонариками, и в конце этого сада сжигались потешные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты поодиночке и снопами, наконец бурак. Все это приготавливал и всем распоряжался Зюсьбир. Несмотря на все эти великолепия, постромки у карет вожжи у кучера и поводья у форейтора были веревочные.

Благодатного Успенья
Светлый праздник наступил;
Все окрестные селенья
Звон призывный огласил.³⁷

В наш теперешний быт, более подчиненный строгости форм и порядка, странным покажется, как губернская больница в Орле подчинялась так беспрекословно распоряжениям частного лица. Может быть, что сила духа и правды брала тогда верх над буквою и формою, что полагали Киреевского снабженным тайно поручением высшей власти и рады были, что кто-нибудь дает средства в глухом беспомощном положении. А что В. И. Киреевский, человек религиозный и очень нравственный, имел много воли и решительности, тому служит подтверждением следующее обстоятельство. Вскоре после женитьбы его на шестнадцатилетней девице А. П. Юшковой приехал к нему в Долбино губернатор Яковлев, объезжавший губернию. Карета с несколькими бричками, многочисленной прислугой подкатила прямо к крыльцу дома. В свите губернатора была его возлюбленная. Василий Иванович не впустил ее в дом свой ни оправиться, ни поправиться, и экипаж с красавицей удалился от крыльца дальше к сараям. Губернатор, думавший ночевать в Долбине, уехал далее, и верх взял Василий Иванович не криком, буйством или нахальством, а тихую речью и здравым рассуждением. Ни на какое мщение губернатор не отважился.

Василий Иванович был одно время судьей в уезде, тогда как все богатые и знатные помещики отказывались от службы по выбору, предоставляя их мелкопоместным. Но, кажется, он служил недолго, чуть ли не одну только зиму. Он не переехал на это время в Лихвин, а ездил

³⁷ Стихи В. А. Жуковского. – *Сост.*

туда из Долбина два раза в неделю, в кибитке, завертываясь в свой красный плащ, который по его цвету считал он предохранительным от озноба и простуды, и возвращался домой, в Долбино, к ночи. Все подчиненные в суде его боялись и уважали, хотя считали чудачком, вероятно. Он был отменно справедлив, очень взыскателен и строг. Земные поклоны доставались от него и чиновникам: «Нерадение в должности – вина перед Богом», – говорил им при этом Василий Иванович.

(Приписка Петра Ивановича Бартенева)

Приводим последовательный ряд Киреевских, записанный нами со слов покойного Петра Васильевича Киреевского.

1) Василий Семенович – белевский дворянин, в начале XVII века за осадное сиденье получил бывшее поместье свое село Долбино в вотчину. Женат был на Арине Охотниковой. Пожертвовал коня в белевский Преображенский монастырь, где и похоронен.

2) У него: а) Иван Васильевич брал город Вильну (1655 г.) и участвовал в Чигиринском походе, также и в действиях против Стеньки Разина. Женат был на Анне Васильевне Сомовой. Скончался монахом в Кирилло-Белозерском монастыре. б) Тимофей Васильевич брал с братом своим Вильну, участвовал в Чигиринском походе и против Стеньки Разина. Был убит под Алатырем. От Тимофея Васильевича происходит род Киреевских, ныне живущих в Малоархангельском уезде Орловской губернии.

3) У Ивана Васильевича: а) Иван Иванович – стольник при царях Алексее, Феодоре и пр. Автор утраченных «Записок». «Записки» эти находились в руках П. В. Киреевского, но были у него похищены в одну из частных его поездок для собирания песен. По его словам, в «Записках» этих осуждались преобразования Петра, при котором И. И. Киреевский должен был сбрить бороду. Женат на Марье Дмитриевне Яблочковой. б) Дмитрий Иванович.

4) Василий Иванович: при осаде Дерпта у него разрубили голову и нанесли еще две раны. Полк, в котором он служил, был раскассирован и отослан в Рижский гарнизон. Он умер в 1736 г. Женат был сперва на Хрущовой, с 1711 г. на Дарье Яковлевне Ржевской, которая оставила по себе память умной женщины. Она дала прекрасное образование сыну и внуку своему.

5) Иван Васильевич: под Грос-Егерсдорфом ранен картечью. Он был первый дворянский предводитель Козельского уезда Калужской губернии. Женат был на Елизавете Афанасьевне Тыртовой, которая умерла в 1773 г., родив сына.

6) Василий Иванович (1773–1812). У него сестра Аграфена Ивановна (сумасшедшая, она пережила его). Женат на А. П. Юшковой.

IV. Официальные документы³⁸

1

SUB AUSPICIIS GLORIOSISSIMIS
AUQUESTISSIMI AC POTENTISSIMI PRINCIPIS
Ac
DOMINI DOMINI
LUDOVICI,
BAVARLAE REGIS REL.

---

³⁸ В архиве П. В. Киреевского сохранились два официальных документа Мюнхенского университета (ЛБ, ф. 99, к. 21, ед. хр. 54–55). – *Сост.*

CORAM
ALMAE ET REGLAE HUIUS UNIVERSITATIS
RECTORE MAGNIFICO

sancta et jurisjurandi loso pollicitus est D. Petrus de Kiréefsky, Moscaviensis, Phil. Cand.

I. Se Rectori Magnifico atque Senatui academico, Magistratui suo legitimo, fidem, obedientiam et reverentiam debitam praestitutum;

II. Pietatem veram, sobrios et compositos mores, vestitum honestum, et quidquid in omni vita ingenuum ac liberalem bominem decet, sedulo sectaturum;

III. Secretas societates, cujuscunque nominis sint, aversaturum;

IV. Se legibus et statutis Academiae Ludovico-Maximilianeae conditis et condendis in omnibus fore obsequentem.

Quo pacto, data etiam dextra, in numerum Civium almae et regiae hujus Academiae redactus est, et hasce literas, ejus rei testes, sigillo Universitatis munitas, manuque Rectoris Magnifici subscriptas accepit.

Monachii, die 26. mensis Octobris anno 1829. N 130.

Dr. Fridericus Thiersch h. I. Rector^{39,40}

2

Dem Studiosus Philosophiae, Hrn Peter v. Kireefsky aus Moskau, wird bei seinem Abgange von der hiesigen Kgl. Universität hinmit bezeugt, dass sich derselbe vom 26 October 1829 bis jetzt des Studierens wegen dahier aufgehalten, während dieser Zeit ein klagefreies, den Sätzen entsprechendes, Betragen beobachtet, und in Ansehung verbotener Verbindungen sich nichts Nachteiliges habe zu Schulden kommen lassen.

München den 28 October 1830.

Königl Universitäts-Rectorat.

Dr. Allioli d.z. Rector^{41,42}

---

³⁹ Под достославным покровительством августейшего и владетельного государя и повелителя Людовика, благоверного короля Баварии, в присутствии его превосходительства ректора сего отечественного и королевского университета дал священное и клятвенное обещание г-н Петр Киреевский, москвитянин, кандидат философии, в том, что он: I. Будет проявлять верность, послушание и должное почтение его превосходительству ректору и академическому сенату как законному своему начальству; II. Будет строго соблюдать истинное благочестие, трезвое и спокойное поведение, пристойность в одежде и все, что присуще во всей жизни человеку свободнорожденному и благородному; III. Не будет вступать в тайные общества, какое бы наименование они ни носили; IV. Будет подчиняться всем установленным и имеющим быть установленными законам и положениям Людовико-Максимилиановой академии. Дав такое обязательство и собственноручно его подписав, он был принят в число граждан сей отечественной и королевской академии и получил сию, свидетельствующую об этом грамоту, скрепленную печатью университета и подписанную рукою его превосходительства ректора. Мюнхен 26 октября 1829 года. № 130. Др. Фридерик Тирш, ректор (лат.). – *Сост.*

⁴⁰ ЛБ, ф. 99, к. 21, ед. хр. 54. — *Сост.*

⁴¹ Дано сие удостоверение студенту философии г-ну Петру Киреевскому из Москвы, при оставлении им здешнего Королевского университета, в том, что, находясь в оном для обучения с 26 октября 1829 года по настоящее время, он в течение всего указанного срока обнаружил безупречное, соответствующее установлениям поведение и ни в чем предосудительном в смысле запретных связей замечен не был. Мюнхен 28 октября 1830 г. Рectorат Королевского университета. Д-р Аллиоли, ректор (нем.). – *Сост.*

⁴² ЛБ, ф. 99, к. 21, ед. хр. 55. — *Сост.*

У. Письма

1. Письмо В. И. Даля П. В. Киреевскому⁴³

1849 или начало 1850 года

Многоуважаемый Петр Васильевич!

Говорят, москвичи не охотники до писем, говорят также, что и ты в особенности не любишь приниматься за перо; прошу не взыскать за назойливость, а я за отпиской: Погодин не отвечает, вы и не думаете написать, а я бы желал знать: получены ли вами наконец песни мои, целая стопа, или нет? Прилагаю еще кое-что, а от вас жду, если отыщутся, сказочек, пословиц, поговорок и слов. Но, пожалуйста, известите, получили ль посылку через Погодина и есть ли что годное?

С большим вниманием и радостным участием дробил в «Трудах» первую книгу песен. Дай Бог вам продолжать так, дай Бог также, чтобы все было шито и крыто, чтоб не ударили в набат.

Разборка пословиц и поговорок идет у меня помаленьку, но медленно. Вы знаете, что я их располагаю не по азбучному порядку, а по смыслу и значению; в день не могу я разобрать более одного его раздела, а их 150! Теперь начать бы и подумать печатать пословицы без поправок, но моя надежда на Бодянского: хочу начать там, где и ваши, может быть, пройдет... Искажать не стану, ни холостить, ни стричь, лучше отложить вовсе до лучших времен.

В стихах ваших я нашел, однако же, для словаря немного, слов 20. Говорят, что песни ваши можно будет получить отдельно, так ли это? Вероятно, когда все выйдет?

Простите, любезный Петр Васильевич, не поленитесь, соберитесь с духом да напишите – хоть одно словечко: получил!

Ваш В. Даль.

2. Письма Е. А. Баратынского П. В. Киреевскому⁴⁴

Весна 1829 года

Мара

Не знаю, застанет ли тебя письмо мое в России⁴⁵, и все-таки пишу, чтоб уведомить тебя о благополучном моем приезде в мою татарскую родину, а главное, чтоб доказать тебе, что для тебя я не вовсе безграмотен или не так ленив на письма, как ты думаешь. Отъезд твой из Москвы утешит меня в собственном моем отъезде; но грустно мне думать, что при возвращении моем я не найду тебя у Красных Ворот, в доме бывшем Мертваго. Надеюсь, однако, что мы с тобой довольно пожили, поспорили, помечтали, чтоб не забыть друг друга. Мы с тобой товарищи умственной службы, умственных походов, и связь наша должна быть по крайней мере столько же надежною, сколько б она могла быть между товарищами по службе Е. И. В. и по походам графа Паскевича Эриванского⁴⁶. Пиши мне из просвещенного Парижа, а я буду отвечать тебе из варварского Кирсанова. Ежели письма мои тебе покажутся не довольно

---

⁴³ Письмо хранится: ЛБ, ф. 99, п. 4, ед. хр. 21. Первая публикация: Литературное наследие. М., 1968. Т. 79. С. 66. – *Сост.*

⁴⁴ Печатается по изданию: Татищевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899. Сближение Е. А. Баратынского и П. В. Киреевского состоялось в конце 1820-х гг., перейдя вскоре в самые тесные дружеские отношения, насыщенные интенсивным духовным общением. Разрыв отношений произошел в конце 1830-х гг. по причинам, не вполне еще выявленным. – *Сост.*

⁴⁵ И. В. Киреевский уехал за границу зимой 1830 г. – *Сост.*

⁴⁶ Имеется в виду командующий русской армией на Кавказе И. Ф. Паскевич-Эриванский. – *Сост.*

подробными, не сердись: я в самом деле писать неохотник, и это служит только прекрасным доказательством, что нам не должно разлучаться. О моем теперешнем житье-бытье сказать тебе мне почти нечего. Я не успел еще осмотреться на новом месте. Надеюсь, что в деревенском уединении проснется моя поэтическая деятельность. Пора мне приняться за перо: оно у меня слишком долго отдыхало. К тому же, чем я более размышляю, тем тверже уверяюсь, что в свете нет ничего дельнее поэзии.

Прощай, милый Киреевский, люби меня и помни, а я тебя верно не разлюблю и не забуду. Маменьке твоей свидетельствую мое усердное почтение. Она любезна со всеми, но ежели мое чувство меня не обманывает, со мной обходилась она дружески, и я вспоминаю это с самою нежною признательностью.

Обнимаю тебя.

Е. Баратынский

Жена моя кланяется маменьке твоей и тебе.

* * *

Весна 1829 года

Мара

Милое, теплое и умное письмо твое меня и заняло, и обрадовало, и тронуло. Не думай, что бы я хотел писать тебе мадригалы; нет, мой милый Киреевский, но я рад, что я нахожу тебя таким, каков ты есть, рад, что мое чутье меня в тебе не обмануло, рад еще одному – что ты, с твоей чувствительностью, пылкою и разнообразною, полюбил меня, а не другого. Я нахожу довольно теплоты в моем сердце, чтоб никогда не охладить твоего, чтобы делить все твои мечты и отвечать душевным словом на душевное слово. Береги в себе этот огонь душевный, эту способность привязанности, чистый, богатый источник всего прекрасного, всякой поэзии и самого глубокомыслия. Люди, которых охлаждает суетный опыт, показывают не проникательность, а сердечное бессилие. Вынести сердце свое свежим из опытов жизни, не позволить ему смутиться ими – вот на что мы должны обратить все наши нравственные способности. Прекрасное положительнее полезного, оно принадлежит нам в большей собственности, оно проникает все существо наше, между тем как остальное едва нами осязается. Я пишу эти строки с истинным восторгом, знаю, что твое сердце не имеет нужды в подобных поощрениях; но мне, в мои теперешние лета, испытав, по некоторым обстоятельствам, более другого, размышляя не менее других, мне сладко с глубоким убеждением принести это свидетельство в пользу первых чистых вдохновений сердца, простительных, годных, по мнению эгоизма, только в одну пору, а по мне – священных, драгоценных во всякое время.

Я заболтался, душа моя, но от доброго сердца. Желание мое состоит в том, чтобы ты воротился из дальних странствий каким поехал и обнял бы меня с старинною горячностью. Скажи Максимовичу, что я пришлю ему первую пьесу, которая у меня напишется. Ежели же музы ко мне не будут милостивы, то пусть на меня не пеняет и любит меня по-прежнему. Прощай, мой милый, поклонись от меня и от жены моей милой твоей маменьке. Когда будешь писать к Соболевскому, скажи ему от меня несколько добрых дружеских слов. Напиши, когда именно ты выезжаешь из Москвы.

Жена моя тебя очень благодарит за твое дружеское воспоминание и любит тебя столько же, сколько я.

* * *

29 ноября 1829 года
Мара

Доставь, душа моя, эти стихи⁴⁷ Максимовичу и поблагодари от меня за милое его письмо. Не отвечаю ему за недосугом и спеша отправить на почту мой посильный оброк его альманаху⁴⁸. В последнем моем письме я непростительно забыл благодарить твою маменьку за намерение прислать мне Вальтер-Скоттовскую новинку. Я, кажется, ее уже имею: это – Charles le Téméraire⁴⁹, не правда ли? По приложенным стихам ты увидишь, что у меня новая поэма в пяльцах, и поэма ультраромантическая. Пишу ее, очертя голову. Прощай, мой милый, обнимаю тебя преусердно, разумеется, что также свидетельствую мое почтение всему твоему дому, мне очень, очень любезному.

Е. Баратынский

* * *

Июнь 1831 года
Казань

Пишу тебе из Казани, милый Киреевский. Дорогой писать не мог, потому что мы объезжали города, в которых снова показалась холера. Как путешественник, я имею право говорить о моих впечатлениях. Назову главное: скука. Россию можно проехать из конца в конец, не увидав ничего отличного от того места, из которого выехал. Все плоско. Одна Волга меня порадовала и заставила меня вспомнить Языкова, о котором впрочем я и без того помнил. Приехав в Казань, я стал читать московские газеты и увидел в них объявление брошюрки «О Борисе Годунове». Не твое ли это? Вероятно, нет: во-первых, потому, что ты слишком ленив, чтобы так проворно написать и напечатать; во-вторых, потому, что ты обещал мне прислать статью твою до печати. Надеюсь в деревенском уединении путем приняться за перо. Ежели я ничего не заметил дорогою, то многое обдумал. Путешествие по нашей родине тем хорошо, что не мешает размышлению. Это путешествие по беспредельному пространству, измеряемое одним временем: зато и приносит плод свой, как время. Кстати, не мешало бы у нас означать расстояние часами, а не верстами, как то и делается в некоторых землях не по столь неоспоримому праву. Прощай, мой милый. Я пишу к тебе ералаш оттого, что устал, оттого, что жарко. Из деревни буду писать тебе порядочнее. Поклонись от меня всем своим. Жена моя не пишет за хлопотами. Она закупает разные вещи, нужные нам в деревне, и теперь ее нет дома.

Обнимаю тебя от всей души.

Е. Баратынский

* * *

Июнь 1831 года
Казань

---

⁴⁷ Речь идет об отрывке поэмы «Наложница». – *Сост.*

⁴⁸ Имеется в виду альманах «Денница», издаваемый М. А. Максимовичем. – *Сост.*

⁴⁹ Карл Смелый (*фр.*). – *Сост.*

Не стану благодарить тебя за твои хлопоты: пора оставить эти сухие формулы между нами; они отзываются недоверчивостью, а у меня нет ее к тебе. Надеюсь, что в этом мы сочувствуем. Денег мне не присылай, а оставь у себя до нашего свидания. Я буду в Москве в июле, а в сентябре непременно. Мне надо тебе растолковать мысли мои о романе: я тебе изложил их слишком категорически. Как идеал конечного возьми «L'âne mort» и «La confession»⁵⁰, как идеал спиритуальности – все сентиментальные романы: ты увидишь всю односторонность того и другого рода изображений и их взаимную неудовлетворительность. Фильдинг, Вальтер Скотт ближе к моему идеалу, особенно первый, но они угадали каким-то инстинктом современные требования, и потому, попадая на настоящую дорогу, беспрестанно с нее сбиваются. Писатель, привыкший мыслить эклектически, пойдет, я думаю, далее, т. е. будет еще отчетливее. Не думай, чтобы я требовал систематического романа, нет, я говорю только, что старые не могут служить образцами. Всякий писатель мыслит, следственно, всякий писатель, даже без собственного сознания, – философ. Пусть же в его творениях отразится собственная его философия, а не чужая. Мы родились в век эклектический: ежели мы будем верны нашему чувству, эклектическая философия должна отразиться в наших творениях; но старые образцы могут нас сбить с толку, и я указываю на современную философию для современных произведений как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках.

Что с твоею маменькою? Надеюсь, что нездоровье ее не важно. Поцелуй ей за меня ручки и скажи, чтоб она не полагалась на одну силу воли для выздоровления и похлопотала бы хоть раз о себе, как ежедневно хлопочет о других. Жена моя тебе усердно кланяется и благодарит Языкова за его память. Свояченица моя препоручила мне тоже тебе поклониться. Дело в том, что все мы очень тебя любим. Посылаю тебе расписку Салаева⁵¹. Ежели Логинов и другие покупают «Наложницу», то его экземпляры, вероятно, разошлись, и можно с него потребовать деньги. Возьми их и оставь у себя.

Что ты, Языков, не выздоравливаешь? Это, право, грустно.
Прощайте, братцы, до будущего свидания.
Обнимаю тебя.

* * *

Июль 1831 года
Каймары

Как ты поживаешь, милый мой Киреевский, и что ты поделяешь? Благодатно ли для тебя уединение? Идет ли вперед твой роман⁵²? Кстати, о романе: я много думал о нем это время, и вот что я о нем думаю. Все прежние романисты неудовлетворительны для нашего времени по той причине, что все они придерживались какой-нибудь системы. Одни – спиритуалисты, другие – материалисты. Одни выражают только физические явления человеческой природы, другие видят только ее духовность. Нужно соединить оба рода в одном. Написать роман эклектический, где бы человек выражался и тем, и другим образом. Хотя все сказано, но все сказано порознь. Сблизив явления, мы представим их в новом порядке, в новом свете. Вот тебе вкратце и на франмасонском языке мои размышления. Я покуда ничего не делаю. Деревья и зелень покуда столько же развлекают меня в деревне, сколько люди в городе. Езжу всякий день верхом, одним словом, веду жизнь, которой может быть доволен только Рамих.

---

⁵⁰ Романы французского писателя Ж. Жанена «Мертвый осел» и «Исповедь». – *Сост.*

⁵¹ Речь идет о московском книготорговце. – *Сост.*

⁵² Речь идет о романе «Две жизни». – *Сост.*

Прощай, мой милый, обнимаю тебя, а ты обними за меня Языкова. Не забывайте об альманахе.

Твой Е. Баратынский

Я прочел в «Литературной газете» разбор «Наложницы» весьма лестный и весьма неподробный. Это – дружеский отзыв. Что-то говорят недруги? Ежели у тебя что-нибудь есть, пришли, сделай милость. Я намерен отвечать на критики. Жена тебе кланяется.

* * *

Июль 1831 года

Каймары

Отвечаю тебе весьма наскоро и потому прошу принять эту грамоту за записку, а не за письмо. Благодарю тебя за добрые вести о здоровье твоей маменьки. Надеюсь, что оно скоро утвердится. О торговых делах⁵³ мой ответ мог бы быть очень короток, я бы сказал: делай, что хочешь, и был бы покоен; но я знаю, что ты – человек чересчур совестливый, и если б что-нибудь не удалось, тебе было бы более досадно, нежели мне. Вот почему скажу тебе, что насчет Ширяева⁵⁴ я с тобой согласен. Что же до Кольчугина⁵⁵, то думаю уступить менее 8 рублей экземпляр, ежели возьмут 100 разом – по 7 рублей 50 копеек или даже по 7.

Об романе мне кажется, что мы оба правы: всякий взгляд хорош, лишь бы он был ясен и силен. Я писал тебе более о романе вообще, нежели о твоём романе; думаю, между тем, что мои мысли внушат тебе что-нибудь, может быть подробности какой-нибудь сцены. Я очень хорошо знаю, что нельзя пересоздать однажды созданное. Напиши мне, как ты найдешь Гнедича. Признаюсь, мне очень жаль, что я его не увижу. Я любил его, и это чувство еще не остыло. Может быть, теперь я нашел бы в нем кое-что смешное: что за дело! Приятно взглянуть на колокольню села, в котором родился, хотя она уже не покажется такою высокою, как казалась в детстве. Я покуда ничего не делаю: езжу верхом и, как ты, читаю Руссо. Я об нем напишу тебе на днях: он пробудил во мне много чувств и мыслей. Человек отменно замечательный и более искренний, нежели я сначала думал. Все, что он о себе говорит, без сомнения, было, может быть только не совсем в том порядке, в котором он рассказывает. Его «Confessions»⁵⁶ – огромный подарок человечеству.

Обнимаю тебя.

Е. Баратынский

P. S. Деньги я получил.

* * *

6 августа 1831 года

Каймары

Что ты молчишь, милый Киреевский? Твое молчание меня беспокоит. Я слишком тебя знаю, чтобы приписать его охлаждению; не имею права приписать его и лени. Здоров ли ты и

---

⁵³ Имеется в виду продажа издания поэмы «Наложница». – *Сост.*

⁵⁴ Речь идет о московском книготорговце. – *Сост.*

⁵⁵ Речь идет о московском книготорговце. – *Сост.*

⁵⁶ «Исповедь» (фр.). – *Сост.*

здоровы ли все твои? Право, не знаю, что думать. Я в самом гипохондрическом расположении духа, и у меня в уме упрямо вертится один вопрос: отчего ты не пишешь? Письмо от тебя мне необходимо. Не знаю, о чем тебе говорить. Вот уже месяц, как я в своей казанской деревне. Сначала похлопотал по хозяйству, говорил с прикащиками и старостами. У меня тяжёлое дело, толковал с судьями и секретарями. Можешь себе вообразить, как это весело. Теперь я празден, но не умею еще пользоваться досугом. Мысль приходит за мыслью, ни на одной не могу остановиться. Воображение напряжено, мечты его живы, но своевольны, и ленивый ум не может их привести в порядок. Вот тебе моя психологическая исповедь.

Дорогой и частию дома я перечитал «Элоизу» Руссо. Каким образом этот роман казался страстным? Он удивительно холоден. Я нашел насилие места два истинно трогательных и два или три выражения прямо от сердца. Письма Saint-Preux лучше, нежели Юлии, в них более естественности; но вообще это трактаты нравственности, а не письма двух любовников. В романе Руссо нет никакой драматической истины, ни малейшего драматического таланта. Ты скажешь, что это и не нужно в романе, который не объявляет на них никакого притязания, в романе чисто аналитическом; но этот роман – в письмах, а в слоге письма должен быть слышен голос пишущего: это в своем роде то же, что разговор, – и посмотри, какое преимущество имеет над Руссо сочинитель «Клариссы»⁵⁷. Видно, что Руссо не имел в предмете ни выражения характеров, ни даже выражения страсти, а выбрал форму романа, чтобы отдать отчет в мнениях своих о религии, чтобы разобрать некоторые тонкие вопросы нравственности. Видно, что он писал Элоизу в старости: он знает чувства, определяет их верно, но самое это самопознание холодно в его героях, ибо оно принадлежит не их летам. Роман дурен, но Руссо хорош как моралист, как диалектик, как метафизик, но... отнюдь не как создатель. Лица его без физиономии, и хотя он говорит в своих «Confessions», что они живо представлялись его воображению, я этому не верю. Руссо знал, понимал одного себя, наблюдал за одним собою, и все его лица Жан-Жаки, кто в штанах, кто в юбке.

Прощай, мой милый. Делюсь с тобою, чем могу: мыслями. Пиши, ради Бога. Поклонись от меня всем твоим и Языкову. Надеюсь, что я скоро перестану о тебе беспокоиться и только посержусь немного.

* * *

*Август 1831 года
Каймары*

Дружба твоя, милый Киреевский, принадлежит к моему домашнему счастью; картина его была бы весьма неполной, ежели б я пропустил речи наши о тебе, удовольствие, с которым мы читаем твои письма, искренность, с которою тебя любим и радуемся, что ты нам платишь тем же. Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни. Ты из нее не выходишь и в мечтах наших о будущем, и когда мы располагаем им по воле нашего сердца, ты всегда у нас в соседстве, всегда под нашим кровом. Ты первый из всех знакомых мне людей, с которым изливаюсь я без застенчивости: это значит, что никто еще не внушал мне такой доверенности к душе своей и своему характеру. Сделал бы тебе описание нашей деревенской жизни, но теперь не в духе. Скажу тебе вкратце, что мы пьем чай, обедаем, ужинаем часом раньше, нежели в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в нее прогулки, верховую езду, разговоры; вставь в нее то, чему нет имени: это общее чувство, этот итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейного счастья, и ты получишь довольно верное понятие о моем бытѣ. «Наложницу»

---

⁵⁷ Имеется в виду «Кларисса Гарлоу» Ричардсона. – *Сост.*

оставляю совершенно на твое попечение. Жду с нетерпением твоего разбора⁵⁸. Пришли, когда кончишь. О недостатках «Бориса» можешь ты намекнуть вкратце и распространиться о его достоинствах. Таким образом, ты будешь прав перед собою и перед отношениями. Я не совсем согласен с тобою в том, что слог «Иоанны»⁵⁹ служил образцом слога «Бориса». Жуковский мог только выучить Пушкина владеть стихом без рифмы, и то нет, ибо Пушкин не следовал приемам Жуковского, соблюдая везде цезуру. Слог «Иоанны» хорош сам по себе, слог «Бориса» тоже. В слог «Бориса» видно верное чувство старины, чувство, составляющее поэзию трагедии Пушкина, между тем как в «Иоанне» слог прекрасен без всякого отношения.

Прощай, мой милый, крепко обнимаю тебя. Пиши к нам. Жена моя очень благодарна тебе за дружеские твои приветствия. Впрочем, я всегда пишу к тебе в двух лицах. Обними за меня Языкова, рад очень, что он выздоравливает. Очень мне хочется с вами обоими повидаться, и, может быть, я соберусь на день-другой в Москву, ежели здоровье мое позволит. Не забудь поклониться от меня Гнедичу.

Е Баратынский

* * *

21 сентября 1831 года
Каймары

Отвечаю разом на два твои письма, милый Киреевский, потому что они пришли в одно время. Не дивись этому: московская почта приходит в Казань два раза в неделю, а мы из своей деревни посылаем в город только раз. Благодарю тебя за хлопоты о «Наложнице». Авось разоидется зимою. Впрочем, успех и неуспех ее для меня теперь равнодушен. Я как-то остыл к ее участи. Ты меня истинно обрадовал намерением издавать журнал. Боюсь только, чтобы оно не было одним из тысячи наших планов, которые остались – планами. Ежели дело дойдет до дела, то я – неперемный и усердный твой сотрудник, тем более что все меня клонит к прозе. Надеюсь в год доставить тебе две-три повести и помогать тебе живо вести полемику. Критик на «Наложницу» я не читал: я не получаю журналов. Ежели б ты мог мне прислать номер «Телескопа», в котором напечатано возражение на мое предисловие⁶⁰, я бы непременно отвечал, и отвечал дельно и обширно. Я еще более обдумал мой предмет со времени выхода в свет «Наложницы», обдумал со всеми вопросами, к нему прикосновенными, и надеюсь разрешить их, ни в чем не противореча первым моим положениям. Статья моя пригодилась бы для твоего журнала. Я сберегу тебе твой номер «Телескопа» и перешлю обратно, как скоро статья моя будет готова. Ты напрасно считаешь меня неумолимым критиком Руссо; напротив, он совершенно увлек меня. В «Элоизе» я критикую только роман, так же, как можно критиковать создание поэм Байрона. Когда-то сравнивали Байрона с Руссо, и это сравнение я нахожу весьма справедливым. В творениях того и другого не должно искать независимой фантазии, а только выражения их индивидуальности. Оба – поэты самости, но Байрон безусловно предается думе о себе самом; Руссо, рожденный с душою более разборчивою, имеет нужду себя обманывать, он морализует и в своей морали выражает требования души своей, мнительной и нежной. В «Элоизе» желание показать возвышенное понятие свое о нравственном совершенстве человека, блистательно разрешить некоторые трудные задачи совести беспрестанно заставляет его забывать драматическую правдоподобность. Любовь по природе своей – чувство исключитель-

---

⁵⁸ И. В. Киреевский работал над «Обзрением русской словесности за 1831 год» (Наст. изд. Т. 2). – *Сост.*

⁵⁹ Е. А. Баратынский называет по имени героини трагедию Шиллера «Орлеанская дева», переведенную В. А. Жуковским. – *Сост.*

⁶⁰ Имеется в виду статья Н. И. Надеждина, полемизировавшего с предисловием Е. А. Баратынского к поэме «Наложница». – *Сост.*

ное, не терпящее никакой совместности, оттого-то «Элоиза», в которой Руссо чаще предается вдохновению нравоучительному, нежели страстному, производит такое странное, неудовлетворительное впечатление. Мы видим в «Confessions», что любовь к m-me Houdetot внушила ему «Элоизу»; но по тому несоразмерному участку, который занимает в ней мораль и философия (кровная собственность Руссо), мы чувствуем, что идеал любовницы Saint-Lambert всегда уступал в его воображении идеалу Жан-Жака. В составе души Руссо еще более, нежели в составе его романа, находятся недостатки последнего. «Элоиза» мне нравится менее других произведений Руссо. Роман, я стою в том, творение, совершенно противоречащее его гению. В то время как в «Элоизе» меня сердит каждая страница, когда мне досаждают даже красоты ее, все другие его произведения увлекают меня неодолимо. Теплота его слова проникает мою душу, искренняя любовь к добру меня трогает, раздражительная чувствительность сообщается моему сердцу.

Видишь, как я с тобою заболтался. Жена моя, которая тебя очень любит, тебе кланяется. Обнимаю тебя.

Е. Баратынский

* * *

8 октября 1831 года
Каймары

Спасибо тебе за стихи Пушкина и Жуковского⁶¹. Я хотел было их выписать, но ты меня предупредил. Стихи Жуковского читал я без подписи в «Северной пчеле» и никак не мог угадать автора. Необыкновенные рифмы и приметная твердость слога меня поразили, но фамильярный тон удалил всякую мысль о Жуковском. Первое стихотворение Пушкина мне более нравится, нежели второе. <...> Я уже отвечал тебе о журнале. Принимайся с Богом за дело. Что касается до названия, мне кажется всего лучше выбрать такое, которое бы ровно ничего не значило и не показывало бы никаких притязаний. «Европеец», вовсе не понятый публикой, будет понят журналистами в обидном смысле; а зачем вооружать их прежде времени? Нельзя ли назвать журнал «Северным вестником», «Орионом» или совершенно равно, но вместе незначительно, вроде «Nain jaune»⁶², издаваемого при Людовике XVIII наполеонистами? Ты слишком много на меня надеешься, и я сомневаюсь, исполню ли я половину твоих надежд. Могу тебя уверить в одном: в усердии. Твой журнал очень возбуждает меня к деятельности. Я написал еще несколько мелких стихотворных пьес, кроме тех, которые тебе послал. Теперь пишу небольшую драму⁶³, первый мой опыт в этом роде, которая как ни будет плоха, но все годится для журнала. Вероятно, я ее кончу на этой неделе и пришлю тебе. Не говори о ней никому, но прочти и скажи мне свое мнение. В журнале я помещу ее без имени. Не говорю тебе о дальнейших моих замыслах из суеверия. Никогда того не пишешь, чем заранее похваляешься. Мне очень любопытно знать, что ты скажешь о романах Загоскина⁶⁴. Все его сочинения вместе показывают дарование и глупость. Загоскин – отменно любопытное психологическое явление. Пришли мне статью твою, как напишешь. Настоящим образом я помогаю тебе буду, когда ворочусь в Москву. Я должен писать к спеху, чтобы писать много. Мне нужно предаваться журнализму, как разговору, со всею живостью вопросов и ответов, а не то я слишком сам к себе требователен, и эта требовательность часто охлаждает меня и к хорошим моим мыслям. Между тем все,

---

⁶¹ Речь идет о стихотворении В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад» и стихотворениях А. С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». – *Сост.*

⁶² Желтый карлик. – *Сост.*

⁶³ Драма Е. А. Баратынского до нас не дошла. – *Сост.*

⁶⁴ М. Н. Загоскин – автор романов «Юрий Милославский» (1829 г.), «Рославлев» (1831 г.) и др. – *Сост.*

что удастся мне написать в моем уединении, будет принадлежать твоему журналу. Прощай, кланяйся твоим.

Е. Баратынский

Скажи Языкову, что на него сердится Розен за то, что он не только не прислал ему стихов прошлого года, но даже не отвечал на письмо. Он жалуется на это очень и даже трогательно.

* * *

26 октября 1831 года

Каймары

Со мною сто раз случалось в обществе это тупоумие, о котором ты говоришь. Я на себя сердился, но признаюсь в хорошем мнении о самом себе: не упрекал себя в глупости, особенно сравнивая себя с теми, которые отличались этою наметанностию, которой мне недоставало. Чтобы тебя еще более утешить в твоём горе (горе я ставлю для шутки), скажу тебе, что ни один смертный так не блистал в *petits jeux*⁶⁵ и особенно в *secrétaire*⁶⁶, как Василий Львович Пушкин и даже брат его Сергей Львович. Сей последний, на вопрос: *Quelle différence y a-t-il entre m-r Pouchkine et le soleil?*⁶⁷ отвечал: *Tous les deux font faire la grimace*⁶⁸. Впрочем, говорить нечего: хотя мы заглядываем в свет, мы – не светские люди. Наш ум иначе образован, привычки его иные. Светский разговор для нас ученый труд, драматическое создание, ибо мы чужды настоящей жизни, настоящих страстей светского общества. Замечу еще одно: этот *laisser-aller*⁶⁹, который делает нас ловкими в обществе, есть природное качество людей ограниченных. Им дает его самонадеянность, всегда нераздельная с глупостью. Люди другого рода приобретают его опытом. Долго сравнивая силы свои с силами других, они, наконец, замечают преимущество свое и дают себе свободу не столько по чувству собственного достоинства, сколько по уверенности в ничтожности большей части своих совместников. Не посылаю еще моего драматического опыта потому, что надо его переписать, а моя переписчица⁷⁰ еще в постели. Благодарю тебя за деньги и за *Villemain*⁷¹. У меня на душе стало легче, когда увидел я этот замаранный том, который меня порядочно помучил. Я прочел уже две части: много хорошего и хорошо сказанного; но *Villemain* часто выдает за новость и за собственное соображение – давно известное у немцев и ими отысканное. Многое лишь для успеха минуты и рукоплесканий партии. Еще одно замечание: у *Villemain* часто заметна аффектация аттицизма, аффектация наилучшего тона. Его скромные оговорки, во-первых, однообразны, во-вторых, несколько изысканны. Чувствуешь, что он любит себя своим светско-эстетическим смирением. Это не мешает творению его быть очень занимательным. О Гизо⁷² скажу тебе, что у меня теперь нет денег. Ежели ты можешь ссудить меня нужною суммою до января, то возьми его; ежели нет, то скажи *Urbain*⁷³, что Гизо мне не нужен, или попроси подождать денег.

---

⁶⁵ Салонные игры. – *Сост.*

⁶⁶ Игры в вопросы и ответы. – *Сост.*

⁶⁷ В чем различие между господином Пушкиным и солнцем? (*фр.*). – *Сост.*

⁶⁸ Оба заставляют делать гримасу (*фр.*). – *Сост.*

⁶⁹ Непринужденность (*фр.*). – *Сост.*

⁷⁰ Е. А. Баратынский имеет в виду свою жену. – *Сост.*

⁷¹ Вероятно, «Курс французской литературы» А. Ф. Вильмена. – *Сост.*

⁷² Франсуа Гизо – автор трудов «История цивилизации в Европе» (1828 г.) и «История цивилизации во Франции» (1829–1832 г.). – *Сост.*

⁷³ Французский книготорговец в Москве. – *Сост.*

Прощай; все мои тебе кланяются. Языкову буду писать на будущей почте, а пока обнимаю.

Е. Баратынский

* * *

Ноябрь 1831 года

Каймары

Благодарю тебя за твое дружеское поздравление и милые шутки. Впрочем, я тебя ловлю на слове: в год рождения моей Машеньки⁷⁴ должен непременно издаваться «Европеец», а там, ежели в 12 лет она будет в состоянии слушать твои лекции, прошу в самом деле позаботиться о ее просвещении. Не беда, что моя пьеса пошла по рукам. Я послал Пушкину и другую: «Не славь, обманутый Орфей», но уверяю, что больше нет ничего за душою. Я не отказываюсь писать, но хочется на время, и даже долгое время, перестать печатать. Поэзия для меня не самолюбивое наслаждение. Я не имею нужды в похвалах (разумеется, черни), но не вижу, почему обязан подвергаться ее ругательствам. Я прочел критику Надеждина. Не знаю, буду ли отвечать на нее и что отвечать? Он во всем со мной согласен, только укоряет меня в том, что я будто полагаю, что изящество не нужно изящной литературе; между тем как я очень ясно сказал, что не говорю о прекрасном, потому что буду понят немногими. Критика эта меня порадовала: она мне показала, что я вполне достигнул своей цели: опроверг убедительно для всех общих предрассудков, и что всякий несколько мыслящий читатель, видя, что нельзя искать нравственности литературных произведений ни в выборе предмета, ни в поучениях, ни в том, ни в этом, заключит вместе со мною, что должно искать ее только в истине или прекрасном, которое не что иное, как высочайшая истина. Хорош бы я был, ежели б я говорил языком Надеждина. Из тысячи его подписчиков вряд ли найдется один, который что-нибудь бы понял из этой страницы, в которой он хочет объяснить прекрасное. А что всего забавнее, это то, что перевод ее находится именно в предисловии, которое он критикует. Ежели буду отвечать, то потому только, что мне совестно перед тобою, заставив тебя понапрасну отыскивать и посылать журнал. Я пишу, но не пишу ничего порядочного. Очень недоволен собою. «Ne pas perdre du temps c'est en gagner»⁷⁵, говорил Вольтер. Я утешаю себя этим правилом. Теперь пишу я жизнь Дельвига. Это только для тебя. Ты мне напоминаешь о Свербеевых, которых, впрочем, я не забыл. Поклонись им от меня и скажи, что ежели они останутся будущую зиму в Москве, я надеюсь провести у них много приятных часов.

Обнимаю тебя.

Е. Б.

* * *

29 ноября 1831 года

Каймары

Вот тебе и число. Я пропустил одну почту оттого, что в моем глубоком уединении

Позабыл все дни недели
Называть по именам.

---

⁷⁴ М. Е. Баратынская. – *Сост.*

⁷⁵ Не терять времени – это значит выиграть время (*фр.*). – *Сост.*

Я думал, что был понедельник, когда была среда. В это время, однако ж, трудился для твоего журнала. Отвечал Надеждину. Статья моя⁷⁶, я думаю, вдвое больше моего предисловия⁷⁷. Сам удивляюсь, что мог написать столько прозы. Драма моя почти переписана набело. Теперь сижу за повестью, которую ты помнишь: «Перстень». Все это ты получишь по будущей тяжелой почте. Все это посредственно, но для журнала годится. Благодарю тебя за обещание прислать повести малороссийского автора⁷⁸. Как скоро прочту, так и напишу о них. О Загоскине писать что-то страшно. Я вовсе не из числа его ревностных поклонников. «Милославский» его – дрянь, а «Рославлев», быть может, еще хуже. В «Рославлеве» роман ничтожен, исторический взгляд вместе глуп и неверен. Но как сказать эти крутые истины автору, который все-таки написал лучшие романы, какие у нас есть? Мне очень жаль, что Жуковскому не нравится название моей поэмы. В ответе моем Надеждину я стараюсь оправдать его. Не могу понять, почему люди умные и просвещенные так оскорбляются словом, которого полный смысл допущен во всех разговорах. Скажи мне, что он думает, о самой поэме, что хвалит и что осуждает. Не бойся меня опечалить. Мнение Жуковского для меня особенно важно, и его критики будут мне полезнее. У меня план новой поэмы⁷⁹, со всех сторон обдуманый. Хороша ли будет, Бог знает. На днях примусь писать. Не отдаю тебе отчета в моем плане, потому что это охлаждает. Кстати, послание к Языкову и элегия⁸⁰, которую ты называешь европейской, принадлежит «Европейцу». По будущей почте пришлю тебе еще две-три пьесы.

Прощай, поклонись от меня милой твоей маменьке, которой не успеваю писать сегодня. Напомни обо мне Алексею Андреевичу⁸¹. Каково его здоровье и совершенно ли он успокоился насчет холеры?

Е. Баратынский

Жена моя на богомолье в соседней пустыни и будет отвечать твоей маменьке по будущей почте.

* * *

*Декабрь 1831 года
Каймары*

Вот тебе для «Европейца». Извини, что все это так дурно переписано: ты знаешь страсть мою к переправкам. Я не мог от них удержаться и при том, что тебе посылаю. Особенно мне совестно за мою драму, которая их не стоит. И я ни за что бы тебе ее не послал, ежели б не думал, что в журнале и посредственно годится для занятия нескольких листов. Пересмотри мою антикритику, и что тебе в ней покажется лишним, выбрось. Боюсь очень, что я в ней не держусь немецкого правоверия и что в нее прокрались кой-какие ереси. Драму напечатай без имени и не читай ее никому как мое сочинение. Под сказкой⁸² поставь имя сочинителя. Я читал твое объявление: оно написано как нельзя лучше, и я тотчас узнал, что оно твое. Ты истолковал название журнала и умно, и скромно. Но у нас не понимают скромности, и я боюсь, что в твоём объявлении не довольно шарлатанства для приобретения подписчиков, Впрочем,

---

⁷⁶ Антикритика. – *Сост.*

⁷⁷ Предисловие к поэме «Наложница». – *Сост.*

⁷⁸ Речь идет о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. – *Сост.*

⁷⁹ Этот план неизвестен. – *Сост.*

⁸⁰ В дни безграничных увлечений. – *Сост.*

⁸¹ Елагин. – *Сост.*

⁸² Повесть «Перстень». – *Сост.*

воля Божия. Я подпишусь в будущий год на некоторые из русских журналов и буду за тебя отбраниваться, когда нужно. У меня, кроме плана поэмы, в запасе довольно желчи; я буду рад как-нибудь ее излить. Это письмо – совершенно деловое. Я должен тебе дать препоручение, конечно не литературное, а между тем не совсем ей чуждое, ибо дело идет о моем желудке. Посылаю тебе 50 рублей. Вели, сделай одолжение, купить мне полпуда какао и отправь это по тяжелой почте. Он продается в Охотном ряду: спроси у кого-нибудь, хоть у Эйнброда, как узнавать свежий от несвежего.

Прощай, обнимаю тебя очень усердно. Что у меня еще напишется, пришлю. Мы переезжаем из деревни в город. Буду рекомендовать «Европейца» моим казанским знакомым.

Е. Баратынский

* * *

Декабрь 1831 года

Казань

Ежели уже получено позволение издавать журнал под фирмою «Европейца», пусть он остается «Европейцем». Не в имени дело. Ты меня приводишь в стыд слишком хорошим мнением о моей драме. Спешу тебе сказать, что это только драматический опыт; несколько сцен с самою легкою завязкою. Я от нее не в отчаянии только потому, что надеюсь со временем написать что-нибудь поделнее. Ежели б я вполне следовал своему чувству, я бы поступил с нею, как ты поступаешь с некоторыми из своих творений, т. е. бросил бы в печь... Кстати: я не нахожу тебя в этом отменно благоразумным. Во-первых, не мне быть судьей в собственном деле; во-вторых, каждый, принимающийся за перо, поражен какою-либо красотою, следственно, и в его творении, как бы оно ни поддавалось критике, наверно есть что-нибудь хорошее. Что ж касается до совершенства, оно, кажется, не дано человеку, и мысль о нем может скорее охладить, нежели воспламенить писателя. Это думает и Жуковский, который советует беречься

От убивающего дар
Надменной мысли совершенства.

Жуковский будет в Москве. Как жаль, что я в Казани. Поклонись ему от меня как можно усерднее. Я видел в газетах объявление о выходе его новых баллад. Не терпится прочесть их. «Повести Белкина» я знаю. Пушкин мне читал их в рукописи. Напиши мне о них свое мнение. Спасибо тебе за то, что не ленишься писать. После каждого твоего письма я, ежели можно, еще более к тебе привязываюсь. Засвидетельствуй мое почтение милой твоей маменьке. Что с нею было? Нечего тебе сказать, что я искренне радуюсь ее выздоровлению. Обними за меня Языкова, да пришли же мне новые его пьесы.

Е. Б.

Ты мне пишешь о портретах известных людей. Но подумай, что у нас их весьма немного, что эти портреты должны быть панегириками, и тогда ни для кого не будут занимательными. Ты скажешь, что не надо называть поименно всех, но по двум или трем приметам легко узнать знакомого человека, особенно автора, а тень невосхищения будет уже обидою и личностью. Оставим наших соотечественников, но не мешает тебе положить на бумагу все, что ты знаешь о Шеллинге и других отличных людях Германии. Загадывать их не нужно, ибо надо их знать, чтобы ценить их; а многие ли с ними знакомы, не только лично, но и по сочинениям? Вот тебе мое мнение: суди сам, справедливо ли оно, или нет.

* * *

Конец декабря 1831 года
Казань

Спасибо тебе за дельную критику. В конце моего ответа Надеждину я очень некстати разговорился. Вот тебе переправка:

«Первые строки мы охотно принимаем за иронию, за небрежную, следственно, шутку над неблагонамеренною привязчивостью «Московского телеграфа». Не будем оспаривать чувства собственного преимущества, которое их внушило; мы заметим только, что они не на своем месте и что могут принять их за неосторожное признание. Отдадим справедливость критике: в пристрастном разборе его видно...»

«Недостаток логики» замени «недостатком обдуманности», и ежели еще какое-нибудь выражение покажется тебе жестким, препоручаю тебе его смягчить.

Первый номер твоего журнала великолепен. Нельзя сомневаться в успехе. Мне кажется, надо задрать журналистов, для того чтобы своими ответами они разгласили о существовании оппозиционного журнала. Твое объявление было слишком скромно. Скажи, много ли у тебя подписчиков. Напечатай в московских газетах, какие и какие статьи помещены в 1-м номере «Европейца». Это будет тебе очень полезно.

Я и все мои усердно поздравляем тебя и твоих с праздниками и Новым годом. Дай Бог, чтоб будущий нашел нас вместе.

Мы переехали из деревни в город: я замучен скучными визитами. Знакомлюсь с здешним обществом, не надеясь найти в этом никакого удовольствия. Нечего делать: надо повиноваться обычаю, тем более что обычай по большей части благоразумен. Я гляжу на себя как на путешественника, который проезжает скучные, однообразные степи. Проехав, он с удовольствием скажет: я их видел.

Прощай, до будущей недели.

Е. Б.

Благодарю тебя за какао. Вероятно, рублей 15 стоила пересылка; на остальные, если можно, пришли новые баллады Жуковского.

* * *

Начало января 1832 года
Казань

Сейчас получил от тебя неожиданную и прелестную новинку, Гизо, которого мне очень хотелось иметь. Спасибо тебе. Я замечаю, что эту фразу мне приходится повторять в каждом из моих писем. Напиши, много ли я тебе должен: теперь я в деньгах.

Я мало еще познакомился со здешним городом. С первого дня моего приезда я сильно простудился и не мог выезжать. Знаешь ли, однако ж, что, по-моему, провинциальный город оживленнее столицы. Говоря – оживленнее, я не говорю – приятнее, но здесь есть то, чего нет в Москве, – действие. Разговоры некоторых из наших гостей были для меня очень занимательны, Всякий говорит о своих дедах или о делах губернии, бранит или хвалит. Всякий, сколько можно заметить, деятельно стремится к положительной цели и оттого имеет физиономию. Не могу тебе развить всей моей мысли, скажу только, что в губерниях вовсе нет этого рав-

нодушия ко всему, которое составляет характер большей части наших московских знакомцев. В губерниях больше гражданственности, больше увлечения, больше элементов политических и поэтических. Всмотрясь внимательнее в общество, я, может быть, напишу что-нибудь о нем для твоего журнала, но я уже довольно видел, чтобы местом действия русского романа всегда предпочесть губернский город столичному. Хвалю здесь твоего «Европейца», не знаю только, заставят ли мои похвалы кого-нибудь на него подписаться. Здесь выписывают книги и журналы только два или три дома и ссужают ими потом своих знакомых. Здесь живет страшный Арцыбашев: я с ним говорил, не зная, что это он. Я постараюсь с ним сблизиться, чтобы рассмотреть его натуру. Когда мне в первый раз указали Каченовского, я глядел на него с отменным любопытством, однако воображение меня обмануло:

Je le vis, son aspect n'avait rien de farouche⁸³.

Обнимаю тебя, ты же от меня обними Языкова. Поклон всем твоим.

* * *

Январь 1832 года

Казань

Благодарю тебя и за коротенькое письмо, но не ленись и на обещанное пространное. Ты, я думаю, теперь чрезвычайно озабочен своим журналом, и тебе остается мало времени на переписку. Мне немного совестно заставлять тебя думать обо мне, но ты извинишь мне это. Я тоже не без забот, хотя другого рода. Губернская светская жизнь довольно утомительна, и то выезжая, то принимая у меня, мало остается досуга. Языков расшевелил меня своим посланием. Оно – прелесть. Такая ясная грусть, такое грациозное добродушие. Такая свежая чувствительность! Как цветущая его муза превосходит все наши бледные и хилые! У наших – истерика, а у ней настоящее вдохновение! Я познакомился с Арцыбашевым. Человек очень ученый и в разговоре более приличный, нежели в печати, впрочем весь погрязший в изысканиях. Выше хронологических чисел он ничего не видит в истории. Здешние литераторы (можешь вообразить – какие) задумали издавать журнал и просят меня в нем участвовать. Это – в числе неприятностей моей здешней жизни. Многие имеют здесь мои труды и Пушкина, но переписные, а не печатные. Надо продавать книги наши подешевле. Отсылаю тебе «Телескоп». Прощай, спешу посылать на почту, где, между прочим, лежит ко мне посылка, надеюсь, что от тебя с «Европейцем».

* * *

18 января 1832 года

Казань

Давно не получал я от тебя писем, милый Киреевский, и не жалуясь, ибо знаю, что хлопот у тебя много. У меня к тебе просьба: если не напечатано первое мое послание к Языкову⁸⁴, не печатай его: оно мне кажется довольно слабо. Напечатай лучше второе⁸⁵, которым я более доволен. Я здесь веду самую глупую жизнь, рассеянную без удовольствия, и жду не дождусь возвращения нашего в деревню. Мы переезжаем на первой неделе великого поста. Там я надеюсь употребить время с пользой для себя и для «Европейца», а здесь – нет никакой возмож-

---

⁸³ Я его увидел, его облик не представлял ничего зверского (*фр.*). – *Сост.*

⁸⁴ Языков, буйства молодого... – *Сост.*

⁸⁵ Бывало, свет позабывая... – *Сост.*

ности. Подумай, кого я нашел в Казани? Молодого Перцова⁸⁶, известного своими стихотворными шалостями, которого нам хвалил Пушкин; но мало, что человек очень умный – и очень образованный, с решительным талантом. Он мне читал отрывки из своей комедии в стихах, исполненные живости и остроумия. Я постараюсь их выпросить у него для «Европейца». С ним одним я здесь говорю натуральным моим языком. Вот тебе бюллетень моего житья-бытья. Что ты не шлешь мне «Европейца»? Я получил баллады Жуковского. В некоторых необыкновенное совершенство слова и простота, которую не имел Жуковский в прежних его произведениях. Он мне даже дает охоту рифмовать легенды.

Прощай, обнимаю тебя.

Е. Баратынский

* * *

Февраль 1832 года

Казань

Понимаю, брат Киреевский, что хлопотливая жизнь журналиста и особенно разногласные толки и пересуды волнуют тебя неприятным образом. Я предчувствовал твое положение, и жаль мне, что я не с тобою, потому что у нас есть сходство в образе воззрения, и мы друг друга же в нем утверждали. Мнение Жуковского, Пушкина и Вяземского мне кажется несправедливым. Приноравливаясь к публике, мы ее не подвинем. Писатели учат публику, и ежели она находит что-нибудь в них непонятное, это вселяет в нее еще более уважения к сведениям, которых она не имеет, заставляет ее отыскивать их, стыдясь своего невежества. Надеюсь, что Полевой менее ясен, нежели ты, однако ж журнал его расходуется и, нет сомнения, приносит большую пользу, ибо ежели не дает мыслей, то будит оные, а ты и даешь их, и будишь. Бранить публику вправе всякий, и публика за это никогда не сердится, ибо никто из ее членов не принимает на свой счет сказанного о собирательном теле. Вяземский сказал острое слово – и только. Ежели ты имеешь мало подписчиков, тому причину: 1-е – слишком скромное объявление, 2-е – неизвестность твоя в литературе, 3-е – исключение мод. Но имей терпение издавать еще на будущий год, я ручаюсь в успехе. По прочтении 1-го номера «Европейца» здесь в Казани мы на него подписались. Вообще журнал очень понравился. Нашли его и умным, и ученым, и разнообразным. Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу: они тебе скажут спасибо. Не упускай, однако ж, из виду пестроты и повестей, без чего журнал не будет журналом, а книгою. Статья твоя о XIX веке непонятна для публики только тем, где дело идет о философии, и в самом деле, итоги твои вразумительны только тем, которые посвящены в таинства новейшей метафизики, зато выводы литературные, приложение этой философии к действительности, отменно ясны и знакомым чувством с этой философией, еще не совершенно понятной для ума. Не знаю, поймешь ли ты меня, но таков ход ума человеческого, что мы прежде верим, нежели исследуем, или, лучше сказать, исследуем для того только, чтобы доказать себе, что мы правы в нашей вере. Вот почему я нахожу полезным поступать как ты, т. е. знакомить своих читателей с результатами науки, дабы, заставив полюбить оную, принудить заняться ею. Постараюсь что-нибудь прислать тебе для 3-го номера. Ты прав, что Казань была для меня мало вдохновительной. Надеюсь, однако ж, что несколько впечатлений и наблюдений, приобретенных мною, не пропадут.

Прощай. Не предавайся унынию. Литературный труд сам себе награда; у нас, слава Богу, степень уважения, которую мы приобретаем, как писатели, не соразмеряется торговым успе-

---

⁸⁶ Имеется в виду поэт и драматург Е. П. Перцов. – *Сост.*

хом. Это я знаю достоверно и по опыту. Булгарин, несмотря на успехи свои в этом роде, презрен даже в провинциях. Я до сих пор еще не встречался с людьми, для которых он пишет.

Е. Баратынский

* * *

22 февраля 1832 года

Казань

Начинаю письмо мое пенями на тебя, а у меня их набралось нарочитое количество. Во-первых, ты мне не пишешь, много ли я тебе должен за Гизо и за другие мелочи. Нет, с тобою нечего чиниться, особенно в этом. Во-вторых, позволь мне побранить тебя за то, что ты не говоришь мне своего мнения о моей драме. Вероятно, она тебе не нравится; но неужели ты так мало меня знаешь, что боишься обидеть мое авторское самолюбие, сказав мне откровенно, что я написал вздор? Я больше буду рад твоим похвалам, когда увижу, что ты меня не балуешь. Я получил вторую книжку «Европейца». Разбор «Наложницы» для меня – истинная услуга. Жаль, что у нас мало пишут, особенно хорошего, а то бы ты себе сделал имя своими эстетическими критиками. Ты меня понял совершенно, вошел в душу поэта, схватил поэзию, которая мне мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: «переносит нас в атмосферу музыкальную и мечтательно просторную» заставила меня встрепенуться от радости, ибо это-то самое достоинство я подозревал в себе в минуты авторского самолюбия, но выражал его хуже. Не могу не верить твоей искренности: нет поэзии без убеждения, а твоя фраза принадлежит поэту. Нимало не сержусь за то, что ты порицаешь род, мною избранный. Я сам о нем то же думаю и хочу его оставить. 2-я книжка «Европейца» вообще не уступает первой.

Мы переезжаем из города в деревню. Надеюсь, что буду писать, по крайней мере, у меня твердое намерение не баловать моей лени. Если будут упрямиться стихи, примусь за прозу.

Прощай, обнимаю тебя.

Е. Баратынский

Я получил какао.

* * *

14 марта 1832 года

Казань

Я приписывал молчание твое недосугу и не воображал ничего неприятного; можешь себе представить, как меня поразило письмо твое, в котором ты меня извещаешь о стольких домашних печалях и, наконец, о запрещении твоего журнала! Болезнь твоей маменьки (да и она не первая с тех пор, как мы расстались) крайне нас огорчила, несмотря на то что, по письму твоему, ей лучше. От запрещения твоего журнала не могу опомниться. Нет сомнения, что тут действовал тайный, подлый и несправедливый доносчик, но что в этом утешительного? Где найти на него суд? Что после этого можно предпринять в литературе? Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным. Запрещение твоего журнала просто наводит на меня хандру и, судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолию. Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгариным. Поблагодарим Провидение за то, что Оно нас подружило и что каждый из нас нашел в другом человека, его понимающего, что есть еще несколько людей нам по уму и по сердцу. Заключимся в своем

кругу, как первые братья христиане, обладатели света, гонимого в свое время, а ныне торжествующего. Будем писать, не печатая. Может быть, придет благопоспешное время.

Прощай, мой милый, обнимаю тебя. Пиши ко мне. Письма твои мне нужны. Ты найдешь убеждение это сильным.

Е. Баратынский

Жена моя усердно тебя просит извещать нас о выздоровлении твоей маменьки.

* * *

12 апреля 1832 года

Ты провел день рождения твоего довольно печально. Надеюсь, что народное замечание не сбудется и что этот день не будет для тебя образчиком всех последующих сего года. Много минут жизни, в которых нас поражает ее бессмыслица: одни почерпают в них заключения, подобные твоим, другие – надежду другого, лучшего бытия. Я принадлежу к последним. Не стану теперь рассуждать о предмете, который может наполнить тома, но с удовольствием переносую мыслью в то время, когда мы опять примемся за наши бесконечные споры. «Вечера на Диканьке», без сомнения, показывают человека с дарованием. Я приписывал их Перовскому, хотя я вовсе в них не узнавал его. В них вообще меньше толку и больше жизни и оригинальности, чем в сочинениях сего последнего. Молодость Яновского служит достаточным извинением тому, что в его повестях есть неполного и поверхностного. Я очень рад буду с ним познакомиться. О свадьбе Скарятина мы поговорим, когда увидимся. Может быть, я докажу тебе, что предположения наши не были особенно неблагоприятны.

Прощай. Я и жена моя поздравляем тебя и твоих с праздником.

Твой Е. Баратынский

* * *

Апрель – май 1832 года

Казань

Я так давно к тебе не писал, что, право, совестно. Молчал не от лени, не от недосуга, а так. Это так – русский абсолютизм, но толковать его невозможно. Сегодня мне по-настоящему некогда писать писем, потому что пишу стихи, а вот я за грамотою к тебе. Как это делается, ежели не так? Я очень благодарен Яновскому за его подарок⁸⁷. Я очень бы желал с ним познакомиться. Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский – человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей «Страшная месть» он не однажды был поэтом. Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому.

О трагедии Хомякова⁸⁸ ты мне писал только то, что она кончена. Поговори мне о ней подробнее. Мне пишет из Петербурга брат, которому Хомяков ее читал, что она далеко превосходит «Бориса» Пушкина, но не говорит ничего такого, по чему можно бы составить себе о ней понятие. Надеюсь в этом на тебя.

---

⁸⁷ Н. В. Гоголь прислал Е. А. Баратынскому в Казань экземпляр своих «Вечеров на хуторе близ Диканьки». – *Сост.*

⁸⁸ Речь идет о «Дмитрии Самозванце» А. С. Хомякова. – *Сост.*

Поблагодари за меня милую Каролину⁸⁹ за перевод «Переселения душ». Никогда мне не бывало так досадно, что я не знаю по-немецки. Я уверен, что она перевела меня прекрасно, и мне бы веселее было читать себя в ее переводе, нежели в своем оригинале: как в несколько флатированном портрете охотнее узнаешь себя, нежели в зеркале.

Сестра Сонечка⁹⁰ не сердится за то, что ты подозреваешь в Горскиной⁹¹ немного кокетства. Дело не в этом, а в том, что до нее дошли слухи, что ты между ними находишь большое сходство, из чего следует, что ты и о ней того же мнения, а в справедливости его она не признается.

Прощай, мой милый; напиши, сделай милость, какой у тебя чин: мне это нужно для того, чтобы адресовать тебе квитанцию из Опекунского совета. Это тебе не доставит никаких хлопот: тебе вручат, и только. Что Свербеевы? Поклонись им от меня, равно как и всем своим.

Твой Баратынский

Напиши мне скорей о своем чине. 25 мая я выезжаю отсюда.

* * *

16 мая 1832 года
Казань

Я поставлю себе за правило не пропускать ни одной почты и писать тебе хоть два слова, но еженедельно. Писать к тебе уже мне сердечная потребность, и мне легко будет не отступать от своего правила. Что ты говоришь о басне нового мира – мне кажется очень справедливым. Я не знаю человека богаче тебя истинно критическими мыслями. Я написал всего одну пьесу в этом роде и потому не могу присвоить себе чести, которую ты приписываешь. Изобретение этого рода будет нам принадлежать вдвоем, ибо замечание твое меня поразило, и я непременно постараюсь написать десятка два подобных эпиграмм. Писать их не трудно, но трудно находить мысли, достойные выражения. Мы накануне нашего отъезда отсюда. Тесть мой едет в Москву, а я с женою в Тамбовскую губернию к моей матери. Пиши, однако, мне все в Казань, покуда не получишь от меня письма, в котором я решительно уведомяю тебя о моем отъезде. Мы увидимся в конце августа, а ежели Бог даст, долго проживем вместе.

Прощай, обнимаю тебя.

Е. Баратынский

Что поддельвает Языков? Этот лентяй из лентяев пишет ли что-нибудь? Прошу его пожалеть обо мне: одна из здешних дам, женщина степенных лет, не потерявшая еще притязаний на красоту, написала мне послание в стихах без меры, на которые я должен отвечать.

* * *

30 мая 1832 года
Казань

Тесть мой поехал в Москву. Я должен был выехать в одно время в Тамбов к моей матери, где я намерен был провести лето, но нездоровье моей жены меня удержало. Пиши мне по-

---

⁸⁹ К. К. Яниш. – *Сост.*

⁹⁰ С. Л. Энгельгардт. – *Сост.*

⁹¹ Неустановленное лицо. – *Сост.*

прежнему в Казань. Не могу вообразить, что такое трагедия Хомякова. Дмитрий Самозванец – лицо отменно историческое; воображение наше поневоле дает ему физиономию, сообразную с сказаниями летописцев. Идеализировать его – верх искусства. Байронов Сарданопал – лицо туманное, которому поэт мог дать такое выражение, какое ему было угодно. Некому сказать: не похож. Но Дмитрия мы все как будто видели и судим поэта, как портретного живописца. Род, избранный Хомяковым, отменно увлекателен: он представляет широкую раму для поэзии. Но мне кажется, что Ермаку он приходится лучше, нежели Дмитрию. Скоро ли он напечатает свою трагедию? Мне не терпится ее прочесть, тем более что ее издание противоречит всем моим понятиям, и я надеюсь в ней почерпнуть совершенно новые поэтические впечатления. Это время я писал все мелкие пьесы. Теперь у меня их пять, в том числе одна, на смерть Гете, которую я более доволен, чем другими. Не посылаю тебе этого всего, чтоб было мне что прочесть, когда увидимся. Извини мне это Хвостовское чувство⁹².

Прощай. Наши⁹³ проведут дня три в Москве. Повидайся с ними: они расскажут тебе о похождениях наших в Казани.

* * *

*Июнь 1832 года
Казань*

Ты мне развил мысль свою о басне с разительной ясностью. Мне бы хотелось, чтоб ты написал статью об этом. Мысль твоя нова и, по моему убеждению, справедлива: она того стоит. Я берегу твои письма, и когда мы увидимся в Москве, я тебе отыщу те два, в которых ты говоришь о басне. Ты перенесешь сказанное в них в твою статью, ибо мудроно выразиться лучше. Ты необыкновенный критик, и запрещение «Европейца» для тебя большая потеря. Неужели ты с тех пор ничего не пишешь? Что твой роман? Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделял бы свои стихи, как в кругу любителей литературы. Надобно нам доказать, что Виланд говорил от сердца. Россия для нас необитаема, и наш бескорыстный труд докажет высокую моральность мышления. Я прочитал здесь «Царя Салтана». Это – совершенно русская сказка, и в этом, мне кажется, ее недостаток. Что за поэзия – слово в слово привести в рифмы Еруслана Лазаревича или Жар-птицу? И что это прибавляет к литературному нашему богатству? Оставим материалы народной поэзии в их первобытном виде или соберем их в одно полное целое, которое настолько бы их превосходило, сколько хорошая история превосходит современные записки. Материалы поэтические иначе нельзя собрать в одно целое, как через поэтический вымысел, соответственный их духу и по возможности все их обнимающий. Этого далеко нет у Пушкина. Его сказка равна достоинством одной из наших старых сказок – и только. Можно даже сказать, что между ними она не лучшая. Как далеко от этого подражания русским сказкам до подражания русским песням Дельвига! Одним словом, меня сказка Пушкина вовсе не удовлетворила.

Прощай, поздравь от меня Свербеева и жену его. Пиши мне по-старому в Казань. Я не знаю, долго ли здесь пробуду. В июле постараюсь быть в Москве, чтобы увидеть Жуковского и скорее тебя обнять, но можно ли будет, еще не знаю.

---

⁹² Намек на поэта Д. И. Хвостова, имевшего репутацию графомана. – *Сост.*

⁹³ Имеются в виду Л. Н. Энгельгардт и его дочь Софья. – *Сост.*

* * *

*Предположительно, 20 июня 1832 года
Казань*

Пишу тебе в последний раз из Казани. 19-го числа я выезжаю в Тамбов. Адресуй мне теперь свои письма: Тамбовской губернии, в город Кирсанов. Что ты мне говоришь о Hugo⁹⁴ и Barbier⁹⁵, заставляет меня, ежели можно, еще нетерпеливее желать моего возвращения в Москву. Для создания новой поэзии именно недоставало новых сердечных убеждений, просвещенного фанатизма: это, как я вижу, явилось в Barbier. Но вряд ли он найдет в нас отзыв. Поэзия веры не для нас. Мы так далеко от сферы новой деятельности, что весьма неполно ее разумеем и еще менее чувствуем. На европейских энтузиастов мы смотрим почти так, как трезвые на пьяных, и ежели порывы их иногда понятны нашему уму, они почти не увлекают сердца. Что для них действительность, то для нас отвлеченность. Поэзия индивидуальная одна для нас естественна. Эгоизм – наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые. Человеку, не находящему ничего вне себя для обожания, должно углубиться в себе. Вот покамест наше назначение. Может быть, мы и вздумаем подражать (Barbier), но в этих систематических попытках не будет ничего живого, и сила вещей повертит нас на дорогу, более нам естественную.

Прощай, поклонись от меня твоим. Когда-то я попрошу тебя нанять себе дом в Москве! Когда-то мы с тобою просидим с 8 часов вечера до трех или четырех утра за философическими мечтами, не видя, как летит время! Однажды в Москве, надеюсь долго с тобой не разлучаться и дать своей жизни давно мною желанную оседлость.

* * *

*4 августа 1833 года
Мара*

Что ты делаешь и почему ко мне не пишешь? Неужели в самом деле потому, что не мог затвердить моего адреса? Признайся, что с твоей стороны есть небольшое упрямство, которое ты не оправдаешь никакой диалектикой. Чтоб у тебя не было отговорки, вот мой адрес: Тамбовской губернии, в Кирсанов. Он весьма несложен. Я до сих пор не писал тебе просто от невероятных жаров нынешнего лета, отнимавших у меня всякую деятельность, умственную и физическую. Я откладывал от почты до почты, и таким образом прошло довольно времени. Я ехал в деревню, предполагая найти в ней досуг и беспечность, но ошибся. Я принужден принимать участие в хлопотах хозяйственных: деревня стала вотчиной, а разница между ними необъятна. Всего хуже то, что хозяйственная деятельность сама по себе увлекательна, поневоле весь в нее вдаешься. С тех пор, как я здесь, я еще ни разу не думал о литературе. Оставляю все поэтические планы к осени, после уборки хлеба. Ты что делаешь? Ты хотел усердно работать пером, и у тебя нет моих отговорок. Надеюсь, что ты недаром заручил свое слово мне и Хомякову. Недавно тебя видели у Берже⁹⁶. Это с твоей стороны очень мило. Похож ли твой портрет и скоро ли ты мне пришлешь его? Прощай, мое почтение всем твоим. Ежели увидишь Ширяева, сделай одолжение, скажи ему, что я весьма неисправно получаю корректуру. Лист

---

⁹⁴ В. Гюго. – *Сост.*

⁹⁵ А. О. Барбье. – *Сост.*

⁹⁶ Речь идет о художнике Филиппе Берже. – *Сост.*

должен оборотиться в три недели, а он оборачивается в пять. Ежели все так пойдет, то я не напечатаюсь и к будущему году.

Е. Баратынский

* * *

15 октября 1833 года

Мара

Сердечно благодарю тебя за твой подарок. Я получил твой портрет. Он похож и даже очень, но как все портреты и все переводы – неудовлетворителен. Странно, что живописцы, занимающиеся исключительно портретом, не умеют ловить на лету, во время разговора, настоящей физиономии оригинала и списывают только пациента. Я помню бездушную систему Берже, объясненную мне им самим. По его мнению, портретный живописец не должен давать волю своему воображению, не должен толковать своевольно списываемое лицо, но аккуратно следовать всем материальным линиям и доверять сходство этой точности. Он и здесь был верен своей системе, отчего твой портрет может привести в восхищение всех людей, которые тебя знают не так особенно, как я, а меня оставляет весьма довольным присылкой, но недовольным живописцем. О себе мне тебе почти сказать нечего. Я весь погряз в хозяйственных расчетах. Немудрено: у нас совершенный голод. Для продовольствия крестьян нужно нам купить 2000 четвертей ржи. Это, по нынешним ценам, составляет 40 000. Такие обстоятельства могут заставить задуматься. На мне же, как на старшем в семействе, лежат все распорядительные меры.

Прощай, усердно кланяюсь всем твоим.

Е. Баратынский

* * *

28 ноября 1833 года

Мара

На днях получил я от Смирдина программу его журнала⁹⁷ с пригласительным письмом к участию. Не знаю, удастся ли ему эта спекуляция. Французские писатели не нашим чета, но ничего нет беднее и бледнее Ладвокатова «Sent et un»⁹⁸. Все-таки надо помочь ему. Его смелость и деятельность достойны всякого одобрения. Приготовляешь ли ты что-нибудь для него? Знаешь ли ты, что у тебя есть готовая и прекрасная статья для журнала? Это – теория туалета⁹⁹, которую можно напечатать отрывком. Я о ней вспомнил недавно, читая недавно теорию походки Бальзака. Сравнивая обе статьи, я нашел, что вы имеете большое сходство в обороте ума и даже в слоге, с тою разницею, что перед тобою еще широкое поприще и что ты можешь избежать его недостатков. У тебя теперь, что было у него вначале: совестливая изысканность выражений. Он заметил их эффектность, стал менее совестлив и еще более изыскан. Ты останешься совестлив и будешь избегать принужденности. У тебя, как у него, потребность генерализировать понятия, желание указать сочувствие и ответственность каждого предмета и каждого факта с целою системою мира; но он, мне кажется, грешит излишним хвастовством учености, театральным заимствованием цеховых выражений каждой науки. Успех его несколько избаловал. Я не люблю также его слишком общего, слишком легкомысленного

---

⁹⁷ С 1834 г. А. Ф. Смирдин совместно с О. И. Сенковским приступил к изданию «Библиотеки для чтения». – *Сост.*

⁹⁸ В 1831 г. группа французских литераторов с целью поправить дела разорившегося парижского книготорговца и издателя Ладвоката предприняла многотомное издание «Париж, или Книга ста одного». – *Сост.*

⁹⁹ Очевидно, речь идет об отрывке из романа И. В. Киреевского «Две жизни» (Наст. изд. Т. 2). – *Сост.*

сентиментализма. Постоянное притязание на глубокомыслие не совсем скрывает его французскую ветреность. Как признаться мыслителю, что он не достиг ни одного убеждения и, еще более, не смешно ли хвалиться этим! Ты можешь быть Бальзаком с двумя или тремя мнениями, которые дадут тебе точку опоры, которая ему недостает, с языком более прямым, и быстрым, и столько же отчетливым.

Прощай, кланяюсь твоим.

Е. Баратынский

Сделай одолжение: узнай деревенский и городской адрес Пушкина, мне нужно к нему написать. Нарочно для этого распечатываю письмо.

* * *

4 декабря 1833 года

Мара

Ты меня печалишь своими дурными вестями. Что твои глаза? Надеюсь, что это письмо застанет тебя зрячим. Мне случилось хвалить уединение, но не то, которое доставляет слепота. Кстати об уединении. Ты возобновляешь вопрос о том, что предпочтительнее: светская жизнь или затворническая? Та и другая необходимы для нашего развития. Нужно получать впечатления, нужно их и резюмировать. Так нужны сон и бдение, пища и пищеварение. Остается определить, в какой доле одно будет к другому. Это зависит от темперамента каждого. Что касается до меня, то я скажу об обществе то, что Фамусов говорит об обедах:

Ешь три часа, а в три дни не сварится.

Ты принадлежишь новому поколению, которое жаждет волнений, я – старому, которое молило Бога от них избавить. Ты назовешь счастьем пламенную деятельность; меня она пугает, и я охотнее вижу счастье в покое. Каждый из нас почерпнул свои мнения в своем веке. Но это – не только мнения, это – чувства. Органы наши образовались соответственно понятиям, которыми питался наш ум. Ежели бы теоретически каждый из нас принял систему другого, мы все бы не переменились существенно. Потребности наших душ остались бы те же. Под уединением я не разумею одиночества, я воображаю

Приют, от светских посещений
Надежной дверью запертой,
Но с благодарною душой
Открытый дружеству и девам вдохновений.

Таковой я себе устрою рано или поздно и надеюсь, что ты меня в нем посетишь.

Обнимаю тебя.

Е. Баратынский

* * *

Весна 1834 года

Мара

Виноват, что так давно тебе не писал, милый Киреевский. Этому причиною, во-первых, головные боли, к которым я склонен, и посетившие меня как нарочно два почтовых дня сряду; потом, я живу среди таких забот и нахожусь под влиянием таких впечатлений (я слегка говорил тебе, в каком бедственном положении здоровье моей матери), что не всегда в силах приняться за перо. Мне ли тебе задавать темы для литературных статей? Я давно выпустил из виду общие вопросы для исключительного существования. Но не задать ли тебе, например, тот самый предмет, о котором я говорю: жизнь общественная и жизнь индивидуальная. Сколько человек по законам известной совести должен уделить первой и может дать последней? Законны ли одинокие потребности? Какие отношения и перевес (*balance*) наружной и внутренней жизни в государствах наипаче просвещенных и что в России? Я бы желал видеть сии вопросы обдуманно и решенными тобою. Мне нужно твое пособие в сношениях моих с Ширяевым. Вот уже два месяца, как я не получаю корректуры¹⁰⁰. Я предполагаю, что для скорости он решился печатать по моей рукописи, не заботясь о том, что я могу сделать несколько поправок. На всякий случай посылаю тебе давно мною исправленную «Эду» и «Пирю», но теперь только приготовленные к отсылке. Доказательство той моральной лени, которою я одержим с некоторого времени. Посылаю тебе также предисловие в стихах к новому изданию и заглавный лист с музыкальным эпиграфом¹⁰¹. Я желаю, чтобы Ширяев согласился на гравировку или литографировку этого листа. Он может мне сделать это снисхождением за лишнюю пьесу, которую я ему посылаю.

Обнимаю тебя и кланяюсь всем твоим.

Е. Баратынский

Надеюсь, что маменька и брат¹⁰² теперь здоровы. У нас тоже всю зиму были жестокие поветрия, и все мы один за другим перехворали.

* * *

1830-е годы

Разговор, оживленный истинным разговорным вдохновением, т. е. взаимною доверенностью и совершенною свободою, столь же мало похож на обыкновенную светскую перемолвку, сколько дружеское письмо на поздравительное. Разумеется, что он тем будет полнее, чем разговаривающие более чувствовали, более мыслили и чем более у них сведений всякого рода. Возможно, полный разговор требует тех же качеств, как и, возможно, хорошая книга. Автор берет лист бумаги и старается наполнить его как можно лучше: разговаривающие желают как можно лучше наполнить известный промежуток времени, и тем же самым издельем. Надобно прибавить, что ежели нужно дарование для выражения письменного, оно нужно и для словесного. Дарование это совершенно особенно. Автор углубляется в свою собственную мысль, стараясь удалить от себя все постороннее; разговаривающий ловит чужую и возносится на ее крыльях. Что развлекает первого, то второму служит вдохновением. Тот же ум, то же чувство, особенным образом разгоряченные, проявляются в быстром обмене слов, с красотою, с физиономиею, отличною от красоты их и физиономии на бумаге. Все предметы разговора равны, ибо все имеют непремennую связь между собою и человека мыслящего ведут к одному общему вопросу. Обозревать его можно различно, и потому, сверх первых обыкновенных условий разговора, я прибавлю искреннюю, религиозную любовь к истине, сколько возможно ослабляющую упорную и самолюбивую привязчивость к нашим мнениям потому только, что они наши.

---

¹⁰⁰ Речь идет о корректуре нового издания стихотворений Е. А. Баратынского (1835 г.). – *Сост.*

¹⁰¹ Предисловие («Вот верный список спечатлений...») и музыкальный эпиграф не были помещены в издании. – *Сост.*

¹⁰² Очевидно, П. В. Киреевский. – *Сост.*

Еще два слова: разговор, о коем я говорю, – дитя какого-то душевного брака и требует между разговаривающими сочувствия, взаимного уважения, без которых он не заключится, и следовательно, не принесет своего плода – возможно полного разговора.

3. Письма А. С. Пушкина И. В. Киреевскому¹⁰³

4 февраля 1832 года

Петербург

Милостивый государь Иван Васильевич!

Простите меня великодушно за то, что до сих пор не поблагодарил Вас за «Европейца» и не прислал Вам смиренной дани моей. Виною тому проклятая рассеянность петербургской жизни и альманахи, которые совсем истощили мою казну, так что не осталось у меня и двести на черный день, кроме повести¹⁰⁴, которую сберег и из коей отрывок препровождаю в Ваш журнал. Дай Бог многие лета Вашему журналу! Если гадать по двум первым номерам, то «Европеец» будет долголетен. До сих пор наши журналы были сухи и ничтожны или дельны, да сухи; кажется, «Европеец» первый соединит дельность с заманчивостью. Теперь несколько слов об журнальной экономии: в первых двух книжках Вы напечатали две капитальные пиесы Жуковского и бездну стихов Языкова; это неуместная расточительность. Между «Спящей царевной¹⁰⁵» и «Мышью Степанидой¹⁰⁶» должно было быть по крайней мере три нумера. Языкова довольно было бы двух пиес. Берегите его на черный день. Не то как раз промотаетесь и принуждены будете жить Раичем да Павловым. Ваша статья о «Годунове» и о «Наложнице» порадовала все сердца: насилу-то дождались мы истинной критики¹⁰⁷. № 3. Избегайте ученых терминов и старайтесь их переводить, т. е. перефразировать: это будет и приятно неучам, и полезно нашему младенчеству языку. Статья Баратынского хороша, но слишком тонка и растянута (я говорю о его антикритике). Ваше сравнение Баратынского с Миерисом удивительно ярко и точно. Его элегии и поэмы точно ряд прелестных миниатюр, но эта прелесть отделки, отчетливость в мелочах, тонкость и верность оттенков – все это может ли быть порукой за будущие успехи его в комедии, требующей, как и сценическая живопись, кисти резкой и широкой? Надеюсь, что «Европеец» разбудит его бездействие. Сердечно кланяюсь Вам и Языкову.

* * *

11 июля 1832 года

Петербург

Милостивый государь Иван Васильевич!

Я прекратил переписку мою с Вами, опасаясь навлечь на Вас лишнее неудовольствие или напрасное подозрение, несмотря на мое убеждение, что уголь сажею не может замараться. Сегодня пишу Вам по оказии и буду говорить Вам откровенно. Запрещение Вашего журнала сделало здесь большое впечатление: все были на Вашей стороне, т. е. на стороне совершенной безвинности; донос, сколько я мог узнать, ударил не из булгаринской навозной кучи, но из тучи. Жуковский заступился за Вас с своим горячим прямудушием, Вяземский писал к Бенкендорфу

---

¹⁰³ Печатается по полному собранию сочинений А. С. Пушкина. Письма № 479 и № 492. – *Сост.*

¹⁰⁴ Имеется в виду «Домик в Коломне». – *Сост.*

¹⁰⁵ Сказка о спящей царевне. – *Сост.*

¹⁰⁶ Отрывок из сказки «Война мышей и лягушек». – *Сост.*

¹⁰⁷ См.: Обозрение русской словесности за 1831 год (Наст. изд. Т. 2). – *Сост.*

смелое, умное и убедительное письмо; Вы одни не действовали, и вы в этом случае кругом неправы. Как гражданин лишены Вы правительством одного из прав всех его подданных, Вы должны были оправдываться из уважения к себе и, смею сказать, из уважения к государю, ибо нападения его не суть нападения Полевого или Надеждина. Не знаю, поздно ли, но на Вашем месте я бы и теперь не отступился от сего оправдания: начните письмо Ваше тем, что, долго ожидав запроса от правительства, Вы молчали до сих пор, но... Ей Богу, это было бы не лишнее.

Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему¹⁰⁸ и к Языкову с сердечной просьбою. Мне разрешили на днях политическую и литературную газету. Не оставьте меня, братие! Если вы возьмете на себя труд, прочитав какую-нибудь книгу, набросать об ней несколько слов в мою суму, то Господь Вас не оставит. Николай Михайлович¹⁰⁹ ленив, но так как у меня будет как можно менее стихов, то моя просьба не затруднит и его. Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты. Прошу у Вас советов и помощи.

Шутки в сторону: Вы напрасно полагаете, что Вы можете повредить кому бы то ни было Вашими письмами. Переписка с Вами была бы мне столь же приятна, как дружество Ваше для меня лестно. С нетерпением жду Вашего ответа – может быть, на днях буду в Москве.

4. Письма оптинского старца иеромонаха Макария И. В. и Н. П. Киреевским¹¹⁰

Январь 1847 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.¹¹¹

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Вы доставили нам большое духовное утешение извещением об окончании печатания нашей книги и присылкою одного экземпляра и остальных листов к первому. Все это я получил 8-го числа января, а 9-го отправился в Мещовск посетить отца строителя Никодима¹¹², оттуда к вам и пишу не <нрзб.> первой почты.

Все действия ваши по сему предмету доказывают ваше великое усердие к сообщению полезного ближним. Я не буду вас благодарить, да вы и не ищете благодарности; польза, которую может получить кто-нибудь из ближних, уже есть вам воздаяние; Господь даровал вам сие благое произволение, Он и помогал <?>, <нрзб.> награде. Он же вам Споручник и Воздатель! Меня же вы обязываете выше меры моего достоинства, обращая внимание ваше на всякое мое предложение, относящееся к сему предмету; даже и снимок руки старца Паисия при самом окончании дела литографируете.

Что мне остается делать? Аще и недостойн есмь, но молит Господа о ниспослании на нас благословения, и да устроит ваше благоденствие и спасение. Судьбы Его нам неисповедимы: Он неведомыми нам судьбами своими содевает наше спасение. На чем и вы, основываясь и предаваясь в волю Божию, успокаивайтесь духом.

---

¹⁰⁸ Имеется в виду П. В. Киреевский. – *Сост.*

¹⁰⁹ Языков. – *Сост.*

¹¹⁰ Переписка И. В. Киреевского и оптинского старца Макария была опубликована ранее в нескольких изданиях: 1) Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1902; 2) Символ. 1987. № 17; 3) Четвериков С. И., протоиерей. Оптина пустынь. Париж, 1988; 4) Иван и Петр Киреевские в русской культуре. Калуга, 2001; 5) Киреевский И. В. Разум на пути к истине. М., 2002; 6) Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Калуга, 2006. – *Сост.*

¹¹¹ Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. – *Сост.*

¹¹² Игумен Никодим (Демутье). – *Сост.*

По вашему же предложению и Ф. А. Голубинский принял наши замечания и дозволил их напечатать в печатках. Что послужит пояснением материй и на будущее время. В предисловии есть некоторые ошибки, но не знаю, можно ли также поправить в печатках, а именно: 1) кончина отца Афанасия Захарова¹¹³ последовала 1825 года, а напечатано: 1823 года, вероятно, в переписках вместо 5 поставлено 3, но я сего не заметил при чтении письменного предисловия; 2) глинский игумен Филарет¹¹⁴ напечатан архимандритом, а он не был им. Об этом я заметил, что он, «кажется, не был архимандритом».

Еще отец игумен¹¹⁵ наш заметил, что из учеников отца Макария Песношевского¹¹⁶ строитель был Дорофей, а напечатано: «Иерофей». О сем я ничего не знаю, и сие прибавлено не нами. Все это отдаем на ваше рассуждение, можно ли сделать какую-нибудь поправку или нет.

Отец игумен благодарит вас за поздравление его с Новым годом и сам вас с оным поздравляет.

Отец Иоанн¹¹⁷ благодарит за хлопоты ваши о его книге¹¹⁸. Он много утешился обещанием Федора Александровича, а незадолго перед сим слышал он, что будто совсем кончена его книга и печать приложена, почему и писал к Федору Александровичу просить о присылке оной, что, думаю, его немало удивило.

Да подаст Господь вам и детям вашим совершенное здравие и покой душевный. С истинным моим почтением остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Александр Петровне¹¹⁹ свидетельствую мое почтение, вам и всем детям посылаю благословение.

* * *

Мещовск. Предположительно, 11 января 1847 года

Вы ничего не пишете, сколько надобно еще денег на издание книги¹²⁰, которые, верно, уже употребили свои, но я просил вас взять оные на счет наш и Кирилла Ивановича Путилова, брата отца игумена. Они вознаграждаются продажей книг, на что мы и отделяем часть оных и для пользы обители. И паки прошу вас не доводить себя до убытку. Возьмите деньги.

А еще просил вашего совета отец игумен и я, как вы думаете назначить какую цену книгам? Цель наша – польза душевная ближним, но из сего и обители может быть польза. Которые деньги пожертвованы через меня, они не нужны к возвращению и для личности моей также не нуждаюсь. Книги беру себе также не для выгоды и не для продажи, а имеется много ко мне усердствующих братьев и сестер и светских, желаю предоставить им для пользы. Прочие же предоставляются отцу игумену в его распоряжение в пользу обители, которых остается 500 с теми, кои должны поступить к архимандриту Игнатию¹²¹ ста экземплярами. Подобные книги продаются по 1 рублю и 1 рублю 50 серебром, но последняя цена кажется велика. С моей сто-

---

¹¹³ Схимонах Афанасий (Захаров). – *Сост.*

¹¹⁴ Игумен Филарет (Данилевский). – *Сост.*

¹¹⁵ Игумен Моисей (Путилов). – *Сост.*

¹¹⁶ Схиархимандрит Макарий (Брюшков). – *Сост.*

¹¹⁷ Вероятно, иеросхимонах Иоанн (Малиновский). – *Сост.*

¹¹⁸ Очевидно, речь идет о цензуре книги «Обличение заблуждения раскольников-перекрещеванцев, с показанием истинного крещения, совершаемого в православной восточной церкви, и о неповторяемости сего таинства» (СПб, 1847), автор которой был оптинский насельник, иеромонах Иоанн (Малиновский). – *Сост.*

¹¹⁹ Александра Петровна Арбенева. – *Сост.*

¹²⁰ Имеется в виду книга «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (М., 1847). – *Сост.*

¹²¹ Вероятно, архимандрит Игнатий (Брянчанинов). – *Сост.*

роны, лучше бы меньшею ценою, но не знаю, как покажется... Я совершенно желал бы устранить это от себя, но так как участвую в сем деле, то невольно должен входить по крайней мере перепискою. Напишите, Бога ради, откровенно, дабы не послужила соблазном большая цена. Ведь мы тут не трудились, а издать <?> труда более. Впрочем, не личная польза, а обители. Это меня затрудняет! На сей же почте пишу и к С. П. Шевыреву, прошу принять от усердия нашу книгу, а его трудов. А вас прошу доставить ему 25 экземпляров книг и прежде писать прошу о том письмецо к Ферапонтову¹²² в книжную лавку.

* * *

8 февраля 1847 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Старание ваше и содействие к второму изданию книги «Житие старца Паисия» и трудов его доставило нам большое душевное утешение, а еще и другие труды его и переводы и исправления по общему нашему желанию имейте в виду к изданию, и когда Господь благословит сие наше предприятие, то много полезного мир приобретет.

Может быть, молитвами старца Паисия Господь возбуждает к сему предприятию, чтобы не остались оные труды его забвенными, в немногих списках хранящимися и малыми пользующимися.

На прошедшей почте я писал к Наталье Петровне¹²³, какие мы предполагаем статьи к напечатанию, а вы еще прибавляете имеющиеся у вас, которые к нашим приобщите; сие пишу, надеясь на ваше к нам расположение.

Конечно, нельзя уже всех в один том поместить, а ежели Варсонофия¹²⁴ печатать, то и еще прибавится.

Очень бы хотелось напечатать его книгу. Об ней упоминает Ф. А. Голубинский в письме к Степану Петровичу¹²⁵, что прислал из Молдавии к Марье Петровне Протасьевой, и, кажется, нельзя сомневаться в том, что не его труд.

Я послал к вам 4-го числа рукопись полууставную святого Марка Подвижника восемь слов, но не знаю, годится ли с оной печатать гражданским шрифтом? Ожидаю уведомления: когда годится, то пришлю и Феодора Студинита такого же письма.

Симеона Нового Богослова 12 слов списаны; когда успею прочесть, – то на сей почте пришлю, а житие¹²⁶ надобно писать. Житие Григория Синаита пишут. Максима «По вопросу и ответу» также пишут; и Симеона Евхаитского тоже. Феогноста¹²⁷ хорошо, когда бы там приказали написать, а когда нет у вас, то здесь напишем. Варсонофия Великого есть у нас книга, писанная четким письмом простым, только под титлами; когда это не помешает, то пришлю оную; извольте уведомить, а списывать продолжительно будет. Симеона Нового Богослова стишную¹²⁸ также надобно списывать. Вот вам отчет о наших книгах.

---

¹²² Андрей Николаевич Ферапонтов. – *Сост.*

¹²³ Наталья Петровна Киреевская. – *Сост.*

¹²⁴ Преподобный Варсонофий Великий. – *Сост.*

¹²⁵ Степан Петрович Шевырев. – *Сост.*

¹²⁶ Речь идет о рукописи Паисия, изданной впоследствии под названием: «Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, описанное преподобнейшим Никитою Стифатом, учеником его...» (М., 1856). – *Сост.*

¹²⁷ Имеется в виду сочинение святого Феогноста «Главы о деянии и видении». – *Сост.*

¹²⁸ Имеются в виду два сочинения в стихах преподобного Симеона Нового Богослова: «О молитве в стихах» и «Книга гимнов о любви и о том, каковы должны быть действия и жизнь духовных людей, стихами ямбическими и анакреотическими». – *Сост.*

Ваше же намерение весьма хорошо в «Толковании на “Отче наш”» святого Максима, но, не касаясь старцева текста, темные только места на выносках пояснить с латинского. А ежели весь перифразис писать, то будет продолжительно и затруднительно. Впрочем, как лучше найдете, да будет на воле вашей.

Из письма Ф. А. Голубинского, кажется, нет ничего такого, что бы могло быть прибавлено, но, что он выставил Якова Дмитриевича¹²⁹ трудившимся в исправлении или переводе «Филокалии», – это, кажется, не мешает. О тайно завезенных отцом Афанасием¹³⁰ статьях, в «Добротолюбии» помещенных, читая, вспомнил, что покойный батюшка отец Афанасий мой часто говаривал, что у старца Паисия много бывало подобных случаев; он, бывало, и поскорбит и скажет: «Да, правда, книги-то хороши. Я сам, когда бы был на их месте, то же бы сделал». Вот какая его была любовь к книгам и снисхождение к немощам человеческим! Портрет старца и снимок с руки и при втором издании, кажется, не будет лишним – то и прикажите оные печатать. Это, может быть, можно и без цензора.

Вы упоминаете о говении в сей пост. А я уже предварил вас моим писанием, что хорошо бы исполнить долг сей. Без всякого отлагательства желаю, чтобы вы освятились сими таинствами спасительными, не встретив никакого препятствия.

Почтеннейшей Наталье Петровне свидетельствую мое почтение, и как ей, так и вам, и детям вашим желаю мира, здравия и благоденствия, и, испрашивая на вас Божие благословение, с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Почтеннейшему Степану Петровичу свидетельствую мое почтение и благодарю за расположение принять труд во втором издании книги.

Отец игумен свидетельствует вам свое почтение.

* * *

Начало 1847 года

<...> Я имею рукопись старца Василия Поляномерульского: сочинение «Вопросительные ответы на разрешение ошаяние возбраненных брашен монашескому вольному обещанию», полагаю, не излишним бы было и оное поместить в нашем издании; прошу меня уведомить, как вы находите сие мнение. Я поручу написать и к вам пришлю.

Предисловие, точно, лучше после печатать; вот уже и есть отзыв о Филарета¹³¹.

Я написал к Наталье Петровне...

* * *

Долбино. 22 июля 1850 года

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Благодарение Господу, я с моим спутником, кончивши наше путешествие, благополучно возвратился в свои пределы¹³²; и теперь нахожусь у Вас в доме. Сердечно сожалею, что

---

¹²⁹ Яков Дмитриевич Никольский. – *Сост.*

¹³⁰ Схимонах Афанасий (Охлопков). – *Сост.*

¹³¹ Игумен Филарет (Данилевский). – *Сост.*

¹³² В мае 1850 года старец Макарий с послушником Иваном Ивановичем Антимоновым, в монастыре Исаакием, впоследствии настоятелем Оптиной пустыни, предпринял двухмесячное паломничество в Киев. По дороге он побывал на поклонении святыням в Воронеже, Белгороде, Курске, Севске, Орле. На обратном пути паломники заехали в Долбино, где в версте от господского дома еще в 1848 году хозяевами была выстроена для старца деревянная келия; по кончине отца Макария она

не застал Вас и Васю¹³³ дома и не мог лично преподать ему недостойное мое благословение с призыванием имени Пресвятыя Троицы; то хоть заочно испрашиваю на него Божие благословение, на вступление ему на поприще образования и прохождению оногo с сохранением душевного благогo устроения и нравственной чистоты.

Да будет он сын Православной нашей соборной и апостольской церкви, питаясь млеком святого ее учения, и достигнет «в меру возраста исполнения христова»¹³⁴. Вас надеюсь видеть при возвращении Вашем в нашей святой обители и изъявить Вам лично мое о Господе к Вам расположение.

О здоровье Натальи Петровны я Вам ничего не пишу, они сами лучше меня к Вам опишут оное, но, слава Богу, что вижу ее в лучшем положении против того, как, говорят, было.

Господь силен даровать ей исцеление.

Желаю Вам и всему Вашему семейству мира, здравия и благополучия и, испрашивая на Вас Божие благословение, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

31 декабря 1850 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Да даст Господь, исполнит <?>, по желанию сердец ваших, окончить мирно и спокойно сей год и встретить благополучно с радостным чувством новый 1851 год, да ниспошлет премилосердный Господь на вас, на детей ваших мир и благословение Свое, и оградит вас благодатию Своею от всех неприятных действий сопротивного, равно и на всех живущих с вами и домочадцах ваших да будет Божие благословение! И на все дела ваши благие и хозяйственные да ниспошлет оное, молю Его благодать!

И поздравляю вас с преддверием Нового года, а когда получите сие письмо, то и со вступлением в оный. Желаю здравствовать! И остаюсь с почтением недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

За поздравление меня с Новым годом и присылку гостинца примите покорнейшую мою благодарность, и за присылку рецепта для лекарства мне, но теперь, благодаря Бога, я не имею в нем нужды, а когда потребуется надобность, не откажусь употребить оное в пользу.

Когда будете писать к Е. А. Буниной, напишите мою благодарность за ее усердие. Получил просфору ею <нрзб.>. Дела ее хоть и кажутся ужасными, но сделают только то, что попустил Бог, а что Он попустит, то, стало быть, должно быть так, по неисповедимым судьбам для спасения ее. Мы оставили вольные труды в нашем подвижничестве, невольными скорбями обучаемся в терпении и приобретаем спасение.

Сколько можно и о своих невольных скорбях подклоните вы свою под великую <...> руку Божию. Александра Петровна¹³⁵, бывши у меня, казалось, познала свою ошибку, что ей представлялось все в превратном виде. Это было, когда, очистив воздух сердца ее от мрачных и знойных <нрзб.> вражиих наветов, и прохладен был росой Божией благодати. А теперь,

---

была перевезена на дачу Белёвского Крестовоздвиженского женского монастыря Тульской губернии. Пробыв в Долбине два дня, отец Макарий и его спутник возвратились в Оптину пустынь 24 июля. – *Сост.*

¹³³ В июле 1850 года старший сын И. В. Киреевского Василий поступил в Санкт-Петербургский императорский Александровский лицей. – *Сост.*

¹³⁴ Еф. 4, 13. – *Сост.*

¹³⁵ Арбенева. – *Сост.*

видно, опять помрачается туманом и облаками сопротивного... Смирение нужно – и опять будет мир! Сердечно желаю об ней и об вас.

Посылаю ей мое недостойное благословение, также Наталье Ивановне¹³⁶ и Настасье Михайловне¹³⁷.

Детям вашим Васе, Сереже, Николе, Саше и Маше посылаю мое благословение.

Посылаю вам всем просфору и 10 яблок антоновских, кушайте на здоровье.

Три часа пополудни.

Отец Сергей¹³⁸ уехал в город, и я не знаю его мысли о Авдотье <?> <нрзб.>, а по мне, одеть обоих¹³⁹.

* * *

29 июля 1852 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

По благословию высокопреосвященнейшего владыки¹⁴⁰, при Божией помощи, первое слово святого Исаака Сирина переправили русский перевод, согласуясь с блаженного старца Паисия переводом. А также и на прочие 40 слов сделали наши замечания, которые теперь переписываются; на будущей почте постараемся оные Вам доставить, а Вас или Наталью Петровну просим представить оные к высокопреосвященнейшему владыке; предварительно прочтите первое слово и, ежели что увидите неправильным, скажите нам, а представления не оставляйте.

Также и в других словах хоть некоторые наши поправки просмотрите и их перевода слог посмотрите.

Сделали начало переводить книгу святого Варсонофия¹⁴¹, в некоторых местах случается не без затруднения, но одно обстоятельство, о котором хочу Вас спросить, для меня недоуменно по незнанию моему правил русской литературы; наши господа ученые¹⁴² утверждают так, а для меня кажется странным – «В вопросах и ответах» почти во всех пишется: «Вопрос тогожде к томужде», или: «К томужде великому старцу», или: «К Иоанну» и после: «К томужде старцу». Таким же образом и ответ пишется: «Тогожде к томужде» и прочее; таких вопросов и ответов есть помногу, по 20, по 50, а Дорофея¹⁴³ более восьмидесяти. Также стоит и в греческой книге¹⁴⁴.

Наши утверждают, что в русском переводе нельзя так оставить, а надобно писать: «Вопрос Иоанна к великому старцу... ответ великого старца Варсонофия к авве Иоанну Миросавскому», при всяком вопросе и ответе именуя вопрошающего и отвечающего.

А иначе, ежели только повторять: «Того же к тому же», – будет нехорошо. А я не знаю, на чем основаться, на их ли знании, или держаться подлинника греческого и славенского?

Прошу Вас в сем недоумении нас разрешить и уведомить, как лучше писать.

---

¹³⁶ Неустановленное лицо. – *Сост.*

¹³⁷ Неустановленное лицо. – *Сост.*

¹³⁸ Неустановленное лицо. – *Сост.*

¹³⁹ Кого имеет в виду отец Макарий, не установлено. – *Сост.*

¹⁴⁰ Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

¹⁴¹ Здесь говорится о книге «Преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников» (М., 1855). – *Сост.*

¹⁴² Работу по переводу со старцем Макарием вели иеромонах Амвросий (Гренков), послушники Лев Кавелин и Иоанн Половцев. – *Сост.*

¹⁴³ Преподобный авва Дорофей. – *Сост.*

¹⁴⁴ На греческом языке книга преподобных Варсонофия и Иоанна была издана в Венеции в 1816 году. – *Сост.*

По написании сего, посетил нас почтеннейший Степан Петрович Шевырев, и я уже более не могу продолжать письма, надобно с ним <нрзб.>, мы говорим <?> о литературе, вместе с ним Амвросий¹⁴⁵, отец Иоанн¹⁴⁶ и Лев Александрович¹⁴⁷.

Примите мое усердное почтение и желание Вам и всему Вашему семейству доброго здравия и благоденствия. Ваш недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Достопочтеннейшая о Господе Наталья Петровна!

На письмо Ваше от 25-го числа не могу пространно писать по причине занятий с Степаном Петровичем¹⁴⁸. Будьте здоровы и спокойны; сего Вам усердно желаю. Недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий. Детям мое благословение и Александре Петровне¹⁴⁹ и А. Карл.¹⁵⁰

* * *

6 августа 1852 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Вручитель сего Болховской купец Василий Николаевич Куркин путешествует на богомолье в Сергиеву лавру; с коим препровождаю к вам рукопись святого Исаака Сирина: 41 слово, полученные мною от высокопреосвященнейшего митрополита Филарета¹⁵¹ для прочтения. Оные нами прочтены, и сделаны замечания по нашему разумению, которые также посылаются. Да еще первое слово его же, исправленное нами в слог по приказанию его высокопреосвященства. Все оное потрудитесь представить на его благоусмотрение.

Не знаем, как покажутся ему наши замечания. Просим Вас, Иван Васильевич, прочитать оные и первое слово, и, ежели что найдете не ловко, потрудитесь нас известить.

Мы имеем сомнение, что вряд ли покажется владыке наше мудрование касательно «разума». Мы во многих случаях полагаем слово же «разум» оставить так, как и в славянском тексте, а в некоторых – «знание», «разумение» и «ведение». Но в русском академическом переводе нигде не назван разум «разумом», а все больше «ведением» или «знанием». Мы справлялись и в других переводах на русском языке: все разум называют «ведением», и потому господа ученые усвоили это слово, так же как и мы «разум». Хорошо, ежели бы Вы потрудились о сем предложить высокопреосвященнейшему и узнать о сем его мнение.

Ежели бы случилось, что угодно было владыке поручить всю книгу нашему скудоумию, то должно признать, что превосходит наш разум и понятие дело сие: если такие трудные и темные места, что находимся в большом недоумении, какой смысл дать некоторым словам, и даже материям. Они переводили буквально, но, кажется, это недостаточно по темноте смысла, и когда уж падет жребий сей на нас, то надобно всю книгу, переведенную ими, иметь, и греческую¹⁵², то как-нибудь с Божией помощью за послушание решимся дерзать на сие столь важное дело.

---

¹⁴⁵ Возможно, имеется в виду иеромонах Амвросий (Гренков). – *Сост.*

¹⁴⁶ Послушник Иоанн Андреевич Половцев, в монашестве Ювеналий. – *Сост.*

¹⁴⁷ Послушник Лев Александрович Кавелин, в монашестве Леонид. – *Сост.*

¹⁴⁸ Шевырев. – *Сост.*

¹⁴⁹ Арбенева. – *Сост.*

¹⁵⁰ Возможно, речь идет о гувернантке детей И. В. и Н. П. Киреевских. – *Сост.*

¹⁵¹ Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

¹⁵² По указанию митрополита Филарета (Дроздова) из библиотеки Московской Духовной академии в Оптину пустынь было прислано издание творений преподобного Исаака Сирина на греческом языке. – *Сост.*

Заметьте: в 17-м слове, в конце оногo, есть о устройении видимого мира; написано по древней системе птолемейской, то нынешние читатели, убежденные в системе Коперника, подвергнут критике такое мнение и могут порочить все учение. Кажется, надо <?> или объяснить сие место, или совсем оставить. Еще в этом же 17-м слове, на 28-м листе, на обороте с 16-й строки по 20-ю, материя не так понятная. Прошу Вас, вникните и уразумейте и скажите Ваше мнение о сем. Я сам не осмелился писать к высокопреосвященнейшему митрополиту, но, не знаю, не худо ли это я сделал? Напишите мне о сем, и тогда могу написать. Прилагаем при сем листочки – потрудитесь вложить в книги и передать тем лицам, оные назначены в посланиях настоятеля.

Васе вашему да благословит Господь путь благий и правый в Санкт-Петербург по дороге и нравственный – учения. Остаюсь желателем вашего здоровья и спасения многогрешный иеромонах Макарий, недостойный богомолец. Испрашиваю на всех вас Божие благословение и поздравляю с нынешним праздником¹⁵³.

* * *

После 6 августа 1852 года

<...> Я вздумал лучше написать письмо к преосвященному¹⁵⁴, которое при сем прилагается, прочтите и запечатайте, доставьте с рукописями. И. М.

* * *

8 августа 1852 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Вы не дали мне настоящего решения на вопрос мой о повторении в вопросах и ответах в книге святого Варсонофия Великого, и, конечно, не от незнания литературы, а от смирения Вашего. И понадеялись, что мы спросим о сем Степана Петровича Шевырева. А мы, написавши Вам, не стали уже его о сем спрашивать. Говорили о «разуме», который переводят «ведение», «знание»; он с нами согласен, но, во всяком случае, можно переводить так. В 25-м слове святого Исаака написано: 'Пять тысяч лет <нрзд.> управляху миром образа разума'. А в русском переводе: 'Разные виды знания управляют миром. А разуму и места нет'. А он, кажется, господственный над знанием и ведением есть. Не знаю, как в этом с ними помириться?

Вы теперь, верно, уже получили и просмотрели наше поправление 1-го слова святого Исаака и замечания на 41 слово.

За верность рукописи святого Григория Паламы я не ручаюсь; хотя это и нехорошо, но, может быть, цензор сделает нам снисхождение и поправит с греческого текста.

Лексикона греческого мы еще не получили, ожидаем ныне или завтра приезда монахинь. Не знаем, какой Касовичев¹⁵⁵, только нам нужен Греко-русский. По испытании Вас уведомим, оставим ли оный или попросим о другом.

Переводы из «Добротолубия» на русский язык приятно видеть и сличить с славянским. Но лично Вам известно, что в издании «Христианского чтения»¹⁵⁶ немало помещено из «Доб-

---

¹⁵³ Праздник Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. – *Сост.*

¹⁵⁴ Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

¹⁵⁵ Речь идет о Греко-русском словаре, изданном иждивением департамента народного просвещения (М., 1848). Словарь был составлен братьями Коссовичами (Игнатием Андреевичем и Каэтаном Андреевичем). – *Сост.*

¹⁵⁶ «Христианское чтение» – журнал Санкт-Петербургской Духовной академии. Журнал выходил ежемесячно в 1821–

роголюбия» отеческих писаний; может быть, и переводивший имеющиеся у Вас слова имел также и оные в виду. Присланный Вам <?> реестр по указателю выписанных <?> мест <?> есть в «Христианском чтении».

Испрашивая на Вас и на все семейство Ваше мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Девятого августа, вчера вечером, приехали наши монахини, привезли нам драгоценный подарок: книгу святого Варсонофия. Спаси Вас Господи за содействие в сем важном труде и великом деле.

Лексикон получили, и, кажется, будет сподобен к нашему делу, но еще не совсем рассмотрел; тогда напишем Вам, нужно ли будет из Саратова выписывать или нет.

* * *

18 августа 1852 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Получил письмо Ваше от 12 августа, не отвечал на оное, ожидая еще письма Вашего, после того как Вы будете у митрополита с рукописями и какой услышите от него ответ и мнение о наших недоразумениях; но как это отдалилось по неудобству быть у него, то я исполню долг мой, приношу Вам покорнейшую мою благодарность за труд Ваш и сообщенное нам Ваше мнение о русском переводе первого слова святого Исаака. Я согласен с Вами, что перевод старца Паисия гораздо превосходнее во всем против русского; и, собственно, для моего понятия не надобно другого, хоть иногда и не все доступно до скудного моего ума, но для читателей, вообще и особо не расположенных к словесному наречию, трудно уразумевать многое, а внимательно вникнуть в смысл материи трудно их принудить. Словенское наречие часто заключает в себе что-то великое, высокое и таинственное, а на русском языке никак нельзя выразить вполне, так как и приведенные Вами <нрзб.> слов: 'Разсыпается от сладости Божия' – нам оные очень понятные, но оставить оные так, как есть, мы опасались; надобно и другое слово, Вами приведенное. И я, с своей стороны, согласен бы был во многих случаях оставлять словенские слова, выражающие высокий смысл, нежели изыскивать какие-нибудь русские <нрзб.> и натяжные слова, вполне не соответствующие понятию слова; но то, что книга переводится на русский язык, заставляет иногда уступить необходимости. К тому же должен сказать, что я не знаток русской литературы, но сотрудники мои [66] более занимались оною, то иногда и должен уступить, чтобы не наделать ставок словенских в русский перевод, в чем они находят недостаток <?>. Подобно о вопросах 'тогожде к томужде'. Я находил возможным и близким к подлиннику так писать, но, по их разумению, нужно было и имена повторить; в чем, однако же, я ни себе, ни им не доверил, пока получил через Наталью Петровну от митрополита утверждение.

Надеюсь, что Вы сообщите нам мнение владыки о некоторых выражениях, неправильно нами написанных; и о прочем Ваше рассуждение, равно и о положении Земли¹⁵⁷ как он изволит сказать.

Благодарю Вас за сообщение нам решения старца отца Филарета о слове: 'Дондеже достигнут к единству великаго онаго и сильнаго паче всех, главы сущаго и основания всея твари. Главу же глаголю не Творца, но начальника чудес дел Божиих'. Мы также относили это к какому высшему существу, но по темноте было недоразуменно; так должно, видно, и

1917 годах. – *Сост.*

¹⁵⁷ См. письмо иеромонаха Макария от 6 августа 1852 года. – *Сост.*

оставаться: прояснить трудно. Но вопрос мой был к Вам потому более, что в книге святого Исаака Сирина покойного отца Леонида¹⁵⁸, доставшейся ему от отца Феодора¹⁵⁹, в конце оной есть толкование на некоторые неудоборазумеваемые места, в том числе и на это место, как увидите из приложенной выписки¹⁶⁰: там относится сие к Иисусу Христу, что нам показалось сомнительно, и как будто неравенство в Святой Троице. Но кем составлены оные толкования, неизвестно, и самую эту статью нельзя принять за истинную. Мы будем уверены, что эти слова только относятся к Михаилу Архангелу, но прояснить оные трудно: не на чем основаться и не нашего ума. Видно, так и оставить. Бог силен подать вразумление в простоте сердца ищущим истины. Желая Вам и всему Вашему семейству мира, здравия и благоденствия, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

10 февраля 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Приятно было для меня прочесть в письме Вашем христианскую веру и чувство, что Вы о Васином благоустройстве и помиловании его возлагаете на Господа, прося вынимать части¹⁶¹ о здравии его на проскомидии. Это постараюсь в точности исполнить, хотя и поминаю его вместе с Вами и другими детьми Вашими, но теперь особенно. 'По вере вашей да будет вам'¹⁶².

Милостив Господь. Он сохранит его, а что Вы долго не имеете о нем известий, то это, может быть, произошло или от суеты и беспокойств каких-нибудь, или письма не были доставлены на почту.

Спаси Вас Господи, что приняли напоминание мое с любовью, от которой оно и произошло. Надеюсь, что от занятия Вашего в писании будет польза, чего усердно желаю.

И, испрашивая на Вас и на других детей Ваших Божие благословение, с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

7 марта 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Сего дня вы удостоились семейно быть причастниками Пречистых и Животворящих Таин Христовых, с чем примите мое усердное поздравление и желание: да будет вам Причастие сие во оставление грехов в здравие души и тела и в сохранение и соблюдение мира семейного, о чем аще и грешен есмь, но дерзаю молить премилосердного Господа.

---

¹⁵⁸ Иеромонах Леонид, в схиме Лев (Наголкин). – *Сост.*

¹⁵⁹ Схимонах Феодор (Перехватов). – *Сост.*

¹⁶⁰ Главу, и основание, и Предводителя чудес дел Божиих глаголет Иисуса Христа. Той бо есть глава всякому началу и власти и камень краеуголен, избран, честен (Кол. 2, 10; <1 Пет. 2, 6>). И лежащее основание, паче его же никтоже иначе может положить (<ср.:> 1 Кор. 3, 11). Им же небеса утвердишася (Пс. 32, 6) и веки сотворишася (<ср.:> Евр. 1, 2). И великая и чудная соделашася, но божественный Дионисий глаголет (во главе 3 <неточность: глава 7, § 2> «О Небесном священноначалии»): «Иисусова же приобщения такожде удостоенная, не во образах священнозданных, зрчна воображающих Богодейственное уподобление, но, яко воистину Тому приближающаяся, в первом причастии разума Богодельных Его светов». – *Сост.*

¹⁶¹ См.: Наст. изд. Т. 3. Письмо И. В. Киреевского от 6 февраля 1853 года. – *Сост.*

¹⁶² Мф. 9, 29. – *Сост.*

Почтеннейшие письма ваши от 3 марта я получил, на оные пишу всем вкупе по малости времени, надеясь, что не взыщете с меня.

Описанные вами неприятности принимаю с участием о вас; избыть от оных сердечно желаю; да даст Господь вам по вере вашей спокойствие. Он силен подать вам и средства к устранению сих стрел и козней вражних. Мне все подробности известны, и я, сколько мог, писал о сем, но, видно, еще надобно продолжиться испытанию. Жаль и ее, бедную Александру Петровну, что она допустила до сердца своего вражии советы и, предавшись им, себя и других лишает покою. Где идет дело по Бозе, там водворится мир и тишина, а где вмешается враг, там смущение и ропот и всякого рода беспокойство; из сего бы можно признать, что ревность ее <нрзб.>, а не истинная. Помози Господи прийти в разум истины и успокоиться. Об Васе возложите упование на Господа, Он силен его сохранить, а смущением вы только себе вредите, как довольно испытали.

Желаю вам и всем детям вашим быть здоровыми и благополучными. Испрашиваю на всех вас Божие благословение, с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Детям вашим посылаю недостойное мое благословение и всем окружающим вас. Экстра еще не получена, посылаю на почту.

* * *

12 мая 1853 года

Христос Воскресе!

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Ваше мнение справедливо об Александре Петровне, что она не имеет никакой причины скорбеть на Наталью Петровну за <нрзб.> худое с нею обращение, и отхождение ее от вас для нее будет несчастье, а для Натальи Петровны – неприятная слава.

Явно, от чего это в ней происходит: от действия страстей, – а что должно с оными бороться и не поработаться ими, она или понятия не имеет, или не хочет; а более можно сказать: всякая страсть помрачает наш ум и ослепляет сердечные очи. Страсть гордости и самолюбия – а от них зависит и рвение – взяли над нею верх, а враг старается представить ей вещи в другом виде, с чем она и соглашается и не может иметь спокойствия, пока не сознает себя виновною и не смирится.

‘Бог на смиренные призирает и дарует им покой, а гордым противляется’¹⁶³, и ее смущение есть для нее наказание Божие, а между тем и для вас невыносимо тяжело.

Дай Бог, чтобы она познала свою ошибку и немощь, тогда совсем бы иначе видела вещи.

Но если уж необходимо и упорно вздумает отойти от вас, то пусть испытает, тогда, может быть, и раскается; а Наталье Петровне не надобно беспокоиться шумом пустых слов, когда совесть ее в сем спокойна. Помолимся Господу, да будет воля Его во всем. Испрашивая на всех вас Божие благословение, с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Пустой шум ложных слов Наталье Петровне не может причинить столько вреда, сколько ежедневные споры расстройкой ее здоровья.

---

¹⁶³ Ср.: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (Иак. 4, 6; ср.: Пет. 5, 5). – *Сост.*

* * *

30 мая 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

С сердечным удовольствием имею честь поздравить Вас со днем вашего Ангела¹⁶⁴, надеюсь, что получите мои строки в самый день сего торжества. Желая, чтобы Вы встретили и проводили день сей с душевною радостью в кругу любимого Вами и любящего Вас семейства, супруги и детей Ваших. И впредь на многие лета да сподобит Господь Вас провождать день сей в добром здравии и благоденствии.

В письме Александра Николаевича Норова¹⁶⁵ читал благоволение его к монашеству и расположение побывать в нашей обители; всем сим мы обязаны Вашей рекомендации. Спаси Вас Господи!

Полагаю, отец Иоанн к Вам возвратился¹⁶⁶ и паки пользуется Вашим милостивым расположением. За что примите нашу всепокорнейшую благодарность. Испрашивая на Вас и на все Ваше семейство мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомolec многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

13 июня 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Сегодня получил я последнее письмо Натальи Петровны, посланное с отцом Иоанном¹⁶⁷, и немедленно отвечаю на оное Вам, потому что не надеюсь, чтобы письмо сие застало супругу Вашу в Москве¹⁶⁸. Господь да сохранит ее в пути и да возвратит ее в добром здравии. Несмотря на недостойность наше, молим о сем Его благодать и уповаем на великую милость Господню.

Путешественники наши, отец Иоанн и отец Иаков¹⁶⁹, возвратились вчера в 11 часов ночи. Слава Богу, что они кончили свое странствование благополучно.

А Вас и почтеннейшую Наталью Петровну много, много благодарю за то, что успокаивали и утешали наших собратий вашею любовью о Христе. Господь да утешит и вас Своею милостию.

Извините, что не своею рукою пишу; желал тотчас же по получении письма ответить, а не имею возможности, сегодня и за перо почти не брался: у нас гостят преосвященный Смарагд¹⁷⁰, и я должен был провести с ним целый день, пришел из монастыря уже после обеда, и, признаться, очень утомленный.

---

¹⁶⁴ 2 июня, день памяти великомученика Иоанна Нового, Сочавского. – *Сост.*

¹⁶⁵ Вероятно, описка отца Макария. Имеется в виду Евгений Николаевич Норов, немало сделавший для передачи в пользование Оптиной пустыни прилегающих к ней казенных земель, так называемой пустоши Прость с тремя озерами и дубовой рощей. – *Сост.*

¹⁶⁶ Речь идет о послушнике Иоанне Половцеве, видимо, остановившемся в это время в московском доме И. В. Киреевского. – *Сост.*

¹⁶⁷ Послушник Иоанн Половцев. – *Сост.*

¹⁶⁸ Н. П. Киреевская отправилась из Москвы в Тихвин 10-го или 11 июня. – *Сост.*

¹⁶⁹ Неустановленное лицо. – *Сост.*

¹⁷⁰ Архиепископ Орловский и Севский Смарагд (Крыжановский). – *Сост.*

Испрашивая на всех вас мир и благословение Божие, с почтением остаюсь желатель вашего здоровья и спасения и недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Простите, что сам не пишу, довольно утомлен. Когда приедет Наталья Петровна, скажите ей мое почтение. Детям вашим посылаю мое благословение.

Р. С. Не имея возможности писать к душевно уважаемому Ивану Васильевичу (по чрезвычайному недосугу), прошу его принять выражение моей признательности и любви о Господе. Многогрешный монах Иоанн.

* * *

6 октября 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Очень знаю, как тяжело для Вас избрание людей к отдаче в рекруты. И кажется, участь ближнего от Вас зависит, а Вам жаль и того и другого; а дело необходимое. Но мне кажется, в этом случае действует Промысл Божий, и когда падает на кого жребий, каким бы то ни было образом, то есть тут перст Божий, указующий ему путь сей. А как Вы затрудняетесь тем, как бы не погрешить в назначении сем и не расстроить бы семейств, то Господь видит Ваше таковое произволение. Конечно, не попустит сему быть, но устроит так, как Его воле угодно, а паче когда Вы в сем недоумении прибегнете к Нему, прося вразумления.

Не смущайтесь, но успокаивайте себя, предавая дело сего назначения Промыслу Божию.

Мир, здоровье и благоденствие Вам и всему Вашему семейству желаю и с почтением остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

28 ноября 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Примите покорнейшую мою благодарность за поздравление меня со днем рождения и Ангела моего. Все Ваши благожелания мне происходят от любви и усердия Вашего к моей худости. Спаси Вас Господь!

Скорбь Ваша о Васе, конечно, уважительна, и больно для родителей слышать такое неприятное известие о сыне, но, может быть, оные и преувеличиваются и Вам наносят беспокойство. Вы желали его образовать в одном из лучших заведений для юношества, так и сделали со многим попечением и беспокойством; может быть, и оправдаются Ваши о нем заботы помощью Божиею и заступлением Матери Божией. Вы опасаетесь, что от такого с ним обращения может измениться его характер и в 2 1/2 года от Вас отдалится совершенно и испортится с своими товарищами. Дай Бог, чтобы этого не случилось, но ежели есть какое-либо средство к отвращению от сего, то надобно вообще с Натальей Петровной обдумать и обсудить и, помолясь Богу, предпринять.

Вы упоминаете о самолюбии, что они стараются развить оное в нем и потому оное оскорбляют. Горе нам, что хотим созидать прочное и великое здание на гнилом фундаменте, добрую нравственность на самолюбии! 'Мнящая бытии мудр, объюродша'¹⁷¹. Тогда как Господь основывает оное на любви и смирении. Есть ли тут место самолюбию.

---

¹⁷¹ Ср.: Глаголющися быти мудри, объюродеша (Рим. 1, 22). – *Сост.*

Посылаю Вам стихи, написанные <?> на войну¹⁷², которые Лев Александрович посылал в Петербург к своему знакомому; и какой получил от него об оных отзыв, равно и взгляд на действие войны; выписку из письма одного прилагаю для любопытства и соображения.

Все это состоит в руке Божией; надо молиться и оставить излишние забавы и увеселения, о коих выразился высокопреосвященнейший митрополит¹⁷³.

Испрашивая на Вас Божие благословение и желая Вам доброго здоровья и спокойствия, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

27 апреля 1854 года

Христос Воскресе!

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Сердечно сожалею о случившейся в доме Вашем неприятности; через пропажу у соседа подозрение падало на Ваших людей, но Вы пишете, что по исследовании или спросе квартального они оказались невинными. Дай Бог, чтобы это так и было, но в таком случае немудрено и затаиться в чьем-нибудь сердце виновность при слабом вопросе. Кто <?> велит <?> сказать, что виноват; иногда надобно употребить несколько и строгости наружной, а когда вина сокрыта, тогда подает повод к другим винам – тяжче первой – и от одного к другому, как зараза, распространяется. ‘Милость и суд воспеваает Давид Господу’¹⁷⁴; нужно и то и другое. Но я не могу законополагать, а только изъявляю мое сожаление и желаю, да подаст Господь вам всем мир, здравие и спокойствие, и с почтением моим остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

25 мая 1853 года

М.с.о.н. Г.И.Х.С.Б.п.н.¹⁷⁵

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Поздравляю Вас, Иван Васильевич, с днем Вашего Ангела, желаю, чтобы предстательством его у Господа Он даровал Вам здравие и все благое ко спасению Вашему, а Наталью Петровну и детей поздравляю с дорогим именинником, желая всем вам радоваться вкупе о Господе. Последнее письмо ваше получил в воскресенье и в тот же день писал к вам с Константином Карловичем¹⁷⁶; через несколько же часов после его отъезда прибыла и ваша подвода с книгами: в четырех коробах – 315 книг¹⁷⁷; все доставлено в великой исправности, за что также приношу вам усерднейшую благодарность; также получил и две книжечки в конверте с надписью на мое имя от ростовского архимандрита отца Поликарпа; я не имею чести его знать лично и потому прошу вас уведомить меня, каким образом они дошли до вас; думаю, надобно будет благодарить его за внимание. Как-то Ваше здоровье, почтенная Наталья Петровна? А я

---

¹⁷² Возможно, речь идет о стихах, посвященных победе русской эскадры под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в Синопском сражении 18 ноября 1853 года. – *Сост.*

¹⁷³ Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

¹⁷⁴ Ср.: Милость и суд воспою Тебе, Господи (Пс. 100, 1). – *Сост.*

¹⁷⁵ Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. – *Сост.*

¹⁷⁶ Карл Густав Адольф Зедеггольм. – *Сост.*

¹⁷⁷ Можно предположить, что речь идет о доставке тиража книги «Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским» (М., 1854). – *Сост.*

при отъезде Константина Карловича несколько занемог, но на другой день после обеда совсем поправился, слава Богу. Испрашивая на всех вас и детей ваших мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

Почтенный Иван Васильевич, простите, что я особенно не пишу к Вам, заезжих много, их почтить пора, и во многом уже редко кому пишу. Предваряю Вас поздравлением потому, что почта иногда опаздывает.

* * *

1 июня 1854 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

В письме Вашем от 28 мая Вы просите меня благословить Вас на возобновление курения табаку, изъясняя, что находите это для себя необходимым. Признаюсь откровенно, что я не извещаюсь сердцем дать Вам на сие утвердительный ответ, а сказать противное своему убеждению значило бы действовать пристрастно для того, чтоб сделать Вам угодное, конечно, от меня не потребуете.

Когда Вы в течение двух лет при помощи Божией воздерживались от курения, то, конечно, Господь силен поддержать Вас и впредь, а при возвращении к прежней привычке легко и нечувствительно впасть в излишество. Паки повторяю Вам предложение переговорить о сем с владыкою¹⁷⁸. Если же Вы совеститесь говорить о сем с владыкою и находите сие необходимым для Вашего здоровья, то посоветуйтесь с господином Пфёлем¹⁷⁹ и действуйте по его указаниям. Я не могу Вам препятствовать в этом.

Испрашивая на Вас мир и благословение Божие, с почтением остаюсь усердный желатель Вашего здравия и спасения и недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий. Завтра день Вашего Ангела, и паки поздравляем Вас с преддверием оногo.

* * *

26 июня 1854 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Как больно для меня, что нанес Вам скорбь письмом моим, касательно курения Вам табаку, и еще более то, что при всех Ваших доводах и представлениях о необходимости оной для Вас я не могу дать Вам премного просимого от меня благословения.

Вникните в мое положение: где можно найти, в каких проповедях или книгах, чтобы духовному лицу давать благословение на сие действие? Употребление табаку (как курить, так и нюхать) вошло произвольно и во многих обратилось чрез навык в страсть. Всякого рода пища и питье имеет свои назначенные времена, укрепляющая <?> тело, совокупленное крепким союзом с душою; благословляется от Церкви и от пастырей ее, и своевременно на оную дать благословение, без всякого сомнения, можно. А на табак я не могу дать благословения, как Вам угодно. Хоть Вам покажется это грубо или глупо, но я должен лучше это перенести, чем <нрзб.> go against your conscience¹⁸⁰? – впрочем, я не могу никому ни воспретить, ни судить

---

¹⁷⁸ Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

¹⁷⁹ Карл Карлович Пфэль. – *Сост.*

¹⁸⁰ Пойти против совести (*англ.*). – *Сост.*

за употребление оного, всяк имеет свою волю и разум, и Вас в оной не порицаю. Когда Вы находите пользу в оном по своему разуму и произволению, можете и исполнять, Вы не связаны, как сами говорите. Я же, с своей стороны, не могу Вам дать прямого благословения на курение табаку, но на все полезное для Вас и не противное Богу призываю на Вас Божие благословение, да благословит Вас Господь.

Примите истинное уверение в моем усердии к Вам о Господе и желании Вам всякого блага, здоровья и благоденствия, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

4 августа 1854 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Сердечно радуюсь духовной радости Вашей о Приобщении Святых Таин и молю Господа, да продлит Он над Вами милость Свою и да сохранит Вас от всюду простертых сетей врага. Вы, верно, помните, что сказано великому Антонию о сих сетях – смирение минует их и «ниже прикасаются ему»¹⁸¹. Старайтесь стяжать сие неценное сокровище смиренномудрия, и Господь подаст Вам благодать Свою, 'немогущая врачующую и несовершенная восполняющую'.

Испрашивая на Вас и на все семейство Ваше мир и благословение Господне, и остаюсь желатель Вашего здравия и спасения недостойный богомолец Ваш многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

9 ноября 1854 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Примите мою усердную благодарность за письмо Ваше и ходатайство перед владыкою¹⁸² об издании наших книг. Мы совершенно согласны с мнением архипастыря, что «лучше ограничиться» изданием «немногого явно полезного». Уже не в первый раз слышим мы подобные отзывы его. Владыка почти то же самое говорил и прежде, а теперь, при повторении сих слов, надобно постараться исполнить их на деле. Главы Каллиста Антиликуды действительно малопонятны, и с ними, кажется, надобно будет поступить так же, как и со стихною книгою святого Симеона Нового Богослова. Что же касается до Фалассия Ливийского, – мы готовы исполнить приказание владыки и постараемся заняться сею рукописью, как только будем иметь возможность. О сотницах святого Максима писал я Наталии Петровне с прошедшею почтою, и Вы, конечно, уже знаете мое мнение, а теперь оно еще более подтверждается словами владыки, и мы будем уже касаться этого предмета, помня изречение владыки о «явно полезном».

Книгу Вашу пришлем.

---

¹⁸¹ Во втором поучении аввы Дорофея читаем: «Когда святой Антоний увидел распростертыми все сети диавола и, вздохнув, спросил Бога: “Кто же избегает их?”, то отвечал ему Бог: “Смирение избегает их”, а что еще более удивительно, – присовокупил: “Они даже и не прикасаются ему”» (Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка). – *Сост.*

¹⁸² Митрополит Филарет (Дроздов). – *Сост.*

Молю Господа, да благословит Он Вас и все Ваше семейство, и, желая Вам мира, здоровья и спасения, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

4 января 1855 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Благодарю Вас за поздравление меня с Новым годом, и я с моей стороны уже имел честь поздравить Вас вкупе с Натальей Петровной в прошедшем письме. Общие наши желания и молитва к Богу да ниспошлет всему православному миру освобождение от бед и страданий и дарует мир и благоденствие Отечеству нашему и всему христианству. От Бога вся возможны, но при всем Его милосердии и человеколюбии, видно, правосудие побудило поднять жезл к наказанию детей непокорных и жестокосердных; ибо и в самом Его наказании действует отеческая Его любовь, чтобы здешним злостраданием избавить вечного наказания, а других привести в разум истинный и в чувство <нрзб.>, сколько удаляются по стремнинам <нрзб.> неверия и вольномыслия, уклоняются в чувственность и презрение заповедей Божиих и постановлений Святой Православной Церкви, а покаяние человеческое и молитвы <нрзб.> могут исходатайствовать милость у Господа. Священная история Ветхого и Нового Завета много нам представляет сему примеров, да и в наши времена ясно видим, как Бог наказует нас и вкупе милует: 812-го года кампания – нашими ли силами получено одоление? Бог послал мраз лют, и ополчения сильных не могли постоять. Ныне же противоположная мразу теплая и сырая погода изнурила неприятельские силы, и Севастополь доселе сохранил, не взят¹⁸³, силою Божиею, а не человеческою покрывает. И все искусства и ухищрения неприятельские ничего не имели. Кто послал такую бурю на Черном море, которой и сторожилы не запомнят? Кто сохранил Соловецкую обитель¹⁸⁴? И камчатский порт¹⁸⁵? Все это действовала сила Божия, и кто может исчислить и <нрзб.> силы Его, и могущество! И даже Господь силен даровать победу и одоление на врагов и показать силу их суетну и ничтожну – токмо мы да не престанем прибегать к Нему с покаянием, исправлением себя и молитвою. Он говорит через пророка: ‘Обратитесь ко Мне, и обращусь к вам!’¹⁸⁶. Когда мы, чада Православной Церкви, будем хранить свет и чистоту ее учения незыблемо и неуклонно, исполнять заповеди Божии, тогда мрак западного ложного учения не может постоять против истинного и померкнувшая луна совсем сойдет с горизонта мира. ‘Господи, буди воля Твоя на нас, якоже уповахом на Тя’¹⁸⁷. Слова сии произведены известно кем. Да будем и мы уповать на милость Божию.

Вы пишете, что Вас тревожит здоровье Натальи Петровны, которая более и более худеет и страдает грудью и прочее. Об этом и я много соболезную и сострадаю Вам. Если примете мой совет, то, прошу Вас, делайте облегчение ей в заботах и попечениях домашних и почаще находите с нею, занимайте ее разговорами, разделяйте с нею приятное и печальное – Вы вскоре увидите в ней большую перемену. Я знаю, что заботы, дела и попечения – все лежат на ней одной, а при оных сколько бывает неудобств и скорбей, и все это ложится на сердце ее

---

¹⁸³ Оборона Севастополя продолжалась с сентября 1854 по сентябрь 1855 года. – *Сост.*

¹⁸⁴ Соловецкий Зосимо-Савватиев монастырь Архангельской губернии подвергся бомбардировке английского флота 5 и 6 июля 1854 года. – *Сост.*

¹⁸⁵ Петропавловский порт на Камчатке 17–24 августа 1854 года подвергся нападению английской эскадры, втрое превосходившей силы русского гарнизона. – *Сост.*

¹⁸⁶ Мал. 3, 7. – *Сост.*

¹⁸⁷ Ср.: Пс. 32, 22. – *Сост.*

грустным тяжелым камнем; простите меня, что я так смело выразился, но от истинного моего к Вам расположения и усердия.

Отец архимандрит наш¹⁸⁸ и отец игумен Антоний¹⁸⁹ благодарят Вас за память и изъявляют почтение; также и прочие наши братья. Испрашивая на Вас и на всех детей Ваших мир и благословение Божие, с почтением моим остаюсь недостойный богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

29 марта 1855 года

Христос Воскресе!

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Оба письма Ваши я получил и благодарю Вас за поздравление меня с великим праздником. Надеюсь, что Вы уже получили и мое поздравление в письме к Наталии Петровне.

Господь да поможет побеседовать с Васею о полезном для него и да подаст семени слов Ваших благое произрастание и плод – исполнения.

На первое письмо Ваше, в коем Вы пишете о прибавлении к «Указанию» на святого Варсонофия, мне уже теперь нечего отвечать, потому что «Указатель» получен Вами от отца инспектора¹⁹⁰ и всякое прибавление еще более затруднит и без того уже соскучившегося цензора, но я хотел сказать Вам касательно молитвы Иисусовой и ее древности, что о сем довольно ясно изложено в «Свитке старца Паисия об умной молитве»¹⁹¹. Там желающие могут найти доказательства древности сего рода молитвы и видеть ее разделение, постепенность и условия, необходимые для ее прохождения. А в «Указателе» на святого Варсонофия, кажется, удобно будет это прибавлять, тем более что у святого Варсонофия нет полного учения о делании сей священной и освящающей сердце молитвы.

Отцу архимандриту¹⁹² и отцу игумену Антонию¹⁹³ я передал Ваши поздравления. Они благодарят Вас за память и взаимно усерднейше поздравляют; также и братья наши, поименованные Вами, свидетельствуют Вам свое почтение и приносят Вам искренние поздравления с текущим святым Праздником. Испрашиваю на Вас и на все семейство Ваше мир и благополучие Божие и остаюсь желающим Вам здравия, благоденствия и спасения недостойный богомолец Ваш многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

2 сентября 1855 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейшая о Господе Наталья Петровна!

Оба письма Ваши от 29-го и 30-го я получил и спешу отвечать Вам с встретившеюся оказиею. Слава Богу, что Вы здоровы и Иван Васильевич чувствует себя лучше. Желаю Вам и всем детям вашим наслаждаться полным здоровьем и миром душевным. Поездку Ал. Карл.¹⁹⁴

---

¹⁸⁸ Игумен Моисей (Путилов). – *Сост.*

¹⁸⁹ Игумен Антоний (Путилов). – *Сост.*

¹⁹⁰ Имеется в виду архимандрит Сергей (Ляпидевский). – *Сост.*

¹⁹¹ В книге «Житие и писания старца Паисия». – *Сост.*

¹⁹² Игумен Моисей (Путилов). – *Сост.*

¹⁹³ Игумен Антоний (Путилов). – *Сост.*

¹⁹⁴ Карл Густав Адольф Зедеггольм. – *Сост.*

да благословит Господь. О неурожае в деревне Вашей сердечно сожалею. Что делать! Верно, так надобно этому быть. Господь все делает к лучшему, мы должны покориться Его святой воле.

Испрашиваю на Вас, Ивана Васильевича и всех детей ваших мир и благословение Божие и остаюсь недостойный богомолец Ваш многогрешный иеромонах Макарий.

Посылаю Вам письмо отца инспектора Архимандрита Сергия¹⁹⁵. Мы посылали к нему в августе рукопись Фалассия.

* * *

8 часов вечера

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич!

Благодарю Вас за полученную мною книгу Хомякова. Прошу Вас поблагодарить от меня и господина Кошелева, если будете писать ему, а ежели он скоро приедет в нашу обитель, то желание Ваше будет исполнено: мы известим Вас немедленно о его прибытии.

Простите, что по чрезвычайной поспешности и крайнему недостатку времени пишу Вам так мало.

Мир Божий да будет с Вами и милосердие Его да оградит Вас от всего скорбного. Молю о сем Его благость и остаюсь с почтением моим недостойный богомолец Ваш многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

21 сентября 1855 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Благодарю Вас за сообщение мне письма отца архимандрита Сергия и возвращаю Вам оное. Прошу Вас вместе с тем сделать примечание к изданному месту глав преподобного Фалассия и послать оное отцу инспектору при Вашем ответе на его письмо, а копию с примечаниями потрудитесь прислать нам. Кажется, надобно указать на то место святого Иоанна Дамаскина, которое Вы мне выписали, и прибавить к этому немного, что Вы находите нужным, также и выписанные отцом инспектором слова святого Иоанна Дамаскина. Когда буду просматривать перевод господина Филиппова, то обращу внимание на предлагаемое Вами изменение слова 'вождеделение' на слово 'влечение'.

Я уже писал Наталии Петровне о поваре и Вам скажу также, что очень сомневаюсь, он ли подмешал что-нибудь в кушанье? Ведь он знал уже наперед, что вся вина обрушится на него, и потому должен был предвидеть себе строгое наказание. Легко может быть, что и другой кто-нибудь это сделал, надеясь быть неузнанным. Господь знает, кто виноват, но, во всяком случае, надобно обратить внимание на прошедшую жизнь Димитрия, и если он прежде отмечался злонамеренностью и тому подобными дурными качествами, то мог решиться и на такое действие, а потому его нельзя оставить без наказания, особенно для примера другим. Господь да вразумит Вас исследовать это дело и воздать заслужившему то, что он заслужил, а я не могу взять на себя назначить вид наказания и прошу простить меня в этом. Желая Вам, Наталии Петровне и всем детям вашим мира, здравия и спасения и остаюсь недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

---

¹⁹⁵ Имеется в виду архимандрит Сергий (Ляпидевский). – *Сост.*

* * *

20 ноября 1855 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Примите мою усердную благодарность за Ваше поздравление и добрые желания мне, грешному. Господь да благословит и Вас со всем семейством Вашим и да сохранит Вас на многие годы в добром здравье.

Генерал, который писал о статье Хомякова, не Башилов, а Башуцкий; он издавал некогда «Русскую иллюстрацию» и сам очень хорошо пишет. А приверженность его к Православной церкви видна и из немногих строк его, полученных Вами от меня, грешного.

Мы хотели было просить Вас доставить нам и вторую статью Хомякова¹⁹⁶ (хотя не время), но судя по письму Вашему, думаю, что и у Вас ее не находится, и будем ожидать перевода господина Башуцкого.

Слава и благодарение Богу за то, что прискорбное дело людей Ваших начало обнаруживаться. Искренно желаю, чтобы оно и совершенно обнаружилось и Господь обличил виновных, достойных наказания и для примера другим.

Испрашиваю на Вас Божие благословение и остаюсь с почтением моим недостойный Ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

15 января 1856 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейшие о Господе Иван Васильевич и Наталья Петровна!

Господь да воздаст вам за радушие ваше и желание доставить покой мне, грешному, и моим спутникам. Молим Господа, да благословит и да сохранит Он вас и детей ваших, равно как и живущих с вами, и да укрепит силы ваши на многие годы. Слава Богу, мы доехали благополучно и теперь все здоровы.

Гофманские капли брат Пармен¹⁹⁷ по ошибке взял с собою, и я думал их отправить назад в повозке, но теперь прошу у вас позволения оставить этот пузырек у себя, потому что капли, может быть, будут мне нужны.

Изъявляю вам почтение и, испрашивая на вас благословение Божие, остаюсь недостойный ваш богомолец многогрешный иеромонах Макарий; детям вашим и всем соседям <?> мое благословение.

Посылаю вам просфору.

Отец Ювеналий, брат Пармен и вся наша братия свидетельствуют вам свое почтение.

* * *

17 марта 1856 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

---

¹⁹⁶ Здесь говорится о второй из трех брошюр-памфлетов А. С. Хомякова: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях: По поводу окружного послания Парижского архиепископа» (Лейпциг, 1855). – *Сост.*

¹⁹⁷ Послушник Пармен Денисьевич Федоров. Летом 1856 года, вскоре после поездки к Киреевским в Долбино, неожиданно заболел и умер. – *Сост.*

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Письмо Ваше к господину Арнольди¹⁹⁸ и ко мне, грешному, я получил и благодарю Вас за оба.

Посещение мое, за которое Вы благодарите меня, грешного, устроилось неожиданно и для меня самого. Верно, была на то воля Божия.

Отцу архимандриту нашему, отцу игумену Антонию и братьям, поименованным Вами в письме, я передал Ваши приветствия. Все они благодарят Вас и взаимно свидетельствуют Вам свое почтение.

Паки благодарю Вас за исполнение моей просьбы касательно письма к Арнольди и, испрашивая на Вас и на семейство Ваше благословение Гоподне, с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомolec многогрешный иеромонах Макарий.

* * *

20 марта 1856 года

М.с.о.н. Г.И.Х.Б.н.п.н.

Достопочтеннейший о Господе Иван Васильевич! Примите мое усердное поздравление со днем Вашего рождения. Молю Господа, да благословит Он Вас на новый год жизни и да подаст Вам еще много раз праздновать сей день в добром здравье среди любящего Вас семейства Вашего.

Премилосердный Бог наш, по неизреченной благодати Своей, да услышит и нашу недостойную молитву о Вас и да благословит Вас благоденствием временным, некогда и блаженством вечным.

Отец Ювеналий и отец Лев также приносят Вам свое поздравление и желают Вам всех благ от Господа. Я послал Вам просфору (через Белевский монастырь¹⁹⁹) и надеюсь, что Вы получили ее в самый день Вашего рождения.

Испрашиваю на Вас и на семейство Ваше благословение Божие и с почтением моим остаюсь недостойный Ваш богомolec многогрешный иеромонах Макарий.

---

¹⁹⁸ Лев Иванович Арнольди. – *Сост.*

¹⁹⁹ Белевский Крестовоздвиженский женский монастырь. – *Сост.*

§ 2. А. П. Елагина

І. Биографический очерк²⁰⁰

10-го июня 1877 года в селе Петрищеве Белёвского уезда предано земле тело Авдотьи Петровны Елагиной. Это имя, близкое и дорогое теперь немногим ее родным и почитателям, пережившим покойную, было в свое время очень известно в интеллигентных слоях русского общества, принимавших более или менее живое и деятельное участие в нашем литературном, научном и культурном развитии. В последние годы царствования Александра I и в продолжение всего царствования императора Николая, когда литературные кружки играли такую важную роль, салон Авдотьи Петровны Елагиной в Москве был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного. За все это продолжительное время под ее глазами составлялись в Москве литературные кружки, сменялись московские литературные направления, задумывались литературные и научные предприятия, совершались различные переходы русской мысли. Невозможно писать историю русского литературного и научного движения за это время, не встречаясь на каждом шагу с именем Авдотьи Петровны. В литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, готовились к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения.

Осыпанный покойной вниманием и ласками с молодых лет, безгранично обязанный на первой поре жизни многим ей лично, почтенному ее семейству и ее салону, связывая с дорогим мне семейством Елагиных лучшие воспоминания молодости, я считаю обязанностью сохранить для будущего времени то, что знаю сам и из рассказов родных об этой замечательной русской женщине.

Авдотья Петровна увидела свет 11 января 1789 года в родовом имении Юшковых, селе Петрищеве Белевского уезда Тульской губернии. Ее мать, Варвара Афанасьевна, рожденная Бунина, была очень образованная женщина и прекрасная музыкантша; отец, Петр Николаевич Юшков, занимал в царствование Екатерины видное место в тульской губернской администрации и принадлежал к известной дворянской фамилии. Дядя ее, женатый на графине Головкиной²⁰¹, был губернатором в Москве во время чумы²⁰².

Первоначальное воспитание Авдотьи Петровны было ведено очень тщательно. Гувернантками при ней были эмигрантки из Франции времен революции, женщины, получившие по-тогдашнему большое образование. В особенности называют М-me Dorer, отличавшуюся вполне аристократическим складом и характером. Это обстоятельство имело большое влияние на умственный и нравственный строй покойной, придало ей французскую аристократическую складку, общую всем лучшим людям той эпохи. С немецким языком и литературой Авдотья Петровна познакомилась через учительниц, дававших ей уроки, и В. А. Жуковского, ее побочного дядю, который воспитывался с нею, был ее другом и, будучи старше ее семью годами, был вместе ее наставником и руководителем в занятиях²⁰³. Русскому языку учил ее Филат Гаври-

---

²⁰⁰ Кавелин К. Д. Авдотья Петровна Елагина. Биографический очерк // Северный вестник. 1877. № 68. 7 июля. № 69. 8 июля. Написано в сельце Иваново 17 июня 1877 г. Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885) – русский историк, социолог и публицист. – *Сост.*

²⁰¹ В тексте, возможно, опечатка. Тайный советник Иван Иванович Юшков служил московским гражданским губернатором и был женат не на Головкиной, а на Анастасии Петровне Головкиной. – *Сост.*

²⁰² Речь идет об эпидемии чумы 1771 г. – *Сост.*

²⁰³ В. А. Жуковский был старше племянницы (Авдотьи Петровны) не на семь, а на шесть лет. Руководителем Авдотьи

лович Покровский²⁰⁴, человек очень знающий и написавший много статей о Белёвском уезде, напечатанных в «Политическом журнале».

Пяти лет от роду Авдотья Петровна лишилась матери, умершей в чахотке²⁰⁵, и вместе с тремя своими сестрами, Анной (впоследствии известной писательницей Зонтаг), Екатериной (Азбукиной) и Марьей (Офросимовой) поступила на воспитание к своей бабушке, Марье Григорьевне Буниной, рожденной Безобразовой, умершей в 1811 году, – женщине с большим характером. Она жила в селе Мишенском Белевского уезда, куда переселился и отец Авдотьи Петровны после смерти жены. Зимой это семейство проводило в Москве. Живо сохранился в памяти покойной Елагиной торжественный въезд и коронавание императора Александра I.

Авдотье Петровне еще не исполнилось 15-ти лет, когда за нее посватался у бабушки, не сказав ей самой ни слова, Василий Иванович Киреевский, проживавший тоже в Москве. Ему было около тридцати лет; человек он был очень ученый, в совершенстве знал иностранные языки, но был своеобразен до странности. Брак совершился 16 января 1805 г. и был из самых счастливых. Киреевский страстно любил свою жену и довершил ее образование, читая с нею серьезные книги, в особенности исторического содержания, и Библию. Вероятно, в это время окончательно утвердилась в молодой тогда Авдотье Петровне глубокая религиозность, без сомнений и колебаний, которая сопровождала ее до могилы. Киреевский был религиозен до нетерпимости, ненавидел Вольтера, скупал и истреблял его сочинения. Вследствие ли влияния мужа или начального воспитания, трудно сказать, но Авдотья Петровна всю свою жизнь не сочувствовала отрицательному направлению, когда оно выражалось резко и в крутых формах; оно было противно ее религиозному направлению, ее литературным и эстетическим вкусам и привычкам; но эта нелюбовь к отрицательному направлению была чужда всякой исключительности и фанатизма. Авдотья Петровна много читала и думала, часто слышала самые разнообразные суждения об одних и тех же предметах, и это сделало ее замечательно терпимой ко всякого рода взглядам, лишь бы они были искренни, правдивы и выражались не в грубых формах.

От брака с Киреевским Авдотья Петровна имела четырех детей. Из них зрелого возраста достигли: Иван Васильевич (родился 1806 года 22 марта), Петр Васильевич (1808 года 11 февраля) и Марья Васильевна (1811 года 8 августа). Счастливое супружество покойной с первым мужем продолжилось недолго. В 1812 году, осенью, В. И. Киреевский скончался в Орле, от горячки, которую схватил вследствие самоотверженного служения на общую пользу. Беспомощное состояние раненых пленных французов, неурядица и злоупотребления в госпиталях возмущали его. Будучи частным человеком, он самопроизвольно, без всякого полномочия или приглашения от властей, принял в свое заведывание госпиталь в Орле, привел его в порядок, заботился о пленных и раненых, обращал якобинцев и революционеров к религии, спокойно переносил оскорбления, которыми они его за то осыпали, и сделался жертвой госпитальной горячки.

Двадцатичетырехлетняя вдова была в отчаянии, лишившись в лице любимого мужа наставника и руководителя. «Делайте теперь со мной что хотите», – сказала она своей тетке, Екатерине Афанасьевне Протасовой. К этой тетке, овдовевшей еще в 1793 году²⁰⁶, переселилась она с своими детьми из села Долбина Калужской губернии Лихвинского уезда, старинного имения Киреевских, где жила с мужем, ненадолго приезжая с ним по зимам в Москву²⁰⁷. Протасова жила в Орле и около Орла, в деревне Муратове, с двумя своими дочерьми. С

Петровны в занятиях немецкой литературой он стал, очевидно, не в отрочестве, а позднее. – *Сост.*

²⁰⁴ В тексте неточность. Настоящее имя Покровского Феофилакт Гаврилович (в доме Юшковых его, вероятно, называли Филафом Гавриловичем: см. письмо В. А. Жуковского к Елагиной // Русский библиофил. 1912. № 7 / 8. С. 129). – *Сост.*

²⁰⁵ В. А. Юшкова умерла в мае 1797 г., когда Елагиной было восемь лет. – *Сост.*

²⁰⁶ В тексте неточность. Е. А. Протасова овдовела не в 1793 г., а приблизительно в 1798 г. – *Сост.*

²⁰⁷ Судя по письмам А. П. Елагиной, она оказалась в Орловской губернии, у Е. А. Протасовой, родной сестры своей матери, еще до гибели мужа, а затем вместе с детьми вскоре вернулась в Долбино. – *Сост.*

этим семейством жил и Жуковский, которого нежная, глубокая многолетняя привязанность к Марии Андреевне Протасовой известна из его биографии. Здесь Авдотья Петровна очутилась в образованном, веселом светском кружке, который составил в селе Черни, у Александра Алексеевича Плещеева. Плещеев был женат на Анне Ивановне Чернышевой, женщине очень образованной, имел свой домашний оркестр и был неподражаемым чтецом и декламатором, вследствие чего поступил позднее лектором к императрице Марии Федоровне. В кружке Плещеева, кроме его жены, Жуковского, дочерей Е. А. Протасовой и близких приятелей и знакомых – Д. Н. Блудова, Д. А. Кавелина²⁰⁸, Апухтина²⁰⁹ – участвовали многие из образованных пленных французов, в том числе генерал Бонами. Здесь проводили время очень весело: читали, разыгрывали французские пьесы, играли в распространенные тогда в избранных кружках *jeux d'esprit*²¹⁰.

Через два года кружок этот расстроился. В 1814 году Александра Александровна Протасова выдана замуж за А. Ф. Воейкова, известного сатирического писателя, вскоре занявшего кафедру русской словесности в Дерптском университете. С ним перебралось в Дерпт и семейство Протасовых, а Авдотья Петровна поселилась с детьми снова в селе Долбине, вместе с Жуковским, возвратившимся в 1813 г. из ополчения.

Уединенная жизнь ее в Долбине продолжалась целых семь лет. В продолжение этого времени в жизни ее совершились два важных события. В 1817 году, 4 июля, Авдотья Петровна вступила во второй брак с Алексеем Андреевичем Елагиным, своим троюродным братом. Оба происходили из рода Буниных: Авдотья Петровна – от Афанасия Ивановича, а второй муж ее Елагин – от родной сестры Бунина, Анны Ивановны Давыдовой, которой дочь, Елизавета Семеновна Елагина, была матерью Алексея Андреевича. Другим важным событием было вступление в том же 1817 году Марьи Андреевны Протасовой в супружество с профессором Дерптского университета Иваном Филипповичем Мойером.

Четыре года спустя, 4 июля 1821 года, Авдотья Петровна переехала из Долбина на житье в Москву и прожила здесь безвыездно 14 лет – до 1835 года. Этот продолжительный период времени был, как она сама говорила, счастливейшей эпохой в ее жизни. С этого же времени она принимает живое и непосредственное участие в жизни литературных и ученых московских кружков. Еще в царствование Александра I образовался в Москве, около Николая Полевого, замечательный литературный кружок, к которому принадлежали Пушкин, князь Вяземский, Кюхельбекер и князь Одоевский (издававшие вместе «Мнемозину»), В. П. Титов, Шевырев, Погодин, Максимович, Кошелев, Росберг, Лихонин. В этом же кружке впервые выступила в свет Каролина Карловна Яниш, впоследствии известная писательница Павлова²¹¹. Одного

²⁰⁸ В тексте смещение хронологии событий: с Д. А. Кавелиным Елагина познакомилась, судя по ее переписки с Жуковским, только в 1815 г., когда кружок Плещеева уже распался. В 1815 г. Елагина, возможно, еще не встречалась и с другим близким приятелем молодого Жуковского – Д. Н. Блудовым. – *Сост.*

²⁰⁹ Трудно сказать, о каком из Апухтиных идет речь, возможно, об орловском губернском предводителе дворянства (1806–1813 гг.) Г. П. Апухтине. – *Сост.*

²¹⁰ Буквально: игра ума (*фр.*). – *Сост.*

²¹¹ Здесь и далее неточно воссоздается расстановка литературных сил в 1820–1830-е гг. Писатели М. П. Погодин, С. П. Шевырев, В. П. Титов, В. Ф. Одоевский, М. А. Максимович, А. И. Кошелев входили в начале 1820-х гг. в кружок С. Е. Раича и общество любомудрия, куда Одоевский (председатель общества) ввел и Николая Полевого, «который на первых же порах представил программу журнала. Она была отвергнута, он оставил общество...» (Погодин М. П. К вопросу о славянофилах // Гражданин. 1873. 12 марта). Будучи издателем «Московского телеграфа» (1825–1834 гг.), Полевой привлек к журналу многих из перечисленных литераторов; в этот круг уже не входили, однако, С. П. Шевырев и М. П. Погодин, ставшие вскоре издавать «Московский вестник» (1827–1830 гг.), но присоединились П. А. Вяземский, М. Н. Лихонин, М. П. Розберг; в обоих журналах участвовал Пушкин. Судя по набору имен, упоминаемых Кавелиным, возможно, он, вслед за Елагиной, не разграничивал четко «Московский телеграф» и «Московский вестник», в котором сотрудничали Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, В. П. Титов, И. С. Мальцев (Мальцов), С. А. Соболевский, А. С. Хомяков, братья Киреевские, А. И. Кошелев, В. Ф. Одоевский. Альманах «Мнемозина» в 1824–1825 гг. (вышли 4 книги) действительно издавали В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. К. Яниш часто посещала салон Елагиных; по словам С. А. Рачинского, «особенно восхищался стихами Каролины Карловны Иван Васильевич Киреевский» (Татевский сборник С. А. Рачинского. – СПб., 1899. С. 108). – *Сост.*

перечня этих имен достаточно, чтоб показать, в каком замечательном обществе вращалась тогда Авдотья Петровна.

С 1826 года блестящий кружок Полевого сменился другим, не менее блестящим и талантливым, группированным около только что начинающего поэта Дмитрия Ивановича Веневитинова²¹². Зерно этого кружка составлялось из молодых людей, служивших при архиве министерства иностранных дел и готовившихся, под названием «архивных юношей»²¹³, к дипломатической карьере. Кроме Пушкина и князя Вяземского, принадлежавших и к кружку Полевого, мы встречаемся здесь с И. С. Мальцевым, сослуживцем Грибоедова по дипломатической миссии в Персии, Н. А. Мельгуновым, С. А. Соболевским, поэтом Баратынским, Д. Н. Свербеевым и другими²¹⁴. Но душа и центр этого кружка, Веневитинов, умер весной 1827 года, едва начав свое блистательное литературное поприще, не достигнув и двадцатитрехлетнего возраста.

С 1828 года в московских литературных салонах появляются новые лица, ставшие потом видными деятелями в литературе и науке. В Москве поселился Н. М. Языков²¹⁵; сыновья Авдотьи Петровны, Иван и Петр Васильевичи Киреевские, поехавшие учиться за границу, возвратились в 1830 году в Москву, по случаю холеры. Тогда возникла в их кружке мысль об издании журнала «Европеец». План этого журнала обсуждался в 1831 году, при участии Жуковского, который нарочно для этого приехал из Петербурга. В 1832 году издание «Европейца» началось, но со второй же книжки журнал был запрещен.

К этому же времени относится знакомство с А. И. Тургеневым и появление в кружке новых деятелей – П. Я. Чаадаева и А. С. Хомякова. Тогда же зарождается и так называемое славянофильство, развившееся потом в особую философско-историческую доктрину. Первым представителем этого направления был Петр Васильевич Киреевский, которому сперва сочувствовали только Хомяков и Языков. Иван Васильевич Киреевский не разделял сначала мнений брата и присоединился к ним лишь впоследствии. Авдотья Петровна сочувствовала Петру Васильевичу не в отрицании петровских реформ, а в нелюбви к Петру, за его жестокость и лютость. Воспоминания о них живо сохранились в семейных преданиях Лопухиных, которые находились с Елагиной в каком-то далеком родстве или свойстве²¹⁶.

С тридцатых годов и до нового царствования дом и салон Авдотьи Петровны были одним из наиболее любимых и посещаемых средоточий русских литературных и научных деятелей. Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливого, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранцы, являлись в салон Елагиных. В нем преобладало славянофильское направление, но это не мешало постоянно посещать вечера Елагиных людям самых различных воззрений до тех пор, пока литературные партии не разделились на два непримиримых лагеря – славянофилов и западников, что случилось в половине сороковых годов.

Блестящие московские салоны и кружки того времени служили выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов. Это известно всем и каждому. Менее известны, но не менее важны были значение и роль

²¹² В тексте ошибка: отчество Веневитинова – Владимирович. Ошибки и в датировке: Общество любомудрия сформировалось в 1823–1824 гг. – *Сост.*

²¹³ Архивные юноши – выражение С. А. Соболевского, использовано Пушкиным в «Евгении Онегине» (глава 7, строфа XLIX). Подробнее см.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарии. Л., 1983. С. 332–333; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1999. С. 513–514. – *Сост.*

²¹⁴ Степень близости к любомудрам Пушкина, Вяземского и Баратынского явно преувеличена. – *Сост.*

²¹⁵ В тексте ошибка: Н. М. Языков появился в Москве не в 1828, а в 1829 г. – *Сост.*

²¹⁶ Известный масон и духовный писатель, крестный отец И. В. Киреевского И. В. Лопухин (1756–1816) находился в дальнем родстве с Евдокией Лопухиной (1669–1731) (она была двоюродной сестрой его деда), первой супругой Петра I, насильно постриженной и заточенной сначала в суздальский, затем в ладожский Успенский монастырь, в 1725 г. – в Шлиссельбургскую крепость. Ее брат А. Ф. Лопухин был казнен Петром I как сообщник царевича Алексея (1718 г.). – *Сост.*

этих кружков и салонов в другом отношении – именно как школа для начинающих молодых людей: здесь они воспитывались и приготавливались к последующей литературной и научной деятельности. Вводимые в замечательно образованные семейства, добротой и радушием хозяев юноши, только что сошедшие со студенческой скамейки, получали доступ в лучшее общество, где им было хорошо и свободно, благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах. Здесь они встречались и знакомились со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям. К числу молодых людей, воспитавшихся таким образом в доме и салоне Авдотьи Петровны Елагиной, принадлежали: Дмитрий Александрович Валуев, слишком рано умерший для науки, А. Н. Попов, М. А. Стахович, позднее трое Бакуниных, братья эмигранта²¹⁷, художник Мамонов и другие. Все они были приняты в семействе Елагиных на самой дружеской ноге (Валуев даже жил в их доме) и вынесли из него самые лучшие, самые дорогие воспоминания. Пишущий эти строки испытал на себе всю обязательную прелесть и все благотворное влияние этой среды в золотые дни студенчества; ей он обязан направлением своей последующей жизни и лучшими воспоминаниями. С любовью, глубоким почтением и благодарностью возвращается он мыслями к этой счастливой поре своей молодости, и со всеми его воспоминаниями из этого времени неразрывно связана светлая, благородная, прекрасная личность Авдотьи Петровны Елагиной, которая всегда относилась к нему и другим начинающим юношам с бесконечной добротой, с неистощимым вниманием и участием. Такой же благодатной средой был для нас салон Свербеевых, открывшийся, кажется, несколько позднее, чем у Авдотьи Петровны. В сороковых годах он уже был в полном блеске. Теперь не слышно более о таких салонах, и оттого теперь молодым людям гораздо труднее воспитываться в интеллектуальной жизни, чем было нам, когда мы начинали жить. Разрозненность, одиночество, недостаток живого, материального участия просвещенных женщин, недостаток непосредственного общения и связи между старым и новым мыслящими поколениями, быть может, более всего объясняют болезненность, раздражительность, сердечную отчужденность, составляющие обычные свойства и характерную черту выдающихся умов и талантов нового поколения, идущего на смену нашему. Время, которое взваливается на интеллигенцию всей обстановкой русской действительности, еще кое-как выносятся при соединении сил, но оно тяжело давит лучших людей поодиночке.

Возвратимся к нашему очерку. Кто не участвовал сам в московских кружках того времени, тот не может составить себе и понятия о том, как в них жилось хорошо, несмотря на печальную обстановку извне. В этих кружках жизнь была полным, радостным ключом. Лето проводилось где-нибудь за городом, зима в Москве. В 1831 и 1832 годах Елагины и Киреевские жили летом в Ильинском. Тут, между прочим, разыгрывалась шуточная комедия «Вавилонская принцесса», написанная в стихах Иваном Васильевичем Киреевским и Языковым, который в то время жил с Елагиными и Киреевскими. В 1833 году они поселились в селе Архангельском, подмосковном имении князя Юсупова. Пользуясь драгоценной картинной галереей, Авдотья Петровна много занималась в то лето живописью и сделала несколько прекрасных копий с картин юсуповской галереи. Она очень любила живопись и не оставляла ее даже в последний год своей жизни. Ослабление зрения ее особенно тревожило.

В 1834 году она опять провела лето в Ильинском, а в следующем году, рано весной, в марте, уехала впервые за границу²¹⁸, сперва в Карлсбад на воды, а потом в Дрезден. Пребывание в чужих краях продлилось до июля 1836 года. Во время этого путешествия она, через рекомендательные письма Жуковского, познакомилась с Тиком и Шеллингом.

²¹⁷ Братья М. А. Бакунина Алексей и Александр учились на одном курсе юридического факультета с Н. А. Елагиным, сыном А. П. Елагиной. Третий из братьев, возможно, Павел Бакунин. – *Сост.*

²¹⁸ В тексте ошибка. Елагина отправилась за границу поздно: в конце мая – начале июня 1835 г. – *Сост.*

К этому времени стали подрастать и дети ее от второго брака: сыновья Василий (родился в 1818 г. 13 июня), Николай (1822 г. 23 апреля), Андрей (1823 г. 18 сентября) и дочь Елизавета (в 1825 г.). Все они воспитывались дома, сыновья доканчивали свое образование в Московском университете. Это обстоятельство и привычка быть в просвещенной, литературной и научной среде удерживали Авдотью Петровну постоянно в Москве, откуда она редко отлучалась. Так, в 1841 году она во второй и последний раз ездила за границу, чтобы познакомиться с невестой Жуковского.

С 1835 года в салоне Елагиных появились новые лица – некоторые из молодых профессоров Московского университета, недавно возвратившихся из-за границы и вдохнувших в университет новую жизнь²¹⁹. То было время его процветания и небывалого блеска. В 1838 году с Елагиными познакомился Гоголь²²⁰, а в сороковых годах салон Авдотьи Петровны стали посещать Герцен, Ю. Ф. Самарин, Аксаковы, Сергей Тимофеевич и Константин Сергеевич, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин. Не называем прежних постоянных посетителей и членов кружка, живших в Москве, и приезжих, русских и иностранцев.

В эту же эпоху радостными событиями в личной жизни Авдотьи Петровны и в семействе Киреевских и Елагиных были переезд Екатерины Афанасьевны Протасовой весной 1837 года с семейством Мойера и дочерьми А. Ф. Воейкова из Дерпта на постоянное жительство в село Бунино Орловской губернии Болховского уезда; частые приезды Жуковского и женитьба его (в 1841 году); брак старшего из детей, прижитых в браке с Елагиным, Василья Алексеевича, с троюродной своей сестрой, Екатериной Ивановной Мойер (1846 г. 14 января²²¹).

* * *

С половины сороковых годов звезда жизни и счастья Авдотьи Петровны начала меркнуть. Семейные горести и несчастья стали быстро следовать одни за другими. Печальный их ряд открылся смертью одной из любимых племянниц Авдотьи Петровны, Екатерины Александровны Воейковой (1844 г.); позднее, в том же году, 27 декабря, умер сын ее 21 года от роду, еще студент, Андрей Алексеевич Елагин, подававший большие надежды; в декабре следующего, 1845 года, скончался Д. А. Валуев, ставший как бы членом семьи Елагиных; в 1846 году, 21 марта, Авдотья Петровна лишилась второго мужа, А. А. Елагина; год спустя – новые утраты: сперва скончалась Екатерина Афанасьевна Протасова (12 февраля 1848 г.), а вслед за нею (4 июля) дочь Авдотьи Петровны, Елизавета Алексеевна Елагина. Кругом становилось пусто. 1846 и 1847, позднее 1849 и 1850 годы проведены в деревне. Блестящее время московских кружков и салонов приходило к концу. Наступила другая эпоха.

Литература, наука отступили на второй план перед грозными политическими событиями, восточной войной и внутренними преобразованиями, которые наступили с новым царствованием. Близкие друзья все еще по-прежнему собирались, но круг их из года в год редел: одни умерли, другие разъехались. В 1856 году над Авдотьей Петровной разразился новый удар: сыновья ее Киреевские, Иван и Петр Васильевичи, умерли вскоре один за другим (11 июня и 25 октября), через два года не стало И. Ф. Мойера, а три года спустя (5 сентября 1859 г.) скончалась дочь Елагиной, Марья Васильевна Киреевская.

Последние годы жизни Авдотья Петровна проводила в Москве, летом в деревне, иногда оставалась тут круглый год, но большей частью возвращаясь на зиму в Москву. Жила она со

²¹⁹ Молодые профессора – Н. И. Крылов (римское право), Д. Л. Крюков (римская словесность), П. Г. Редкин (энциклопедия законоведения), А. И. Чивилев (политическая экономия и статистика), С. И. Баршев (уголовные и политические законы). Все они слушали лекции в германских университетах (в основном – Берлинском) и, приступив с 1835 г. к преподаванию, пропагандировали философию Гегеля. – *Сост.*

²²⁰ Скорее всего датировка ошибочна. В 1838 г. Гоголь был за границей. – *Сост.*

²²¹ В письме П. В. Киреевского Н. М. Языкову от 7 января 1846 г. указывается иная дата: 11 января. – *Сост.*

своим сыном, Николаем Алексеевичем Елагиным, который оставался неженатым, устроил для нее прекрасную усадьбу и дом в деревне Уткино, близ родимого ее пепелища, села Петрищева, и с трогательной нежностью заботился об угасающей матери. Здесь доживала Авдотья Петровна свои дни, окруженная дорогими воспоминаниями прошлого, не переставая заниматься, читать, рисовать. С избранием сына, Николая Алексеевича, в 1873 году в предводители дворянства Белёвского уезда, она перестала ездить на зиму в Москву и проводила зимние месяцы в Белёве. Но недолго суждено ей было наслаждаться тихой, спокойной, радостной старостью: 11 февраля 1876 года скоропостижно скончался Николай Алексеевич Елагин, лелеявший ее последние годы, посвятивший ей свою жизнь. Из всего ее многочисленного семейства оставался теперь в живых только один сын, Василий Алексеевич Елагин. Но воспитание детей приковывало его к Дерпту. Сюда, в семейство сына, и переселилась Авдотья Петровна 11 мая того же года и здесь тихо скончалась 1 июня 1877 года, на 89 году от роду.

Нам остается добавить немного для характеристики покойной.

Авдотья Петровна не была писательницей, но участвовала в движении и развитии русской литературы и русской мысли более, чем многие писатели и ученые по ремеслу. Она не единственный у нас пример в этом роде. Кто заподозрит громадную роль в нашем развитии Грановского, перебирая два тощих тома его статей? Или Николая Станкевича, который ничего после себя не оставил, кроме писем? Чтоб оценить ее влияние на нашу литературу, довольно вспомнить, что Жуковский читал ей свои произведения в рукописи и уничтожал или переделывал их по ее замечаниям. Покойная показывала мне одну из таких рукописей – толстую тетрадь, испещренную могильными крестами, которые Жуковский ставил подле стихов, исключенных вследствие замечаний покойной²²². К сожалению, я не могу сказать, какие именно стихотворения Жуковского прошли через такую переделку и все ли ей подвергались.

Авдотья Петровна много переводила с иностранных языков, но значительная часть этих переводов, вследствие разных случайностей, не была напечатана. В молодости, еще до замужества, она перевела по заказу Жуковского много романов и получала за них гонорары книгами, так переведен ею, между прочим, «Дон-Кихот» Флориана. В «Европейце» напечатан сделанный ею перевод одной рыцарской повести из «Sagen der Vorzeit» Файта Вебера²²³, а в «Москвитянине» 1845 года отрывки, отмеченные Иваном Киреевским из мемуаров Стефенса. Наконец, много ее переводов напечатано в «Библиотеке для воспитания», издававшейся П. Г. Редкиным, между прочим, статья о Троянской войне²²⁴ и др. Остались в рукописи ненапечатанными «Левана, или О воспитании» Жан-Поль Рихтера; «Жизнь Гуса» Боншоза, в двух томах; «Тысяча одна ночь»; «Принцесса Брамбилла» Гофмана; многие проповеди Винэ (Vinet)²²⁵. Еще в самый год своей кончины Авдотья Петровна перевела одну из проповедей ревельского проповедника Гуна.

²²² Возможно, имеется в виду тетрадь «долбинских» стихотворений Жуковского, опубликованная П. И. Бартеневым, подерживавшим с Елагиной добрые отношения. – *Сост.*

²²³ Речь идет о повести «Чернец», анонимно напечатанной в № 1 «Европейца» (1832 г.) и представляющей собой перевод повести «Der graue Bruder» немецкого писателя Файта Вебера (псевдоним Вехтера Людвиг Леонхарда), автор многотомного сочинения «Sagen der Vorzeit», в которое была включена эта повесть (Berlin, 1790. Band 2. S. 401–450). – *Сост.*

²²⁴ В тексте неточность. «Библиотека для воспитания» первоначально издавалась Д. А. Валуевым, в годы его редакторства и появилась статья «Троянская война» (без подписи; 1843. Отд. II. Кн. 3–4; 1844. Отд. I. Кн. 1). – *Сост.*

²²⁵ Богословские сочинения Александра Родольфа Винэ – главы движения так называемой независимой церкви – высоко ценили славянофилы. В 1853 г. А. С. Хомяков писал о Винэ как о «человеке, которого высокий ум и благородная чистая душа, может быть, нигде так искренно не ценится, как в России...» (см.: Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Прага, 1867. Т. 2. С. 28). В том же году П. В. Киреевский обращался к матери: «Вы писали, что хотите переводить Винэ, и это было бы великолепно. <...> В наше время его интересное слово было бы очень кстати». Под проповедями Винэ имелись в виду, вероятно, две его книги – «Discours sur quelques sujets religieux» (Paris, 1830; 4-е 1845), «Nouveaux discours sur quelques sujets religieux» (Paris, 1842), известные русскому читателю как лучшие произведения Винэ (см.: Григорьев В. Александр Винэ // Финский вестник. 1847. Июль. № 7. Смес. С. 28–38). – *Сост.*

Основательно знакомая со всеми важнейшими европейскими литературами, не исключая новейших, за которыми следила до самой смерти, Авдотья Петровна особенно любила, однако, старинную французскую литературу. Любимыми ее писателями остались Расин, Жан-Жак Руссо, Бернарден де Сен-Пьер, Массильон, Фенелон.

Покойная до самой кончины имела живой, ясный и веселый ум. Ее записки к знакомым и близким, писанные года за два до смерти, поражают твердостью почерка, свежестью оборотов и стиля. Трогательно было видеть, как ветхая днями Авдотья Петровна не переставала заниматься чтением, переводами, живописью, рукоделием. Бывало, в Уткине, по поводу какого-нибудь разговора, старушка тихими шагами отправлялась в свою комнату и выносила оттуда сделанный ею на клочке бумаги, иногда в тот же день, перевод какого-нибудь места из только что прочитанной книги, которое почему-либо остановило на себе ее внимание. Родным и близким она дарила то нарисованный ею в тот же день акварелью цветок, то связанный ее руками за несколько времени перед тем кошелек. Покойная страшно любила цветы. Она сама, смеясь, рассказывала, как однажды в Уткине, сойдя в цветник полюбоваться ими и срезать розу, она упала и не могла подняться. Проходивший мимо мальчик, которого она позвала на помощь, испугался и убежал; в таком положении прождала она, пока домашние не спохватились и не начали ее искать.

Не было собеседницы более интересной, остроумной и приятной. В разговоре с Авдотьей Петровной можно было проводить часы, не замечая, как идет время. Живость, веселость, добродушие, при огромной начитанности, тонкой наблюдательности, при ее личном знакомстве с массой интереснейших личностей и событий, прошедших перед нею в течение долгой жизни, и ко всему этому удивительная память – все это придавало ее беседе невыразимую прелесть. Все, кто знал и посещал ее, испытывали на себе ее доброту и внимательность. Авдотья Петровна спешила на помощь всякому, часто даже вовсе не знакомому, кто только в ней нуждался. Поразительные примеры этой черты ее характера рассказываются ее родными и близкими.

Покойная всю свою жизнь сохранила основные характерные черты того времени, когда воспитывалась и сложилась. Литературные, художественные, религиозно-нравственные интересы преобладали в ней над всеми прочими; политические и общественные вопросы отражались в ее уме и сердце своей гуманитарной и литературно-эстетической стороной. Такова была складка того поколения, к которому принадлежала покойная Авдотья Петровна, и этому направлению она осталась верной до последних дней жизни.

Это поколение сошло теперь в могилу. Представителей его между нами можно сосчитать по пальцам, и все они уже древние люди. Мы, ближайшие свидетели заката их деятельности, уже в молодости чувствовали и отчасти понимали их различие с нами, а нынешние люди отошли от них так далеко, что перестали их понимать, относятся к ним равнодушно, даже холодно. И в самом деле, между поколением александровской эпохи, к которому принадлежала покойная Елагина, и теперешним лежит целая бездна. Не только нашим детям, но даже нам самим трудно теперь вдуматься в своеобразную жизнь наших ближайших предков. Лучшие из них представляли собой такую полноту и цельность личной, умственной и нравственной жизни, о какой мы едва имеем теперь понятие. Отдельно взятые лучшие личности александровского времени изумляют высоким просвещением и нравственным идеализмом не только на словах, но и на деле. На нас немногие личности александровской эпохи, с которыми мы имели случай встречаться, всегда производили, с этой стороны, обаятельное впечатление: в них, несмотря на все превратности судьбы, не было и тени той угловатости, односторонности, резкости, ни той нравственной надорванности, которые составляют обычные недостатки нашего поколения и еще больше, чем нас, удручают тех, которые следуют за нами.

Чем объяснить это различие, невольно бросающееся в глаза? Многие видят в нем доказательство вырождения поколений, другие, именно славянофилы, считали идеи, которыми жило прежнее поколение, чуждыми нам, не способными привиться к русской почве; третьи уве-

рены, что эти идеи не могли развиваться, потому что для них не были благоприятны политические условия. Но ни одно из этих предположений не решает вопроса. У нас между поколениями потому нет умственной и нравственной преемственности и связи, что нам пришлось в короткое время нагонять Европу, и дело веков у нас скомкалось в несколько десятилетий, а такая скороспелая работа не могла не привести к разладу между поколениями и к крайнему умственному и душевному утомлению, которое мы по ошибке считаем за признак вырождения. Великодушные, гуманные идеи, которыми были проникнуты лучшие люди александровской эпохи, могли быть слишком отвлеченны, непрактичны, неосуществимы в тогдашней форме и в тогдашнем обществе, но чуждыми нам они не могли быть, и последующее время доказало, что они такими вовсе не были. Идеи XVIII века были результатом развития человеческого рода в течение веков. По своей всеобщности, своему общечеловеческому характеру они близки и дороги всякому народу, всякому племени. Народ или государство, которым они чужды, подписывают тем свой смертный приговор, не могут деятельно участвовать в общем развитии и успехах, играть продолжительную роль и иметь важное значение во всемирной истории; они осуждены прозябать и рано или поздно входят в состав других, более талантливых и живучих народов. Не одни только национальные особенности, но и всеобщие идеи дают народам и государствам историческое, всемирное значение; национальность определяет только формы, в которых эти идеи производятся и осуществляются, никак не более. Наконец, политические и административные порядки выражают степень культуры и не определяют способности к ней. У нас, как и везде, эти порядки, по мере нашего развития, не ухудшались, а скорей, напротив, вырабатывались и смягчались, и если они оставляют желать многого, то причина опять-таки заключается в той же низкой степени культуры. Таким образом, причин упадка и исчезновения блестящего и просвещенного культурного слоя александровского времени надо искать не в вырождении поколений, не в характере идей, которыми жил этот слой, и не в политических и социальных условиях России XIX века, а в чем-нибудь другом. Мы думаем, что эти причины лежат гораздо глубже – в уединенном и обособленном положении культурного слоя александровской эпохи посреди крайне невежественных низких и средних классов тогдашней России. В царствовании Александра I образованные кружки резко выдавались вперед над остальной массой населения, не имели с нею почти ничего общего и жили своею жизнью, соприкасаясь с остальными слоями и классами русского общества только внешним образом. Правда, никакого антагонизма и вражды не было между теми и другими, но не было также между ними никакого сближения и взаимодействия. Образованные кружки представляли у нас тогда, посреди русского народа, оазисы, в которых сосредоточивались лучшие умственные и культурные силы, – искусственные центры, с своей особой атмосферой, в которой вырабатывались изящные, глубоко просвещенные и нравственные личности. Они в любом европейском обществе заняли бы почетное место и играли бы видную роль. Но эти во всех отношениях замечательные люди вращались только между собою и оставались без всякого непосредственного действия и влияния на все то, что находилось вне их тесного, немногочисленного кружка. Упрекать их за то в аристократическом пренебрежении к другим, в недостатке патриотизма, в равнодушии к успехам и развитию отечества было бы непростительной ошибкой и вопиющей напраслиной. Эти люди, напротив, горячо любили свою родину, горячо желали для всех и каждого тех благ, которыми сами жили в своих чаяниях и стремлениях. Занимались они не одной литературой и искусствами, как многие думают, между ними немало было и таких, которые имели большое политическое образование, были искренними поборниками свободных учреждений, мечтали для своего отечества об освобождении крепостных, о финансовой реформе, о коренном преобразовании школы, суда и администрации, о свободе веры, слова и печати. Успехами России в течение XIX века мы существенно обязаны эти людям. Но они проводили высокую культуру, которую несли с собою, не в будничной обстановке ежедневной жизни грубых масс, не лично и непосредственно, а в общих административных и законодательных мерах или в лите-

ратурных, художественных и научных произведениях. Существование этих людей и их кружков было плодотворно для России только в общем, отвлеченном смысле, но не отражалось в живых фактах на окружавшем их русском обществе. Эти изящные, развитые, просвещенные, гуманные люди жили полною жизнью в своих кружках, не внося своим существованием ничего в наш тогдашний печальный, полудикий быт. Люди, глубоко понимавшие всю цену просвещения, не думали устраивать школ и обучать грамоте мужиков, посреди которых жили; к местной, губернской и уездной администрации, наполненной невеждами, земскими ерышками и подъячими старого закала, грабившей живых и мертвых, возмутительно притеснявшей простой народ, люди, проникнутые идеями правды и гуманности, относились с очень понятным омерзением и гадливостью; но они ничего не делали, чтобы поддержать лучших людей в этой печальной среде, чтоб помочь им выбраться из грязной действительности, чтобы пролить хоть какой-то луч света в это царство мрака. Так же чуждо было для них и все остальное – и сельское духовенство, и купечество, и мещанство. Из своего прекрасного далека они безучастно смотрели на то, что делалось в ежедневной жизни вокруг них, из боязни унизиться и испачкаться в нравственной и всяческой грязи соприкосновением с нею. Скажем, то была барская спесь. Совсем нет! Таланты, выходявшие из народа, хотя бы из крепостных, даже люди, подававшие только надежду сделаться впоследствии литераторами, учеными, художниками, кто бы они ни были, принимались радушно и дружески вводились в кружки и семьи на равных правах. Это не была комедия, разыгранная перед посторонними, а сущая, искренняя правда – результат глубокого убеждения, перешедшего в привычки и нравы, что образование, знание, талант, ученые и литературные заслуги выше сословных привилегий, богатства и знатности. Но темное большинство, не способное, по крайнему невежеству и отсутствию культуры, понять и оценить те высшие интересы, которыми жили образованные кружки, не возбуждало в них деятельного участия; а большинство, в свою очередь, бессмысленно и равнодушно смотрело на непонятную для него жизнь, занятия, радости, печали, стремления и наслаждения просвещенных людей как на барские затеи и причуды. Обоим элементам этого странного раздвоенного и разобщенного общества, жившим рядом друг подле друга, и в мысль не приходило постараться сблизиться, понять друг друга, опираться друг на друга, работать дружно вместе. С этой точки зрения, между старыми и новыми поколениями лежит целая бездна. Теперь редкий из истинно просвещенных людей не ставит себе задачей популяризировать свои знания, по возможности поднимать до себя окружающих его необразованных людей, растолковывать им пользу науки и знания, сообщать им знания и науку в доступных им формах и объеме²²⁶. Ничего подобного прежде не было. Ключ ко всему, что думалось и делалось в избранных кружках, существовал только для них самих; для остальной России оно казалось непонятным чудачеством, диковиной штукой, которой себя только тешили господа и дворяне. Многие с досадой и злорадством напирают на неудачные, смешные, подчас очевидно ошибочные формы, в которых выражается современное стремление сделать всех причастными науке и знанию, связать в одно целое разрозненные общественные слои, наглядно и осязательно показать необразованной части русского населения пользу и необходимость того, чем заняты его образованные и просвещенные вершины. Но за подробностями, промахами и уклонениями опускается из виду главная, существенная сторона в стремлениях нашего времени. Те, которые видят только смешное и вредное в том, что делается, не могут или не хотят понять, что наши блестящие кружки просвещенных людей первой половины XIX века замерли и постепенно исчезли именно вследствие того, что стояли одиноко, были разобщены с остальной русской жизнью. Воспитанные в этих кружках люди, несмотря на все свое обаяние, были тепличными растениями и не могли выдержать обыкновенной температуры. Им предстояла задача акклиматизировать в России то, что они

²²⁶ Сам К. Д. Кавелин в своем поместье (село Иваново Белёвского уезда Тульской губернии) организовал школу для крестьянских детей, в 1870–1880-е гг. много занимался делами крестьян. – *Сост.*

несли с собою, но это было невозможно, потому что почва далеко не была для того подготовлена. Непосредственная грубость и невозделанность этой почвы делала немислимой пересадку в нее прекрасных, но тонких и нежных растений, привыкших к искусственной теплоте и свету, и они завяли, не пустив корней.

Поколение александровской эпохи сыграло свою историческую роль и уступило место новым деятелям. Теперь, кажется, уже настала пора судить о нем с полным беспристрастием, не делая ему упреков, которых оно не заслуживает. Нельзя, не нарушая исторической правды, помянуть его иначе как добром. Оно всегда будет служить ярким образцом того, какие люди могут вырабатываться в России при благоприятных обстоятельствах. Обвинять его за то, что оно стояло особняком посреди русской жизни, было бы более чем странно. Такое положение создано ему всем ходом развития нашей культуры и ближайшими задачами его времени.

II. Заветные воспоминания²²⁷

В Дерпте 1 июня нынешнего года погасла прекрасная, долголетняя жизнь, память о которой никогда не умрет в преданиях русской образованности: скончалась Авдотья Петровна Елагина. «Русский архив» и издатель его бесконечно обязаны этой необыкновенной женщине. Что напечатано в нашем издании из бумаг Жуковского, было, за немногими исключениями, сообщено ею или через ее посредство. Она была другом поэта, который (в одном письме к покойному П. А. Плетневу) называет ее моя поэзия. Кто знал близко А. П. Елагину, тому понятен этот отзыв Жуковского, заключающий в себе и ее право на всеобщую известность. Поэтому на мне лежит обязанность сообщить читателям «Русского архива» некоторые черты и события из ее жизни. Большая часть нижеследующего была мною слышана от нее самой в течение почти 25-летней дружбы, которую она меня удостоивала и которою я дорожу как одним из лучших моих достояний.

А. П. Елагина принадлежала к стародавнему русскому дворянству, которое еще не растратило в прошлом веке добрых качеств своих. Ее родители были люди не чрезмерно богатые, однако вполне обеспеченные, жившие в совершенном довольстве и с некоторым даже избытком, что сообщало их обстановке счастливую равномерность и давало простор всяческому развитию. Родина А. П. Елагиной – прекрасные берега Оки, очаровательные окрестности города Белева, на границе трех губерний – Тульской, Калужской и Орловской, на старом торговом пути из Москвы в Малороссию, который сообщал этому издавна населенному краю самобытное оживление. Тут жили и владели князья Трубецкие, бароны Черкасовы, Чичерины, Юшковы, а главным лицом был белевский воевода, приятель екатерининских Орловых Афанасий Иванович Бунин, дед А. П. Елагиной. Места, где прошло детство ее, воодушевляли молодого Жуковского, он научился там с ранних лет любить природу, и это же чувство любви к красоте Божьего мира было необыкновенно развито в покойной Авдотье Петровне: до преклонной старости не могла она равнодушно видеть цветущий луг, тенистую рощу. Цветы были ее страстью; она окружила себя ими во всех видах, составляла букеты, срисовывала, наклеивала, иголкой и кистью передавала их изображения. Сколько было нарисовано и вышито ею одних незабудок!

А. П. Елагина родилась 11 января 1789 года, в Тульской губернии, Белёвского уезда, в селе Петрищеве, где на церковном погосте теперь покоится прах ее. По отцу, Петру Николаевичу Юшкову (4 декабря 1805 г.), она принадлежала к тогдашней знати и находилась в родстве с графами Головкиными, Нарышкиными и Зиновьевыми. При царе Иване Алексеевиче важным лицом был Юшков, дочь которого, девица Юшкова, имела большое значение при дворе

---

²²⁷ Баргенов П. И. Авдотья Петровна Елагина // Русский архив. 1877. Кн. 2. Вып. 8. С. 483–495. Автор сделал особую ссылку на то, что некоторые числовые указания были заимствованы им из статьи К. Д. Кавелина «Авдотья Петровна Елагина. Биографический очерк» (см.: Наст. изд.). – *Сост.*

императрицы Анны Ивановны; дед – дядя Елагиной, Иван Иванович Юшков был московским губернатором в первые годы екатерининского царствования. Впрочем, об отце своем А. П. Елагина мало рассказывала, и хотя он скончался, когда она уже была замужем, но не имел, кажется, сильного и прямого на нее влияния. Мы знаем, однако, что он был человек просвещенный и между прочим переписывался с знаменитым Лафатером и с другом своим, известным героем Кульневым, соседом по деревне. Служил он, во время детства дочерей своих, советником тульской казенной палаты, вышел в отставку по кончине супруги (1797 г.) и поселился с малолетними дочерьми у своей тещи Буниной, в том самом подгородном белевском селе Мишенском, которое было родиной Жуковского (ныне принадлежит внучке Юшкова, Марье Егоровне Гутмансталь, урожденной Зонтаг). С Мишенским соединялись самые свежие детские воспоминания покойной Елагиной, а из тульской жизни она любила вспоминать про А. Т. Болотова, автора известных «Записок» (тогда уже прекрасного старика) и про директора народного училища Феофилакта Гавриловича Покровского, тяжелого стихотворца, печатавшего свои произведения за подписью Философ горы Алаунской, но добросовестного наставника, учившего ее и Жуковского первым начаткам русской грамоты и словесности.

А. П. Елагина, лишившаяся матери своей, Варвары Афанасьевны, урожденной Буниной, 8-ми лет от роду, живо ее помнила. Умилительно бывало слушать восьмидесятилетнюю старуху, с каким-то особенно живым чувством говорящую о своей матери. Жуковский приписывал этой женщине пробуждение его таланта, она была ему попечительной наставницей, она записала его в университетский Благородный пансион. Правда, что все четыре дочери А. И. Бунина любили этого необыкновенного брата, но Жуковский особенно ценил Варвару Афанасьевну. Ее кончине (в мае 1797 года) посвящен первоначальный лепет его поэзии²²⁸. Она умерла в Туле от чахотки, когда Жуковскому было 14 лет. Она была отличною музыкантшею Названный отец Жуковского, Андрей Григорьевич Жуковский, сопровождал скрипкою ее игру на фортепьяно. – П. Б. и много читала на разных языках. Ее память сберегалась в душе нашего поэта, который не раз говорит о ней в письмах, писанных и из Зимнего дворца, и из чужих краев. От этого Жуковский, у которого сердечная память была гораздо сильнее «рассудка памяти печальной», с ранних лет полюбил четырех девочек, дочерей своей сестры и благодетельницы. Он счел обязанностью следить за их судьбою, направлять к добру их душевное развитие, принимать живое участие во всем, что им близко. Самые дети их были ему родственно дороги. Вот эти четыре сестры, любимые спутницы вдохновенного отрока: Анна Петровна Зонтаг, известная писательница (1782–1864), Марья Петровна Офросимова (†1809), Авдотья Петровна Киреевская-Елагина и Екатерина Петровна Азбукина (†1817 от чахотки). Мне случилось видеть небольшую картину, на которой изображены все они, еще малютками. Авдотью Петровну я узнал в 1853 году уже старухою; и тем не менее на упомянутой картине, писанной в прошлом столетии, тотчас было можно указать на А. П. Елагину: то же выражение изящного ума и благоволивательности через многие десятки лет сберегалось на лице ее. Из всех племянниц Жуковский особенно любил милую Дуняшу, как называет он ее в неизданных письмах своих к ней, которых сохранились целые тома.

Детство и раннюю молодость А. П. Елагина провела у своей бабушки (по матери) Марьи Григорьевны Буниной, урожденной Безобразовой, имениями которой заведовал зять ее Юшков, отец Елагиной. Вдова белевского воеводы, Афанасия Ивановича Бунина, важная и богатая барыня Марья Григорьевна была женщина по-тогдашнему начитанная, чуждавшаяся предрассудков, известная самостоятельностью характера. Можно сказать, что русская словесность и русская жизнь должны быть ей благодарны за Жуковского, прижитого ее мужем от привезенной (1719 г.) белевским крестьянином-маркитантом бендерской пленницы-турчанки Сальме. Марья Григорьевна сблизилась с этою Агарьею своего мужа (которая хотя еще до

²²⁸ «Мысли при гробнице», в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» 1797 года, часть 16-я. – П. Б.

рождения детей приняла святое крещение, но по бывшему своему магометанству не находила ничего особенного в том, что ее господину мало одной жены), поместила ее у себя в доме и с теплым участием отнеслась к судьбе ее ребенка (родился 29 января 1783 г.). Приятель-помещик записал его своим сыном, дал свое фамильное имя и дворянские права. Умирая (1792 г.), старик Бунин завещал сына и мать своей законной жене²²⁹. Жуковскому выделено было небольшое имение и дано лучшее по тому времени образование. Мы читали письма М. Г. Буниной к молодому Жуковскому: они отличаются веселою шутливостью и писаны с родственною теплотою. От этого у Жуковского не видно тех болезненных качеств, которыми нередко отмечены незаконнорожденные дети, обыкновенно либо высокомерные, либо чрезмерно приниженные и почти всегда неровного характера. Ему почти незаметна была неполная принадлежность к этой семье, в которую включены были он и его мать, кроткая и всеми любимая Елисавета Дементьевна (скончавшаяся 25 мая 1811 г., через 12 дней после М. Г. Буниной). Впрочем, только что поднялся на ноги этот чудный ребенок, как уже заставил полюбить себя за необыкновенную душевную чистоту и сердечное оживление. Умная старушка ценила словесность; она заставляла Жуковского читать себе вслух «Россияду» Хераскова. Она дожила до тех пор, когда слава Жуковского начала распространяться. «Будь жив мой Иван Афанасьевич, – говаривала она (вспоминая сына своего, умершего юношею), – я бы не знала, кого мне больше любить, его или Васиньку» (т. е. Жуковского).

Марья Григорьевна проживала большую часть года в Мишенском, а по зимам в Москве, у Неопалимой Купины²³⁰ в своем доме, окруженная внучками. Кроме вышеназванных четырех тут были еще три от покойной ее дочери Натальи Афанасьевны Вельяминовой (роман которой с М. Н. Кречетниковым рассказан в «Записках» А. Т. Болотова). В конце прошлого столетия к ним прибавились еще две: к семье примкнула овдовевшая младшая дочь Марьи Григорьевны, Екатерина Афанасьевна Протасова (†12 февраля 1848 г.) с двумя дочерьми, Марьей и Александрю Андреевнами, которые сделались предметами самой сильной привязанности А. П. Елагиной. Братьев и дядей ни у кого из них не было, естественно, что все он полюбили Жуковского. Самая таинственность его происхождения от этой турчанки с задумчивыми черными глазами и кротким выражением прекрасного лица была уже заманчива. Жуковский впоследствии говаривал шутя, что девять этих девушек были ему девятью музами. Мы прибавим, что музою поэзии в этом хоре, посреди которого вращался молодой Жуковский, была его любимица – Дуняша.

Само собою разумеется, что в гувернантках недостатка не было. Они, по обычаю, смеялись одна другую, и между ними А. П. Елагина вспоминала аристократку Дорер, Жоли и некую мамзель Меркюрини, бежавшую из Франции, где в так называемые дни ужаса, якобинцы в одном городе насильно заставляли ее играть роль богини разума (*déesse de la raison*), т. е. раздевали, взводили на колесницу и возили по улицам, воздавая божеское поклонение. Можно судить, сколько небывалых понятий, заманчивых рассказов привозили с собою в русские семьи эти беглянки-француженки. Пример был слишком поучителен, и буря, пронесшаяся над Францией, очищала воздух и расшатывала устаревшие междусословные отношения даже и у нас: у Буниной, Юшкова, Киреевских, Елагиных не слышно было о злоупотреблениях крепостным правом. А. П. Елагина отлично выучилась по-французски; французская словесность, и не одна классическая, была ей очень близко известна, и знатоки уверяют, что ее письма на французском языке отличались неукоризненностью слога, что впрочем тогда не было дивом. Но живя по зимам в Москве, в дружеском кружке Тургеневых и Соковниных²³¹, где молодыми людьми

²²⁹ <Афанасий Иванович> Бунин умер в Туле. Жуковскому было тогда восемь лет. Впоследствии он срисовал тот дом и ту комнату, где умер отец его. Гораздо позднее, когда приятель его Свечин жаловался почему-то на отца своего и осуждал его, Жуковский внезапно закрыл лицо руками и воскликнул: «Si j'avais un père!» (О, если бы у меня был отец!)... – П. Б.

²³⁰ Речь идет о храме в честь Неопалимой Купины, близ которого располагался дом. – *Сост.*

²³¹ Об одной из Соковниных, Анне Михайловне, в замужестве Павловой, см.: Русский архив. 1874. II. С. 957. – П. Б.

появлялись между прочими Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов, она не могла не разделять общего восторга к Дмитриеву и Карамзину, который ездил в дом к ее бабушке, будучи, по первой жене своей, Протасовой, в родственных сношениях с домом М. Г. Буниной.

В русской словесности учителем-образцом и любимцем был для А. П. Елагиной все тот же Жуковский. В начале нынешнего века на русской сцене пользовались большим успехом драматические произведения Августа Коцебу или господствовала коцебятина, по выражению Жуковского. Известный А. Ф. Малиновский поручал Жуковскому доставлять ему русские переводы этих драм, а тот раздавал работу А. П. Елагиной и ее сестрам, и с поправками Жуковского появился в печати почти весь театр Коцебу. Кроме того А. П. Елагина с ранних лет получила привычку сменять женские рукоделия (на которые она тоже была великая мастерица) чтением, выписками и вообще работою за письменным столом: всю долгую жизнь она либо переписывала что-нибудь прекрасным, ровным своим почерком, либо переводила с иностранных языков, либо рисовала. В позднейшее время главный расход ее был на шелки и шерсть, которыми она отлично вышивала, сочиняя сама разнообразные рисунки, и на письменные и рисовальные принадлежности. Переводить и писать было для нее потребностью. Много ее переводов напечатано без означения имени ее, но еще больше осталось неизданных. В то время, когда я узнал ее, любимым ее автором был женеvский проповедник Вине; его христианские беседы, проникнутые живым и неподдельным убеждением и переведенные А. П. Елагиной, могли бы составить целый том полезного чтения. Она помогала Жуковскому перепискою и переводами во время издания «Вестника Европы» (1808 и 1809 г.); когда подрастали ее дети, она перевела сочинение о воспитании Жан Поль Рихтера (самобытные приемы его творчества особенно ей нравились), его знаменитую «Левану»; когда сыновья ее Киреевские прокладывали дорогу новому славянскому направлению мыслей, она перевела «Жизнь Гуса» Боншоза в двух книгах. Оба эти перевода остались неизданными. Напечатано несколько детских повестей, переведенных ею из Гофмана и других писателей, и большая статья о Троянской войне в «Библиотеке для воспитания». Даже в «Магазине земледелия и путешествий», издании Н. Г. Фролова, есть ее перевод писем известного этнографа Кастрена. Еще за год до кончины своей она передала по-русски проповедь ревельского пастора, Гуна. Разумеется, что все эти переводы делались только из потребности литературного труда, к которому она приучена была с молодости; но когда ей случалось получать вознаграждение за свою работу, она спешила кому-нибудь помочь, кому-нибудь раздать денег или сделать подарок. И надо было видеть, как умела она дарить и одолжать! Переводы ее не отличались вполне строгою точностью, но мысль сочинителя всегда была уловлена и находила себе прекрасное русское выражение. Непрерывное упражнение чрезвычайно содействовало к усовершенствованию ее слога. Ее письма – драгоценное наследие родных и друзей – могут быть названы образцовыми. Сбереечь их для потомства есть долг перед русскою словесностью и перед историею нашей общественности. Пройдут года, волна времени смоеет и сгладит все, что в этих письмах есть частного и вполне личного, но образ Авдотьи Петровны Елагиной предстанет в них с неумирающим изяществом, и если эти письма перейдут во всеобщее сведение, наши потомки будут завидовать нам, что посреди нас жила эта женщина, деятельность которой была служением прекрасному во всех его видах и проявлениях. От нее веяло благоуханием поэзии и не было в ней того нежничанья или сентиментальности, которые могут нравиться лишь на минуту и потом становятся противны: ее спасали от этого непрестанная работа и неуклонно строгое исполнение семейных обязанностей.

Она была выдана своею бабушкою замуж за соседа-помещика только что достигши шестнадцатилетнего возраста. 13-го Января 1805 г. Жуковский нарочно приезжал из Москвы на ее свадьбу, в село Мишенское. Ты заменилось словом вы в ее сношениях с поэтом. Но и тень ревнивого чувства скоро исчезла при ближайшем знакомстве. Муж (†1 Ноября 1812 г.) был вдвое ее старше. Он довершил ее нравственное воспитание. Она была с ним счастлива и всегда отзывалась о нем с отменным уважением. Он любил и берег ее, умея без оскорбления сдержи-

вать причудливость ее живого нрава. Читатели наши уже знают, какой достойный человек был Василий Иванович Киреевский²³². Прибавим, что он утвердил ее в правилах строгого благочестия. Близко знакомая с западными писателями и философами, она усвоивала себе лучшие их стороны, а сама оставалась вполне православною христианкою, во всей широте этого слова. Ум ее постигал разнообразные оттенки философских и богословских учений, но верность нашим церковным уставам не была для нее пустою обрядностью. До конца жизни, уже совершенно дряхлая и едва передвигавшая ноги, она однако всегда держала посты, посещала Божью церковь и в этом духе воспитала всех детей своих.

От семилетнего брака с Киреевским Авдотья Петровна имела четверых детей, из которых дочь Дарья умерла ребенком, а трое достигли зрелого возраста. Первенцем ее был Иван Васильевич, известный писатель и мыслитель (родился в Москве 22 марта 1806 г., скончался в Петербурге 11 июля 1856 г.). Хотя Авдотья Петровна вообще была отличною матерью, но нежность ее в особенности была обращена к этому сыну, превосходившему всех остальных детей ее в даровитости. Деятельность и заслуги его довольно известны; прибавим, что к необыкновенным способностям присоединялся в нем дар стихотворческий, который он не успел развить в себе, отдавшись философии и богословским знаниям.

Вторым сыном был Петр Васильевич (родился 11 февраля 1808 г., скончался 25 октября 1856 г.), стяжавший себе имя собранием русских песен, до сих пор, к сожалению, вполне не изданных; человек обширной начитанности, самостоятельный мыслитель, голубь душою.

Братьям Киреевским вполне соответствовала сестра их, девица Марья Васильевна (родилась 8 августа 1811 г., скончалась 5 сентября 1859 г.), отлично образованная ревнительница древнего благочестия, окончившая чистую жизнь в трудах и духовных подвигах. Довольно сказать, что она собственноручно переписала два раза весь перевод Библии, сделанный с еврейского алтайским миссионером (а потом бывшим архимандритом соседнего с Петрищевым Болховского монастыря) Макарием, перевод ныне напечатанный, но в то время запрещенный нашею цензурою.

Иметь и воспитать таких детей, каковы были эти два брата и сестра, есть уже заслуга перед обществом.

Оставшись после первого мужа 23-х летнею вдовою, Авдотья Петровна года полтора провела у тетки своей, тоже вдовы Екатерины Афанасьевны Протасовой (1771–1848). По тогдашним крепким понятиям о родстве, Е. А. Протасова заступила молодой вдове место матери. Это была женщина твердой воли и высокой добродетели. Старожилы до сих пор помнят ее в Дерпте, где она провела около 20 лет. Понятие о ней может дать следующий случай. Рано овдовевши, она жила в Белёве с маленькими дочерьми. Начался большой пожар, угрожавший порохом складам. Полиция, как часто бывает, потеряла голову. Тогда Екатерина Афанасьевна отправляется в пересыльную тюрьму, сильным словом приказывает выпустить колодников и убеждает их спасти город. Увлеченные ее восторженною настойчивостью, преступники бросаются тушить пожар, отвлекают огонь от погребов с порохом и затем все до единого возвращаются в место своего заточения. Говорят, что об этом подвиге составлен был тогда же акт и донесено по начальству. Женщина эта имела большое значение в жизни Жуковского и А. П. Елагиной. Они любили и чтили ее, но в то же время о ее непреклонную волю разбились все усилия Жуковского соединиться браком с ее старшею дочерью Марьею Андреевною (1797–1823). Святейший синод готовил разрешение, знаменитый И. В. Лопухин (крестный отец И. В. Киреевского) писал к матери убеждающее письмо – Екатерина Афанасьевна осталась неумолима. Взаимная любовь Жуковского и его племянницы была в эти годы главным делом и в жизни А. П. Елагиной, потому что к ним обоим она питала безграничную дружбу. Жуковский перед тем только что написал «Певца в стане русских воинов», облетевшего всю Россию и был

---

²³² См.: Наст. изд. («Рассказы и анекдоты» Т. Толычовой и «Черты старинного дворянского рода» А. П. Петерсона). – *Сост.*

наверху своей поэтической известности. Он вышел из ополчения и, оправившись после тяжелой болезни, приехал к Е. А. Протасовой, в село Муратово под Орлом. То было лучшее время его жизни и дружбы с Елагиной. Вот одна черта этой дружбы. Жуковскому нужны были деньги на издание его сочинений²³³ – Авдотья Петровна не задумалась продать для того свою рощу.

О муратовском и чернском обществе в 1812 году и после изгнания неприятелей было уже говорено не раз в «Русском архиве»²³⁴.

В середине лета 1814 года, после свадьбы младшей Протасовой с Воейковым, А. П. Елагина уехала к себе в Долбино, и Жуковский на время поселился у нее. Наступила деятельная пора его поэзии. Кроме многих баллад и «Двенадцати спящих дев», по настоянию друзей он писал в это время свое «Послание к императору Александру». В послании этом, рядом с напыщенными выражениями, есть места высокой красоты. «Народов друг, спаситель их свободы», «муж твердый в бедствиях и скромный победитель» (как выразился о нем князь Вяземский), обворожительный самодержец приводил в восторг А. П. Елагину, которая часто припоминала впоследствии его венчание на царство и восхищалась поэтической стороною его царственного образа. Впоследствии ее огорчали новейшие расследования неумолимой истории, вскрывающие слабые стороны в характере и деятельности Александра Павловича. В 1814 году в сельском уединении Долбина она праздновала с Жуковским и соседними помещиками день рождения государя и убирала цветами бюст его. К этому времени относятся так называемые «долбинские стихотворения» Жуковского (напечатанные в «Русском архиве» 1864 г.). Поэт верил художественному чувству А. П. Елагиной: против тех стихов, которых она не одобряла, рисовал он сбоку могилку и крест; это значило, что стихи будут уничтожены. Тогдашнее стихотворение Жуковского «Теон и Эсхин», написанное вслед за тем, как совершился внутренний перелом в его жизни и брак с М. А. Протасовой стал невозможным, в особенности нравилось А. П. Елагиной. Там есть стих: «Для сердца прошедшее вечно», сделавшийся и для нее руководящим правилом.

1814 годом кончилась молодая жизнь А. П. Елагиной. Кружок друзей ее разбрелся. Она разлучается надолго с своими двоюродными сестрами, которых любила страстно.

В начале 1815 г. Е. А. Протасова переселилась в Дерпт, где Жуковский через А. И. Тургенева доставил профессорское место ее зятю А. Ф. Воейкову. С той поры в течение многих лет сердце и мысль А. П. Елагиной постоянно обращались к Дерпту, где жил Жуковский, где (в январе 1817 г.) состоялся брак Марьи Андреевны с профессором хирургии Иваном Филипповичем Мойером и где она скончалась 9 марта 1823 года. Могила М. А. Мойер стала для нее святынею. Она помнила и любила эту подругу своей молодости во всю долголетнюю остальную жизнь свою. За немного лет до своей кончины она вышила шелками на престольное одеяние для нашей дерптской кладбищенской церкви. Живы и даже для людей посторонних увлекательны были ее воспоминания и рассказы о М. А. Мойер (про которую даже и Вигель отзывался, что «во всем существе ее, в голосе, во взгляде было нечто неизъяснимо обворожительное») и о сестре ее, прекрасной «Светлане» (†1829 в Пизе). Судьба как будто нарочно захотела, чтобы последние месяцы жизни своей А. П. Елагина провела в Дерпте, возле заветной могилы.

Поселившись с 1814 года в Долбине, А. П. Елагина в первый раз стала жить самостоятельной жизнью хозяйки-помещицы. Несколько девушек воспитывалось у нее в доме. (Из них многим в Москве памятна дочь некогда известного книгопродавца и содержателя типографии Елисавета Ивановна Попова, скончавшаяся девицею в прошлом, 1876 году, отлично образованная, сердобольная и благочестивая: на ней отразились качества ее воспитательницы.) Дела по имениям и воспитание детей озабочивали молодую вдову. Две сестры ее около этого вре-

²³³ Речь идет о собрании сочинений В. А. Жуковского в 2-х тт., вышедшем в 1815 г. – *Сост.*

²³⁴ См.: Наст. изд. («Рассказы и анекдоты» Т. Тольчовой и «Черты старинного дворянского рода» А. П. Петерсона). – *Сост.*

мени вышли замуж. В нее влюбился троюродный ее брат Алексей Андреевич Елагин²³⁵, и она соединилась с ним браком 4 июля 1817 г., в городе Козельске. Елагин, бывший артиллерист, участник недавних походов, был человек благороднейших правил и живой любознательности. Довольно сказать, что в царствование Николая Павловича он поддерживал деятельную дружбу с сослуживцем и приятелем своим декабристом Батенковым, уже в зрелых годах выучился по-французски, а по-немецки читал германских философов с своими пасынками. Дети Киреевские были ему преданы, имея в нем попечительного вотчима. Будучи отличным хозяином, он вполне обеспечивал довольство семьи и многостороннее обучение детей. Крепкая дружба соединяла этих детей от обоих браков. К рождению старшего из них от второго брака, Василия (13 июня 1818 г.), приехал навестить Елагину в новом быту ее Жуковский из Москвы, где он тогда находился со двором, и в Долбине написаны стихи, которые он печатал для своей царственной ученицы известными тетрадками, под заглавием «Для немногих». Жизненный путь для него и для Елагиной в это время вполне определился: Жуковский начал свою долголетнюю педагогическую службу при дворе, Елагина повела счастливую супружескую жизнь.

Воспитание детей потребовало переезда на житье в Москву. Елагины поселялись у Сухаревой башни, в доме Померанцева. Впоследствии они купили себе (у известного по своим «Запискам» Д. Б. Мертвого) большой дом близ Красных ворот, в тупом закоулке за церковью Трех Святителей, с обширным тенистым садом и с почти сельским простором. Елагина с особенною любовью вспоминала про этот дом, где провела она около 20 лет сряду и где родились остальные ее дети: Николай (родился 23 августа 1822 г., умер 11 февраля 1876 г.), Андрей (родился 18 сентября 1823 г., умер 27 декабря 1844 г.) и отменно любимая Елисавета (родилась 1825 г., умерла 4 июля 1848 г.). Дом этот, отданный ею впоследствии И. В. Киреевскому²³⁶, долго был известен московскому образованному обществу, всему литературному и ученому люду. Языков, поселившийся у Елагиных, вспоминает об этом доме, говоря о

Республике привольной
У Красных у ворот.

Ум, обширная начитанность и очаровательная приветливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодых братьев Киреевских, встречали в их матери самую искреннюю ласку. Тут были князь Одоевский, В. П. Титов, Николай Матвеевич Рожалин (знаток классических языков), А. И. Кошелев (друг И. В. Киреевского), С. П. Шевырев, А. П. Петерсон, М. А. Максимович, Д. В. Веневитинов, А. О. Армфельдт, архивные юноши С. А. Соболевский и С. С. Мальцов (свободно писавший по-латыни). А. П. Елагина необыкновенно как умела оживлять общество своим неподдельным участием ко всему живому и даровитому, ко всякому благородному начинанию и сердечному высокому порыву. Ее любимцем в то время был вдохновенный Языков, особенно дружный с П. В. Киреевским. На одном из ужинов она надела ему на голову венок из цветов. В доме у Красных ворот устраивались чтения, сочинялись и разыгрывались драматические представления, предпринимались загородные прогулки, описывались в стихах, например, странствование к Троице-Сергию. Языков сделал стихотворный отчет этому пешему многолюдному хождению, а Армфельдт, тоже в нем участвовавший и на одной из стоянок до того заспавшийся, что принуждены были будить его и закидали орехами, рассказал этот случай в привычном ему шутовском тоне:

²³⁵ Сестра Афанасья Ивановича Бунина, Анна Ивановна Давыдова, имела дочь Елисавету Семеновну, которая была матерью А. А. Елагины. — П. Б.

²³⁶ Вместо части, следовавшей ему из ее собственного юшковского имения. — П. Б.

В село прибывши Пушкино,
Искал я карт для мушки, но
Не мог никак найти.
Судьбою злой караемый,
Залег я спать в сарае; мой
Был прерван краткий сон:
В орешенных баталиях,
Меня там закидали, ах!
Любезный Петерсон!..

Из языковского описания сохранились в печати прекрасные стихи о происхождении мытищинского ключа. Живая, грациозная шутка была достоянием елагинской семьи и в особенности представителя ее, Алексея Андреевича²³⁷. Жуковский и Языков ввели туда А. С. Пушкина, который полюбил старшего Киреевского и упоминает о нем в своих отрывочных «Записках». Дом А. П. Елагиной сделался средоточием московской умственной и художественной жизни. Языков совместничал с «княгиней русского стиха» К. К. Павловою, тогда еще девицею Яниш, удостоенною внимания со стороны Гете и приехавшего (в Москву на пути в Сибирь) Гумбольта. Пародировались известные стихи «Бахчисарайского фонтана»:

---

²³⁷ Елагин. – *Сост.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.